

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

ДОРОГАЯ НАХОДКА

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Annotation

Детектив-экстрасенс Яна Милославская берется расследовать очередное дело — о самоубийстве пожилой женщины. Дело закрыто, но Яна уверена — это лишь звено в цепи событий, которые ловко подстроены алчным преступником, ведь речь идет об очень больших деньгах...

- [Анастасия Валеева](#)

- [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
-

Анастасия Валеева
ДОРОГАЯ НАХОДКА

ГЛАВА 1

— Джемма, успокойся, ради бога! Ну что ты взялась, в самом-то деле? — посмеиваясь и умиляясь повадками своей любимицы, произнесла Яна Милославская и потянула рвущуюся к калитке собаку за ошейник.

Железная щеколда неугомонно прыгала вверх-вниз, и, естественно, воспитанная по всем правилам азиатская овчарка стерпеть этого не могла. Она во что бы то ни стало рвалась показать хозяйке свою преданность, а непрошеному гостю — умение защищаться. Собака оскалила зубы, угрожающе приподняла хвост, шерсть ее вздыбилась.

Гость, действительно, был непрошенный. Встав рано утром, Милославская отправилась на местный рынок. Всю неделю она была занята, и теперь ее холодильник был бессовестно пуст, так как запасы съестного в нем давно уже не пополнялись.

Вообще, Яна не была любительницей готовить и больше предпочитала меню какого-нибудь небольшого уютненького кафе или недорогого рестораника, чем свою стряпню, заниматься которой у нее никогда или почти никогда не было настроения. Однако бывали моменты, когда просто не было сил или желания выходить из дома в «поисках пищи», да и гости могли внезапно нагрянуть. Как-никак на такой случай какая-нибудь провизия в запасе все-таки должна была иметься.

Доверху набив продуктами две порядочные авоськи, Милославская, переваливаясь с боку на бок и периодически останавливаясь для передышки, добралась до дома. Разложив припасы по полкам и шкафам, Яна вдруг заметила, что в ее жилище как будто давно уже не наводился порядок, и под настроение, взяв ведро и тряпку, она энергично стала натирать все и вся.

Силы ее в итоге иссякли окончательно. Приняв прохладный душ и накормив собаку, она сварила себе кофе и собиралась, выпив чашечку-другую, немного поваляться в постели, а если получится, то и вздремнуть. Она накинула коротенький легкий шелковый халатик, подсушенные волосы повыше заколола крупными шпильками и, поджав под себя ноги, уселась в кресло с чашкой кофе напротив телевизора.

В этот самый момент щеколда и залязгала, да как-то озлобленно, громко, словно с перепугу.

— Кто это?! — удивленно воскликнула Милославская и вопросительно посмотрела на свою собаку, которая, до того вытянувшись у

нее в ногах, вдруг поднялась на лапы и угрожающе зарычала.

Реплику хозяйки Джемма поняла как призыв и, не дожидаясь дополнительных указаний, неистово бросилась к двери, которую Яна не закрыла, а просто занавесила легкой тюлевой тканью, так как на улице уже около недели стояла тридцатиградусная жара.

В три прыжка преодолев пространство двора, собака достигла калитки и стала кидаться на нее, лая все громче и яростней.

— Ну, ну же! — теперь уже строго прикрикнула Милославская на Джемму, и та сразу замолчала, но готовой к прыжку позы не изменила.

Яна и сама не знала, встреча с кем сейчас ее ожидает, но она всегда всецело могла положиться на овчарку, поэтому действовала смело и уверенно.

Засов скрипнул, Милославская приподняла щеколду и потянула на себя ручку калитки.

— Э-кхе-хе-хе! У-ха-ха! — раздался ей в лицо радостный смех.

— О-о-о.... Какие люди! — с искренним удивлением и взаимной радостью протянула Яна.

— Не ожидала? — обхватив Милославскую пухлыми горячими руками и целуя ее в обе щеки, горделиво спросила Марина.

— Как же, ожидала она, — с шутливой привередливостью подхватил ее муж, — сидит тут, как затворница, халата не снимает!

— Да это я... Я только из душа, — невольно краснея, стыдливо пробормотала Яна и стала оправлять халат. — Проходите, проходите, — улыбаясь во весь рот, проговорила она, — Джемма, уйди, не мешайся под ногами!

— Скорее, ты у нее мешаешься! — смеясь, заметила Марина и осторожно покосилась на собаку.

Овчарка нехотя отошла в сторону.

Джемма была невероятно сообразительным животным. Эту чистопородную среднеазиатскую овчарку Яне некогда привезли из Туркмении. Теперь хозяйка и питомица души друг в друге не чаяли, и последняя выражала свою любовь постоянной готовностью защиты. Джемма, будучи очень крупной, вполне могла справиться со взрослым человеком, что неоднократно уже происходило.

— Подрост твой кутенок, подро-ос, — покачивая головой, протянул Саша, Маринин муж.

— Неужели! — с укором ответила Милославская. — Вы когда у меня последний раз были-то?

— А сама-то не могла приехать? — уперев руки в бока, парировала

Марина.

Яна в ответ только виновато вздохнула.

— Забралась, понимаешь, в это Простоквашино, — почесывая в затылке и взглядом обводя двор, протянул Саша, — и еще хочет, чтобы светские люди ее регулярно навещали. Нет уж, моя дорогая, не бывает так, чтоб и волки были сыты и овцы целы...

Простоквашиным в городе называли все его окраины, и те, кто жил в центре или хотя бы поблизости от него, произносили это слово с каким-то особенным снобизмом и пренебрежением.

Милославская и на самом деле жила далеко не в самом престижном, зато тихом и спокойном районе города, называемом Агафоновкой. Она имела, конечно, возможность поселиться где-нибудь в центре, но в определенный момент своей жизни всем прелестям цивилизации предпочла небольшой домик, заслоненный огромными ветвями дуба, росшего под самыми его окнами.

Яна поселилась здесь не так давно. Дом во время покупки его Милославской не представлял из себя ничего особенного и, судя по всему, был значительно старше своей новой хозяйки, однако по сравнению с дубом и он казался младенцем. Возможно, именно дуб сыграл тогда решающую роль. Огромный, могучий, сильный, он словно обещал защиту и поддержку, в которой женщина тогда очень нуждалась.

Теперь Яна, наверное, и не смогла бы объяснить, почему она выбрала для жилья именно это место. На момент его поиска она не располагала какими-либо внушительными средствами, но купить что-нибудь попроще все же было в ее возможностях. Старая скрипучая калитка на ржавой пружине, огромная металлическая щеколда — от всего этого веяло старыми добрыми временами, когда Яна была совсем еще девчонкой. Может быть, это тоже повлияло на ее выбор...

Теперь здесь, конечно, многое изменилось. Поселившись на новом месте и немного придя в себя, Милославская затеяла капитальный ремонт, наняла бригаду рабочих, и они в довольно короткие сроки изменили внутренность жилища до неузнаваемости. При своей патриархальности теперь оно было комфортно и не заставляло мечтать о лучшем. Лучшего, на самом деле, и пожелать было трудно.

— Хватит тебе, — с шутилой сердитостью тыкая мужа костяшками пальцев в затылок, произнесла Марина, — ворчишь, ворчишь... Старый, что ль, стал?

— Дед как-никак... — расплываясь в широкой улыбке, ответил Саша.

— Как?... — Яна всплеснула руками, не зная, шутят или правду

говорят ее гости.

Марина в ответ часто закивала, закрыв глаза.

— Как же? Что? — затараторила Милославская, совершенно не ожидавшая услышать такую новость. — Ой, ну что же это мы все стоим тут?! Идемте, идемте в дом.

Она обняла руками обоих супругов и подтолкнула их ко входу в дом. Джемма, видя настроение своей хозяйки, вежливо освободила проход.

Перешагнув порог дома, Яна сразу проводила гостей в свой кабинет, обстановка которого, как ей казалось, наиболее располагала к подобным разговорам. Мало сказать, что интерьер кабинета был нестандартным, он приковывал внимание всякого, кто оказывался в нем, пусть даже и не впервые.

Милославская усадила Марину и Сашу на высокий диван, обитый дорогим зеленым бархатом. Напротив дивана величаво стояло старинное кресло со спинкой из темной бронзы. В него опустилась сама хозяйка. По-настоящему удивлял здесь изумрудного цвета ковер с вышитыми катренами Нострадамуса и очень дорогая и ценная статуэтка египетской кошки, которую иметь в своей коллекции мечтал, наверное, не один антиквар. Сама Яна, таинственная и загадочная для многих, смотрелась в окружении всего этого вполне гармонично.

— Ну как? Что? — нетерпеливо начала расспрашивать заинтригованная Милославская.

— О-ой, и не спрашивай, — с ложной усталостью ответила Марина и махнула рукой.

— Сынишка удивил, — подхватил Саша, — приходит однажды с улицы, поздно уж было, мы с Мариной спать легли, свет зажег, разбудил и спокойно так: «Женюсь, старики...»

— Как?! — ахнула Яна.

— Вот и наша такая реакция была! — заявила Марина, подальше откинувшись на спинку кресла. — Стали отговаривать: «Что ты, сынок?! Опомнись!» А он и слушать не хочет... — Марина смахнула слезу.

— Да ему лет-то сколько? — полная удивления, спросила Милославская. — Девятнадцать?

— Восемнадцать, — поправила Марина.

— С ума сошел... — Яна покачала головой.

— Женьитьба-то чего-о! — снова вступил в разговор Саша. — Мы с матерью как заявили — не даем своего согласия, так он: «А она беременная!» С Маринкой аж плохо стало. Ну тут уж куда деваться? Сами всегда ему про порядочность втирали. Пришлось и здесь от позиций не

отступать. Женили...

— А неделю назад внук у нас родился, — теперь уже со слезами гордости сказала Марина. — Данилка.

— Ну а она-то ничего? — осторожно спросила Милославская.

— Аня-то, сноха? — Саша высоко вскинул брови. — Да хорошая девчонка! Дите, правда, совсем...

— Ну, дай бог, дай бог, — вздохнув, произнесла Яна.

— Институт бросать не даем ни ей, ни ему, — деловито сказала Марина, — няньку наняли, да и сами помогаем. И ее родители молодцы, тоже не подводят. Потянем как-нибудь...

— Ну вот, — радуясь за приятелей, сказала Милославская, — все хорошо... И все же смешно: дед, бабка... Вам же ни одному сорока нет?

— Тридцать восемь, — опустив глаза, протянула Марина.

— А вы сами-то, мои дорогие, во сколько согрешили, а? — прищурившись, прошептала Яна.

Все трое звучно расхохотались. А Саша — до слез. Вспомнил, наверное, все очень живо.

— Сейчас я кофе соображу, — приподнимаясь и придерживая полу халата, сказала Яна, — Или чего покрепче?

— Не-не-не-не, — зачастил Саша, мотая головой, — у нас на это времени нет!

— Как? Неужели вот так и уйдете? — в голосе Милославской слышалась обида. — Столько не виделись...

— Мы уйдем вместе с тобой, — загадочно и теперь вдруг серьезно протянула Марина.

Милославская только непонимающе хлопала глазами.

— Мы ведь не случайно тут, — начал объяснять Саша, — проездом.

— А я-то думала, — обиженно протянула Яна.

— Нет, подожди, — замахала на нее руками Марина.

— Мы тут дачу купили, — продолжил ее супруг, — в этом направлении. За Багаевкой, знаешь? У Волги.

— Ну, — Милославская кивнула.

— Так вот. Едем сейчас туда и тебя берем с собой.

Марина с Сашей с надеждой смотрели на свою приятельницу.

— Возражений не принимаем, — предупредительно заявил Саша.

— А повод-то знаешь какой? — подморгнув, спросила Марина.

Милославская пожала плечами.

— Я же говорил! — воскликнул Саша, глядя на свою жену.

— Э-эх, — укорила она Яну, — сегодня же наш семейный юбилей!

— Елки-палки! — протяжно произнесла Милославская. — Ребята, простите ради бога!

— А мы ее еще в свидетельницы брали! — с шутливой обидой пробормотала Марина.

— Кстати, а эта свадьба имеет какое-нибудь название? — заинтересованно спросила Милославская. — Ну, деревянная, розовая, серебряная...

— Еще скажи — золотая, — прыснула Марина.

— Черт ее знает, как она называется, — сказал Саша, — не в этом дело. Собирайся, едем, — добавил он, глянув на Яну.

— Ну раз такое дело... — протянула она. — Отказаться нельзя. Еду!

Супруги засмеялись, а Милославская удалилась в другую комнату, чтобы переодеться. Облачившись в хлопковый летний спортивный костюм, она наскоро собрала сумку, покидав в нее все, что может понадобится во время короткого загородного отдыха, и через двадцать минут предстала перед друзьями, которые по совету Милославской рассматривали ее последние фотографии.

— Готова? — спросил Саша.

Яна кивнула.

— Отлично, — ответил он. — Ну, девчонки, в дорогу.

— Я и Джемму беру, — немного виновато сказала Милославская, покосившись на любимицу.

— Прекрасно, будет кому нас охранять, — ответил Саша, — мы еще пса там не успели завести.

Яна бросила в сумку упаковку собачьего корма, взяла еще кое-какие Джеммины принадлежности и была готова. Супруги дожидались ее на крыльце.

— Идем? — спросила Милославская, заперев дверь.

— Угу, — буркнул Саша и кончиком ботинка затушил сигарету.

Все трое разместились в комфортном BMW-535, которым семейство обзавелось не более года назад.

Саша с Мариной были прекрасной семейной парой, и их совместной жизни можно было только позавидовать. Яна познакомилась с ними давно, еще девчонкой, сдружилась с Мариной и оказалась приглашенной на свадьбу молодых в качестве свидетельницы, хотя и была на несколько лет моложе своих друзей.

Федотовы окончили один институт. Марина и по сей день работала по специальности, а Саша довольно скоро разочаровался в выбранной профессии и решил заняться бизнесом. Поначалу у него не очень-то это

получалось, были и провалы, и довольно крупные потери. Но в этих ситуациях парня всегда поддерживала Марина. Лаской, добрым словом. Не было денег — не жаловалась, крутилась, как могла, выходила из положения.

Потом, наконец, фортуна улыбнулась Саше, и на одной не очень обнадеживающей поначалу сделке он сорвал крупный куш. Молодые купили дом и переехали от Мариных родителей, совместно с которыми проживали. Кстати сказать, не очень дружно. Дальше было всякое, но в целом семья крепла, а благосостояние ее росло.

Теперь Саша был преуспевающим бизнесменом, владел крупным ночным клубом и пользовался в своем кругу завидным авторитетом. Марина бросить работу отказывалась, так как была в нее просто влюблена.

Этой семейной паре был чужд снобизм, столь свойственный людям их среды, поэтому, наверное, они были так легки в общении и имели много друзей. Милославская на протяжении долгих лет поддерживала с Мариной и Сашей отношения, хотя в последнее время, без всякой видимой причины, их встречи случались гораздо реже, чем раньше.

ГЛАВА 2

— Чудное местечко! — протянула Милославская, втягивая ноздрями свежесть хвои и недалекую речную влагу.

— И Волга совсем рядом, — указывая вперед рукой, гордо заявила Марина, — пять минут ходьбы. Пляж песчаный...

— Чудесно, чудесно, — повторила Яна, поднимая с земли маленькую шишку.

— Ну, пойдем, пойдем, — подтолкнула подругу Марина, — гараж мы еще не выстроили — у прежних хозяев его не было. Поэтому Саша оставит машину здесь, на стоянке. А что? — женщина пожала плечами, — Охраняется, под присмотром... А мы с тобой немного пешочком пройдемся, тут недалеко, полюбуйся заодно местными достопримечательностями.

— Да-а, многозначительно протянула Яна, — тут есть на что посмотреть, — Милославская окинула взглядом двух-трехэтажные дачные постройки, обнесенные высокими заборами.

— Тут вот депутат свой досуг проводит, Бабуша, — Марина кивнула влево. — Знаешь такого?

— Нет.

— Ладно, не имеет значения. Тут вот, — женщина обернулась назад, — главврач второго роддома обосновался. Как думаешь, миллион стоит такая хижина?

— Стоит. Что и говорить, бедные родственники... — заключила Милославская иронично.

— А сноха вот рожала, так все свое в роддом притащили, вплоть до ваты и шприцов одноразовых, — пожаловалась Марина. — Ну идем, идем.

Подруги не спеша направились по неширокой наезженной дорожке, любуясь теперь не особняками, которые были один богаче другого, а прелестями пейзажа. Из-за верхушек домов выглядывали размашистые еловые и сосновые лапы, кое-где просматривались липы, дубы. Кукушка кому-то отсчитывала свое... Края дорожки густо заросли трын-травой и подорожником, еще незрелым и липким. Небо было безоблачное и пронзительно голубое. Милославская с наслаждением впитывала в себя излучение, даруемое всей этой красотой.

— А вот и наше приобретение, — вздохнув, сказала наконец Марина и повернула к кованой красивой калитке.

— Недурно, — восхищенно покачивая головой, заметила Милославская.

Марина отперла калитку и пропустила Яну вперед. Посреди двух густо засаженных разными цветами клуб проходила бетонированная узкая дорожка, ведущая к двухэтажному дому из красного кирпича. Милославская неспешно зашагала по ней.

Пригласив гостью в дом, Марина провела ее по всем комнатам, решив похвалиться их интерьером. Она с гордостью рассказывала, где и по какой цене приобрела ту или иную мебель, страдальчески закатив глаза говорила о многотрудных походах по магазинам в поисках подходящих аксессуаров и прочего. Яне ничего не оставалось, как, слушая подругу, делать комплименты ее вкусу, который она на самом деле ценила.

Потом женщины прошли на кухню и сразу принялись за приготовление обеда. Холодильник был набит до отказа, поэтому им оставалось только соревноваться в кулинарном мастерстве. Яна решила взяться за судака под маринадом, Марина — за мясо по-французски. Саша обещал соорудить необыкновенное барбекю. В общем, присовокупив к этому ряд салатов и нарезок, которые были куплены семейством в в полуфабрикатном виде, предстоящий обед можно было назвать настоящим пиром, разумеется, не забывая о горячительных напитках, коих в дачном погребе тоже был широкий ассортимент.

— О-о-о! — войдя, протянул Саша, закрывая глаза, — Как я обожаю, когда на кухне все фырчит, парит, кипит!

— Федотов, — игриво заметила Милославская, — а ты, между прочим, отлыниваешь! Давай включайся в производственный процесс!

— Виноват, виноват, — разведя руками, ответил Саша. — Мамуль, а где у нас все для барбекю? — обратился он к Марине. — В погребе?

— Уф-му, — промычала она, жуя что-то из наскоро перехваченного.

Прошло не менее часа до тех пор, когда собравшиеся уселись наконец вокруг стола, выставленного на террасу, обвитую виноградом, грозди которого, к сожалению, совсем еще не вызрели. Было пока светло, но в траве уже начинали потрескивать сверчки, заявляя всем остальным о наступлении своего времени. Джемма легла на ступеньках и, прикрыв глаза, все же предупреждающе помахивала хвостом.

— Комаров тут почти нет. Это тоже плюс, — заявил Саша, открывая бутылку белого вина.

Первый тост был за «молодых», а потом, как обычно — за любовь, за дружбу, за здоровье и прочее. От вина приятно зашумело в голове, разговор становился все оживленнее, воспоминания лились рекой. Саша преподнес

Марине корзину роз, которую предусмотрительно спрятал где-то в подвале, и маленький флакон ее любимых духов «KENZO». Марина, конечно, была растрогана и даже пустила слезу. Саше едва не пришлось успокаивать обеих женщин, потому что и Яна не смогла сдержаться, ибо, глядя на счастливых супругов, она не смогла не вспомнить о своей семейной жизни, история которой была, увы, трагична.

Несколько лет назад семья Милославских — Яна, ее муж и сын — попала в серьезную автомобильную катастрофу, после которой в живых осталась только сама женщина. Тогда она не благодарила бога за свое спасение, она проклинала его. Ее супруг, Саша, и единственный сын, Андрей, погибли. Жить не хотелось, видеть никого не хотелось. Дни шли за днями, а становилось только больнее и больнее. Каждая вещь в доме напоминала об ушедших, так любивших Яну и так любимых ею. Не раз у нее возникала мысль о самоубийстве, но рука не поднималась переступить заповедь «Не убий». Милославской стало казаться, что она сходит с ума, и тогда она решила сменить место жительства, забраться подальше, где поглуше, существовать тихо и незаметно. Под руку ей Агафоновка и подвернулась.

— А ну, хватит мне сырость разводить, — прикрикнул на женщин Саша и взял в руки гитару. Ударил по струнам и затянул их общую, любимую с юных лет, но только теперь окончательно понятую песню «Мы эхо друг друга», которую некогда блистательно исполняла Анна Герман.

Потом были «Изгиб гитары желтой...», «Маленький плот» и многое другое, традиционное в таких случаях.

— Ну, а теперь барбекю, — разведя руками и встав из-за стола, произнес Саша.

Все отправились на небольшую лужайку позади дома, где мужчина довел до ума блюдо, к которому он неоднократно отлучался из-за стола. Янина собака попыталась затеять игру со своей хозяйкой и притащила откуда-то ей здоровенную толстую палку, но Милославская строгим жестом пресекла все претензии Джеммы на такие развлечения.

Женщины отведали по кусочку барбекю и не смогли удержаться от искренних комплиментов, которые Саша терпеть не мог, почему и поспешил перевести разговор на другую тему.

Когда совсем стемнело, друзья отправились к Волге. Собрав все усилия воли, окунулись в ее по-ночному прохладные воды. Плескались, визжали, как дети. Джемма лаяла на всякий случай, толком не понимая, что происходит. Потом компания, чтобы согреться, разожгла костер. Долго разговаривали в новой, еще более располагающей к воспоминаниям

обстановке. Потом тихонько побрели назад к дому.

Местные собаки встретили их появление в начале улицы дружным лаем. Яна предусмотрительно придерживала свою любимицу за поводок, боясь, что она перемахнет в каком-нибудь месте невысокий забор и покажет себя во всей красе, в чем, собственно, не было никакой необходимости.

— Тихо! — вдруг воскликнул Саша, когда приятели свернули на улицу, где располагалась их дача. — Посмотрите, кажется, кто-то у калитки.

Уже совсем рассвело, да и фонари еще горели, поэтому женщины легко различили у дома мужской силуэт, а чуть позже увидели, что мужчина старательно жмет на кнопку звонка. Не видя их и, очевидно, потеряв всякую надежду дозвониться, он стал неистово колотить по металлу кулаками, подняв лязг и грохот, наполнившие весь проулок.

— Э! Э-э! — прикрикнул Саша.

Джемма приняла боевую позу и зарычала, а Милославская на всякий случай чуть ослабила поводок.

— Да это Витька! Витька Ермаков, — воскликнула Марина, взяв Сашу за руку. — Вон и мотороллер его за деревом.

— А чего это он? — недоуменно произнес Федотов.

— Вить! — закричала Марина.

Мужчина у калитки сразу обернулся.

— Ну, точно он! — заключила Сашина супруга.

Милославская, будучи уже давно знакомой с Федотовыми, знала практически всех их родственников. Немного наслышана она была и об этом Витьке. Он являлся каким-то тро— или четвероюродным братом Саши и жил в селе Багаевка, до которого от дач было не более пяти километров.

Приятели ускорили шаг. Витька бегом кинулся им навстречу.

— Что-то случилось! — тревожно предположила Марина.

— Наверное, — поддержал Саша супругу, — Витька знал, что мы этот месяц будем жить на даче. Прибежал за помощью? — предположил он в заключение.

Не добежав до Федотовых нескольких шагов — Яна шла немного позади — мужчина остановился и, потрясая перед собой руками, закричал в лицо Саше:

— Саня! Мать... Саня! Мать...

Витька брызгал слюной и тряс головой, зажмурив глаза, из которых бежали слезы. Из слов его толком ничего понять было невозможно, разве только догадываться.

— Да говори ты толком! — зло закричал Саша, встряхнув худосочного Витьку своими здоровенными ручищами.

— Только что... Только что... — по-прежнему всхлипывая, начал тот, — я нашел свою мать, Евдокию Федоровну-у-у, — Витька снова зажмурился и завыл, — повесившейся.

— Что-о?! — в один голос воскликнули Федотовы.

Судя по Витькиному возрасту, его матери должно было быть никак не меньше семидесяти, поэтому здесь можно было ожидать что угодно: инфаркт, инсульт, — но никак не повешение. Яна тоже не могла сдержать своего удивления.

Но это она так мыслила, несколько детективно. Федотовым, судя по всему, было вовсе не до этих мелочей. Сам факт смерти, хотя эта Евдокия Федоровна и была в преклонном возрасте, просто обескуражил их.

— Евдокия... Федоровна... Повесилась?... — в ужасе бормотала Марина.

Саша просто нервно топтался у калитки, не в силах так сразу собраться мыслями. Витька весь трясся и беспомощно смотрел на Сашу.

— Саня... Что... что делать? — тихо выл он.

— Нужно идти туда, — вмешалась Милославская.

Все посмотрели на нее.

— Милицию вызвали? — спросила она, глядя на Ермакова.

— Угу, — утираясь рукавом, промычал Витька, — и скорую. Может, спасут еще, — тихо добавил он, хотя сам понимал, что это просто нереально.

— Да, в самом деле, — торопливо проговорил Саша, — надо скорее ехать туда.

Федотовы и Милославская быстро зашли в дом, переоделись и почти бегом двинулись к дачной автостоянке. Витька же сразу оседлал свой мотороллер и, дернув ногой педаль, заявил:

— Поеду к трассе, ментов и скорую буду встречать. Мать ведь на самом отшибе живет. А то будут искать полдня. Да уедут еще. Кто им в такую-то рань подскажет?

Саша в ответ только молчаливо согласился. Через десять минут он уже выезжал из ворот автостоянки на своей машине, на заднем сиденье которой разместились Яна с Мариной.

ГЛАВА 3

— Вон тот дом, — сказал Саша, указывая рукой немного влево.

— Да-да, — торопливо поддержала его жена.

Несколько поодаль всей деревни стояло два-три дома, на один из них и указали Федотовы. Когда подъехали ближе, Милославская рассмотрела невысокое деревянное строение, давно не крашенное, с резными ставенками, неровной завалинкой, покосившимся забором и такой же покосившейся, разошедшейся калиткой. На самой макушке дома, на высокой круглой палке торчал скворечник. Одинокая молодая береза была, пожалуй, единственным украшением степного пейзажа, который окружал это место. Извилистая тропинка среди невысокой лебеды вела к калитке. Калитка оказалась открытой настежь. Видно, Витька себя не помнил, когда вылетал отсюда. У самого забора трава была примята колесами мотороллера.

Саша первый вышел из машины и, не дожидаясь Марины, направился во двор. Женщины торопливо засеменили за ним. Джемма, выбравшись из автомобиля, как-то съежилась и даже немного попятилась назад. Почувствовала недоброе. В метре от невысокого кривого крыльца Марина остановилась, закрыла лицо руками и заплакала.

— Ну, ну, что ты?! — попыталась успокоить ее Яна, хотя у нее и самой на душе кошки скребли.

Милославская опередила подругу и стала подниматься по ступенькам. Она тут же заметила, что крыльцо было совсем недавно тщательно вымыто, и только незначительное количество земляной пыли на ступеньках свидетельствовало об оставленных человеком следах. «Витька», — подумала про себя Милославская, давно привыкнув сразу во всем увиденном устанавливать логическую последовательность.

— М-м-м, — послышался из передней комнаты приглушенный сдавленный звук, когда Милославская уже стояла в дверях дома.

Саша стоял посреди комнаты, сморщив лицо и потерянно глядя в одну точку.

На высокую железную кровать, стеганое одеяло на которой было откинута, а подушка лежала невысоко, так, чтобы спать было удобно, была заботливо уложена худощавая, среднего роста пожилая женщина. Она была одета в длинную хлопковую ночную рубаху, старенькую, выцветшую. Из-под рубахи выглядывали две костлявые мертвенно-белые ступни с желтыми толстыми ногтями на пальцах. Руки покойной, обтянутые сухой,

прозрачной старческой кожей, безжизненно лежали вдоль тела; кисти скривила предсмертная судорога, а лицо имело не только то страшное выражение, отпечаток какого обыкновенно оставляет смерть, но и было обезображено в результате мгновенного удушья. На шее ярко просматривался след толстой веревки, которая болталась посреди комнаты и была прикреплена к люстре тугим двойным узлом.

«Приготовилась ко сну, а потом передумала? — тут же заключила про себя Яна. — Или Витька постель разобрал, когда мать мертвую укладывал?... Хотел, чтоб на белом на всем лежала?..» Милославская заметила, что рядом с кроватью стоял невысокий деревянный табурет, на котором аккуратно было свернуто темное гобеленовое покрывало и тюлевая накидка с подушек. «Нет, — подумала тогда женщина, — Ермаков в его состоянии, скорее, раскидал бы все в разные стороны. Это она сама...»

Яна велела Джемме сидеть в углу и оглядела комнату: ничего особенного, так же, как у любого старика, доживающего свой век на невеликую пенсию. Как и положено — небольшая иконка в углу, обложенная искусственными цветами. На стене приютилось старенькое радио, рядом с ним — пухлый перекидной календарь. Круглый деревянный стол, накрытый клетчатой клеенкой, нашел свое место между окнами, выходящими не во двор, а на улицу; под ним вплотную встали две табуретки. Черно-белый телевизор «Рекорд» на дубовой невысокой тумбе, красивое старинное трюмо, массивный шкаф с большим зеркалом посередине, на окнах цветастые выцветшие занавески, в углу — сундук, накрытый связанной крючком скатертью — вот и весь нехитрый интерьер жилища Евдокии Федоровны.

Полосатый половик, размещенный посередине комнаты, был небрежно сбит в кучу. «А вот это уже Витька, — подумала Милославская. — Хотя чего это он так расстарался?»

— А-ах! Господи! — в дверях появилась Марина.

Саша стоял в прежней позе, не меняя своего положения. Марина подошла ближе к покойнице и, плача, бережно стала расправлять на ней рубаху.

— Что же? Что же это? Зачем? — приговаривала она.

Милославская не пыталась успокоить своих приятелей, зная, что в такой ситуации вряд ли можно найти какие-то по-настоящему утешительные слова. Она продолжала осматривать помещение. Подняла голову кверху — пыльный пластмассовый абажур. Потолок непривычно для такого домишки высокий... «Да... — заключила она про себя, —

старухе, судя по тому, что в доме у нее чистота и порядок, наверное, хотелось абажур этот отдраить, только вот дотянуться до него не было возможности или сил... А помощников, видно, днем с огнем...»

— Стоп! — вслух воскликнула вдруг Яна. — Но если она не могла... Абажур... То как же... Веревка... Такой у-узел?

Милославская еще раз оценила расстояние от пола до потолка, потом глянула на Евдокию Федоровну, взглядом измерила ее рост, посмотрела на ослабшие худые руки. Под веревкой валялся высокий табурет. Милославская и его мысленно представила стоящим под намеревающейся покончить собой женщиной.

— Все равно бы не достала! — снова вслух заключила женщина.

Марина с Сашей еще после первой фразы разом удивленно посмотрели на Милославскую, а теперь их глаза молчаливо требовали немедленных объяснений.

— Сколько ей? — серьезно спросила Яна, кивнув на покойницу.

— Что? — не поняли супруги.

— Лет Евдокии Федоровне сколько? — повторила Милославская.

— Семьдесят, кажется.... — растерянно пробормотал Саша, — С чем-то... Может, семьдесят четыре-семьдесят пять...

— Понятно, — Милославская вздохнула. — Она бодренькая была? — Яна еще более серьезно посмотрела на Федотовых.

— Н-ну... — непонимающе протянула Марина. — Живая... Для своих лет живая... Дом в чистоте содержала... Огородишко кое-какой...

— Му-гу, — Милославская многозначительно кивнула. — Даже если так, даже если живая... — сама с собой рассуждала она, глядя в пол. — Можно, конечно, подпрыгнуть до люстры со стула... Хотя вряд ли. Это даже смешно. Можно максимально встать на цыпочки... Но и это в ее возрасте возможно с большим трудом. Подтянуться, держась за веревку, чтобы влезть в петлю... Но это тоже в моем возрасте можно... Хотя и я уже, наверное... — Яна снова подняла взгляд в потолок, — Нет, нет, чепуха какая-то! Невозможно, невозможно...

Ход ее мыслей в целом был понятен Федотовым, но они отказывались верить своим догадкам, а потому, как только Яна замолчала, Саша требовательно заявил:

— Яна Борисовна, объясни наконец! Что же это мы как дураки?! Стоим, понять ничего не можем... — он ударил кулаком в стену.

— Минуту, — спокойно ответила Милославская, потом пристально посмотрела на покойницу, словно хотела о чем-то ее спросить, затем немного помолчала, задумавшись, и только после этого произнесла:

— Евдокия Федоровна в таком солидном возрасте вряд ли могла забраться на столь высокий табурет... Это во-первых. Во-вторых, даже если такой акробатический трюк после определенного количества попыток ей и удался, то сохранить равновесие пожилая женщина, наверняка с давлениями и головокружениями, дольше пары секунд определенно не сумела бы. Далее. — Милославская на мгновение деловито поджала губы и кулаком подперла свой подбородок, что придавало ей вид настоящего античного мыслителя.

— Допустим, — продолжала она, — что Евдокия Федоровна уже на табурете. Как она смогла дотянуться до основания люстры? Это первый вопрос. Как она могла завязать такой крепкий узел, закрепляя веревку? Разве это в ее силах? Веревка достаточно толстая... И все это следовало делать стоя на табурете. Это второй вопрос.

— И? — выпучив глаза, произнес Саша, боясь согласиться с собственными соображениями.

Марина, окончательно поняв, на что намекает Яна, в ужасе ахнула и закрыла рот ладонями.

— Да-да, — хладнокровно подтвердила Милославская, глядя в лицо Федотову.

— Ну, конечно... Да, это так, — шепотом проговорил он, соглашаясь с Яной.

— Й...ей помогли? — несмело и также тихо произнесла Марина.

— Думаю, да, — нахмурившись, ответила Милославская.

— Боже мой! — покачивая головой, еле слышно выговорила та. — Уби-ийство!

ГЛАВА 4

— Джемма! — позвала Мирославская.

Голос ее при этом заметно огрубел.

— Джемма, ко мне!

Федотовы удивленно посмотрели на свою подругу. Собака вплотную подошла к хозяйке и вопросительно глянула на нее.

— След! Джемма, след! — скомандовала Яна.

Марина испуганно захлопала глазами. Овчарка принялась обнюхивать комнату, засовывая свой нос во все щели. Она тщательно обнюхала покойницу, потом приблизилась к Федотовым, отвернулась, встала в нерешительности.

— Надо и с Витькой ее познакомить, — сказал Саша, суя Джемме под нос оставленную Ермаковым засаленную панаму.

Собака немного поводила по ней носом и как-то презрительно-смешно отвернулась, стала исследовать комнату. Сначала она делала это, казалось, совершенно равнодушно. Потом вдруг резко остановилась, зарычала, круто развернулась и, почти тыкаясь мордой в пол, направилась к выходу.

Яна схватила любимицу за поводок и быстрым шагом двинулась за ней.

— Будь тут, — на ходу приказал жене Саша, почти бегом бросившись вслед за Мирославской.

Марина испуганно затрясла головой, не желая соглашаться со словами мужа и косясь на покойницу, но когда тот прикрикнул на нее, промычала:

— Му-гу.

Оказавшись за калиткой, Яне и Федотову пришлось бежать, чтобы успевать за собакой: она более чем уверенно двигалась вперед — сначала по траве, а миновав метров триста, вышла на тропку. Тропка вела в сторону, противоположную деревне.

— Куда... куда ведет эта дорога? — запыхавшись, спросила Мирославская Сашу.

— К-кажется, к реке, — утирая со лба пот, ответил тот.

Джемма двигалась все увереннее и все быстрее. Приятели еле поспевали за ней. Яна боялась резко притормозить собаку, опасаясь, что та вдруг может потерять след.

Овчарка вдруг снова свернула с дорожки и направилась в сторону, раздвигая мордой высокую траву. Пружинящие ветки, в том числе и

крапива, больно хлестали Милославскую по рукам, но ей было не того, чтобы прислушиваться к собственным ощущениям.

— Давай, милая, давай, — приговаривала она, глядя на собаку.

Яна встала на цыпочки и глянула немного впереди Джеммы.

— Трава примята, — бросила она Саше.

— Значит, верно идем, — взволнованно заключил тот.

Минуты через две ходьбы потянуло влагой.

— Пруд? — спросила Милославская, оборачиваясь на Федотова.

— Здесь только речка, — ответил он и стал осматриваться по сторонам, приостановившись. — Точно! Вон она, вода! — крикнул он и стал догонять Яну.

Высокая трава постепенно перешла в какую-то стелющуюся, а степь сменил нечастый ивняк, сквозь ветви которого поблескивала река. Джемма резко рванула вперед, и Милославская невольно выпустила поводок.

— Фас! — закричала она вслед собаке.

Овчарка скрылась за высоким глинисто-песчаным валом, и Саша с Яной из последних сил побежали еще быстрее, чтобы совсем не потерять ее из виду.

— Стой! Стой! — закашлявшись, крикнул подруге Федотов.

Милославская остановилась, оглянулась на него.

— Дай я... первый..., мало ли что, — задыхаясь, сказал тот.

Яна ничего не сказала, только махнула рукой в ответ. Преодолев вал, она увидела свою собаку... безнадежно рыскающую по берегу.

— О-о-о! — отчаянно взвыла гадалка и бессильно упала на траву.

— А! А! А-а! — испуганно закричал Федотов, думая, наверное, что Милославскую подкосила пуля.

Смешно трясясь всем телом, он прыжками поднимался на вал.

— Что? Что? — закричал он, грозно глядя по сторонам.

— След ушел в воду... — трагически-торжественно произнесла Яна.

— Слава богу! — воскликнул Саша, увидев, что с Милославской все в порядке. — То есть... Как же это? Как?! — закричал он, поняв наконец, что погоня оказалась бесплодной.

Федотов, шатаясь, стал спускаться к реке. Яна поднялась и поплелась за ним. Джемма нюхала у воды, вертясь туда-сюда пределах участка примерно двухметровой ширины.

— Фу, — апатично скомандовала ей Милославская.

Собака вопросительно посмотрела на хозяйку. Яна потянула ее за поводок.

— Смотри, колышек! — воскликнул Саша, указывая на высокую

палку, воткнутую в глинистый берег. — Кажется, тут лодку привязывали!

— Похоже, — согласилась Яна осматривая палку. — но кажется, этот кол тут давно, и им многие уже пользовались. А что там за речкой?

— Там? Недалеко до трассы... Дачи правее. В нескольких километрах Михайловка...

— Это нам ничего конкретного не обещает, — разочарованно протянула Яна.

Друзья немного помолчали.

— Слушай, — обратился к подруге Федотов, — а ты и впрямь думаешь, что это... убийство?

— Теперь даже больше, чем сначала, — уверенно ответила Мирославская. — Идем? — сказала она, кивнув в обратную сторону.

Саша кивнул, согласившись.

ГЛАВА 5

— Тихо! — воскликнул Саша, приложив указательный палец к губам. — Кажется, едут.

Джемма залаяла.

— Фу! — прикрикнула на нее Яна, и та нехотя замолчала.

Женщины притихли. Невдалеке слышалось тарактенье мотороллера.

— Витька, — заключила Марина.

Милославская подошла к окну, немного отодвинула занавеску.

— И милиция, — добавила она к Марининым словам. — Скорая тут уже точно не понадобится...

Вскоре транспорт «припарковался» в ряд около забора. Послышались тяжелые шаги, скрип половиц крыльца. На пороге появился Ермаков. Бледный, измученный... Тут же позади него выросла высокая крепкая фигура рыжего толстого старлея.

— Вот... — беспомощно разведя руками, проговорил Витька.

— Умерла? — басовито спросил старший лейтенант. — А веревка зачем? — кивнул он, подняв голову к потолку.

— Так я же сказал... повесилась, — прохлюпал Ермаков.

— Ну да, ну да, — согласился милиционер. — А как в постели оказалась?

— Это я ее... Чего ж она будет в-висеть?...

Старлей нахмурился. Потом, будто только что, заметил Федотовых и Милославскую. Решил представиться:

— Бондаренков, — и протянул руку Саше.

Тот скупно пожал ее. Бондаренков шагнул вперед, немного отодвинув в сторону онемевшего Витьку. Тут же на пороге появилось еще трое сотрудников, от которых горько повеяло табаком. Они не торопились сюда заходить, курили, стоя на крыльце.

— Чего тут? — лениво спросил один из них.

Бондаренков подошел поближе к покойнице, наклонился, оперевшись своими волосатыми руками о туго обтянутые брюками широкие коленки и заключил:

— Повешение налицо!

Потом он пальцем указал на след, оставленный веревкой и выпрямился. Коллеги старлея подошли ближе, запереговаривались, закивали, соглашаясь с ним.

— Ну что? — спросил Бондаренков, невинно обращаясь к присутствующим. — Протокольчик составим и в морг ее?

— Да, давай, — как-то хором ответили милиционеры. Двое из них при этом направились к выходу.

Старлей поднял с пола сваленную табуретку, подставил ее к столу, опустился на нее так, что она скрипнула, потом расстегнул молнию на своей папке и стал копошиться в ней, доставая необходимое.

— Как же так получилось, уважаемые родственники? — с укоризной произнес он, поудобнее укладывая перед собой лист бумаги. — Кто старушку до такого довел? Не дал помереть своей смертью, а?

Федотовы переглянулись. В лице Саши легко читалось недовольство. Витька, как-то странно втянув голову в плечи, озирался по сторонам.

— Господа... Товарищи! Подождите! — возмущенно протянула Милославская, всплеснув руками. — А вы что, на самом деле уверены, что Евдокия Федоровна повесилась?

— Уверены, уверены, — пробормотал Бондаренков, не поднимая на Яну глаз.

— Как же так?! — продолжала женщина. — Неужели вы не видите?!

— Да-амочка, — устало протянул Бондаренков, — круто развернувшись на табурете, — вы, может, скажете, что она застрелилась?

— Нет, представьте себе, я этого не скажу! — пылко ответила Яна.

— Вот и прекрасно, — спокойно ответил Бондаренков, приступив к записям.

— Я другое скажу, — настойчиво произнесла Милославская и встала вплотную к старлею, начав излагать ему свои доводы, с которыми она совсем недавно знакомила Федотовых, и историю взятого Джеммой следа.

Тот сначала пытался оставаться хладнокровным и даже не повернул головы. Потом отложил ручку и взглядом стал следить за указующими жестами Милославской. Затем на мгновение задумался и снова приступил к своему занятию, а когда Яна взволнованно воскликнула: «Ну неужели это не очевидно?», он с прежним спокойствием сказал:

— Не говорите ерунды. Давайте проводим покойную в последний путь без осложнений... Нас ждет еще масса дел. Судмедэксперт предоставит вам свою резолюцию, которая, уверен, не будет противоречить моим словам.

— Ну, хорошо-о, — разгоряченно протянула Милославская, — только вы в протоколе не забудьте отразить все те факты, которые я назвала. Может, начальство ваше заинтересуется...

— Не заинтересуется! — вдруг осек ее Бондаренков. — Им, думаете, в

наше горячее время интересоваться больше нечем? Молодежь гибнет... — старлей махнул рукой и опять взялся за протокол.

Вскоре бумага была готова. Федотовы, Ермаков и Милославская подписали ее, так как там излагались только голые факты и никаких доводов, потом с них взяли письменное объяснение по поводу того, как они тут оказались и что увидели, что предприняли, и несчастную Евдокию Федоровну погрузили на носилки, уложили в милицейский «уазик» и повезли в так называемый последний путь по багаевским кочкам и ухабам.

Все время разговора с Бондаренковым Федотовы хранили молчание. Марина — от изумления, Саша — боясь не сдержаться и затеять крупный скандал. Как только сотрудники покинули дом, он накинулся на Витьку:

— Так, Витек. Бери листок и ручку, садись, пиши заявление.

— Что? — не понял Ермаков.

— Пиши заявление! — прикрикнул Федотов. — Мать твою уходил кто-то! Расследование тут требуется! А им побыстрее лишь бы прикрыть все!

— Нет, нет, — Витька затряс головой, — не верю, не верю я этому! Это она сама, сама... — Ермаков зажмурился. — Пусть все скорей закончится. Не хочу осквернять память матери!

Саша приблизился к Витьке, крепко стиснул его плечи руками, потом с силой встряхнул его, процедив:

— Витя, это мать твоя!

Ермаков не открывал глаз и отрицательно тряс головой.

— Пусть покоится с миром, пусть покоится, — бормотал он.

Федотов отнял свои руки и бессильно проговорил:

— Гиблое дело! Его не убедишь.

— Вить, ну что ты, а? Ведь собака след взяла, — поддержала мужа Марина.

— Неизвестно еще чей. Может, из своих кто заходил к ней, — безнадежно ответил тот.

— Витя! — умоляюще протянула Марина.

Тот упорно молчал.

— Брось, — сказал ей Саша, — его не переубедишь, знаешь же, какой у него характер. — Ну что, — устало обратился он к Ермакову, — беги родственников оповещай, готовьтесь к похоронам, поминкам...

Федотов достал из верхнего кармана рубашки портмоне, вытащил из него несколько крупных купюр и протянул Витьке:

— На, возьми.

— Не, не, не надо, — стал отказываться тот.

— Возьми, я сказал, — настоял Федотов, и Ермаков молча принял деньги, опустив глаза.

— Помощь нужна? — спросила Марина. — Машина?

— Не, я в «Ритуал» обращусь, они помогут. В Михайловке недавно открыли.

— Да, так удобнее, — поддержал его Саша.

— А с поминками бабы сами сообразят, — добавил Витька. — Вы на даче пока?

— Да, до конца месяца, — ответила Марина.

— Хоронить-то приедете? — Ермаков беспомощно посмотрел на Федотовых.

Они одновременно кивнули.

— Сообщи тогда, — тихо сказал Витька.

Он сел на материну кровать и стал бережно поглаживать ее руками.

— Ладно, идемте, — сказал Федотов Яне и своей жене, — ему одному надо побыть.

Марина подошла к Витьке, тихонько дотронулась до его плеча, простившись таким образом, и зашагала к выходу. Яна и Саша последовали за ней.

* * *

— Вот что, Яна Борисовна, — серьезно сказал Федотов, помогая Милославской прикурить, — раз все так складывается, берись-ка ты за это дело. Витька успокоился, но я успокоиться не могу. Евдокия Федоровна мне хоть и дальняя родственница, но практически единственная. Дань памяти обязывает добратся до истины.

Прятели сидели на террасе вокруг стола и пили кофе.

— Да, Яночка, пожалуйста, — Марина накрыла ладонями смуглую загорелую кисть руки Милославской и умоляюще посмотрела на подругу. — Нельзя же все так оставить, — тихо добавила она. — А кроме нас и дерзнуть некому... Нельзя ведь позабыть и все...

— Нельзя, — задумчиво проговорила Яна, а про себя подумала, что не в ее духе заниматься такими делами: пожилая уже женщина, и вряд ли в деле было что-то особо таинственное; милиция тоже могла с делом справиться, если ее заставить. Тем не менее ей сложно было отказать друзьям в такой нелегкий для них момент.

— Ну так ты согласна? — несмело спросила Федотова, а Саша с

надеждой глянул на Милославскую.

— Согласна, — Яна вздохнула.

— И не важно, сколько нам это будет стоить, — серьезно предупредил Федотов.

— Давай не будем сейчас об этом. Позже, — Яна поморщилась.

— На тебя, на твой дар одна надежда, — прошептала Марина.

Необъяснимый, неизвестно откуда взявшийся и почему доставшийся именно ей дар Милославской для многих был последней надеждой. Люди шли к ней, просили о помощи.

Яна невольно вспомнила катастрофу, в которой она потеряла своих близких. Вспомнила, как мучилась, страдала и как однажды обнаружила в себе загадочные, таинственные способности. Они ей и помогли тогда выжить, став единственным смыслом ее жизни. Теперь она должна была заботиться не о своих родных, а о людях, которые обращались к ней.

Делала это Милославская посредством гадания, гадания на картах, но очень далекого от тех банальных способов, к которым прибегали многие и которым нехитро научиться любому.

Яна легко и быстро помогала найти пропавшего человека, определить убийцу и разыскать его, в общем, основной ее деятельностью являлось раскрытие преступлений и тайн, взять верх над которыми оказывались не в силах или просто не желали другие органы.

Карты Милославской были далеки от обыкновенных игральных как по своим свойствам, так и по внешнему облику. По зову сердца она изготовила их сама. Взяла картон, вырезала прямоугольники одинакового размера и нарисовала на них символы, диктуемые ей свыше. Милославская никогда не обладала талантом художника, но здесь словно сами собой появились причудливые символические изображения, напоминающие больше авангард, чем классику. Так же таинственно возникли и названия карт: «Чтение», «Взгляд в будущее» и другие.

Когда возникала необходимость, Яна клала ладонь на карту и тут... ее посещало видение. Оно далеко не всегда было отчетливым и далеко не всегда смысл его расшифровывался сразу. Приходилось подключать умственные способности, логику, на которые Милославской грех было жаловаться. Джемма являлась верным и надежным помощником гадалки в «земных» способах расследования, к тому же она прекрасно защищала свою хозяйку, а необходимость в этом возникала довольно часто.

Милославская редко проводила бесплатные сеансы, хотя в некоторых случаях происходило именно так. Гадание на картах отнимало у Яны слишком много сил, выкачивало жизненную энергию. В день больше двух

карт из колоды экстрасенс использовать не могла, а потом и вовсе чувствовала себя, как выжатый лимон. По этой причине совмещение какой-то работы с гаданием оказалось невозможным. Расследования остались единственным средством существования женщины.

— Тебе что-то нужно? — ласково обратилась к Милославской Марина, ожидая, что расследование начнется прямо сейчас и что она в данный момент чем-то способна помочь ему.

— Да, — улыбнувшись, ответила та.

Федотова с готовностью слушать захлопала глазами.

— Мне нужно отдохнуть, как следует выспаться, — задумчиво проговорила Яна, — иначе из всех моих попыток ничего не выйдет. Я сейчас не в том состоянии, чтобы...

— Да-да, конечно, — залепетала Федотова. — Мы тоже сейчас ляжем, — она вопросительно посмотрела на мужа. — Я приготовлю тебе комнату, — добавила она, снова глядя на Яну, и ушла.

— Не думал, — хрипло протянул Саша, откинув голову на спинку кресла, — что когда-нибудь придется к тебе обратиться не по-дружески, а вот так, по-деловому. Честно, говоря, я и не очень-то верил во все твои гадания. А теперь, признаюсь, верить хочется.

— Верь, — пожевывая, произнесла Милославская.

— Яна-а, — донесся сверху Маринин голос, — поднимайся, я постелила.

Милославская привязала собаку, рыскающую около крыльца, на террасе и неспешно стала подниматься на второй этаж.

Хозяйка отвела ей небольшую уютную комнатку, где не было ничего, кроме просторной деревянной кровати и невысокой прикроватной тумбы. Стены обтягивала бежевая ткань, окно загоразивали белые вертикальные жалюзи. Ничто не отягощало взгляд.

— Вот, — почему-то виновато произнесла Марина, увидев на пороге Милославскую.

— Прекрасно, спасибо, — сказала та, потягиваясь.

— Ну ладно, пойду, — почему-то прошептала Федотова, — а то Саша тоже с ног валится, постелю ему.

Гадалка кивнула. Как только дверь за ее подругой затворилась, она небрежно стянула с себя одежду, побросала ее на тумбу и забралась в постель, натянув на себя тонкую льняную простыню. Яна, чувствуя блаженство расслабления, закрыла глаза и с наслаждением стала ожидать, когда сон овладеет ею...

Однако не спалось. Мысли лезли в голову, и не находилось способа от

них избавиться. Гадалка много раз пыталась начать думать о чем-то, не связанном со смертью Евдокии Федоровны, но сознание настойчиво возвращало ее к событиям последнего дня, рисуя в ее воображении отвратительные картины преступления.

Мысленно Милославская сразу, еще в доме покойной, заключила, что взять там нечего, так что вряд ли туда пришли, чтобы грабить. К тому же, судя по реакции Витьки, там ничего и не пропало. Теперь Яна раздумывала о том, какой же все-таки мотив для убийства мог быть у преступника.

Она почему-то то сразу стала думать о разных материальных версиях. Ведь какой вред мог быть кому-то от беспомощной семидесятилетней старухи? Но материальные версии тоже не очень-то клеились. «Наследство?» — спросила себя гадалка, построив до этого еще кое-какие предположения, и тут же рассмеялась над собой. Вряд ли бедная сельская пенсионерка могла оставить после себя что-то существенное.

— Хотя... — вслух проговорила гадалка, открыв глаза. — Насколько я понимаю, вся родня Евдокии Федоровны, за исключением Федотовых, сосредоточилась в Багаевке... И богатых среди них нет... Поэтому какой-никакой домишко и самые скромные сбережения на сберкнижке могли бы стать мотивом... Живет и не помирает старуха, а кто-то этого, может быть, очень ждал... Да, да, — согласилась с собой Яна, — надо рассмотреть версию о наследстве.

Милославская перевернулась на другой бок, снова закрыла глаза. Прележала так еще около пятнадцати минут. Нет, сон решительно не хотел поймать ее в свои сети. Теперь уже и кровать казалась ей неудобной и подушка слишком большой... Она села, подняла подушку повыше и облокотилась на нее, приняв полулежачее положение. На тумбе, под вещами, лежала ее дамская сумочка. Яна потянулась и взяла ее. Расстегнула молнию, заглянула внутрь. На дне, среди косметики и прочего, спряталась колода карт, с которыми гадалка практически никогда не расставалась.

Милославская подцепила рукой колоду и положила ее перед собой. Потом развернула карты веером, подумала и выбрала «Взгляд в прошлое», потому что больше всего ее интересовало, какие события предшествовали смерти Ермаковой.

Символы, изображенные на этой карте, были необычны, как и на всех остальных. Лестница, подобная серпантину, уходила далеко ввысь, откуда сурово взирал человеческий глаз, поглощающий в своих таинственных глубинах эту самую лестницу.

Яна смешала остальные карты и пристально посмотрела на выбранную. Она вдруг почувствовала, что магические знаки, к которым она

давно привыкла, так и влекут, так и зачаровывают. Гадалка поднесла к карте кисть правой руки, задержав ее на некоторое время в воздухе, на расстоянии около десяти сантиметров от «Взгляда в прошлое». От карты исходило необъяснимое магнитное притяжение, и рука сама собой незаметно вплотную приблизилась к картонке.

Секунду-другую не происходило ничего необычного, и Милославская даже успела испугаться того, что карта не пойдет на контакт — такое бывало. Однако вскоре в кончиках пальцев стало чувствоваться знакомое покалывание, свидетельствующее о том, что «Взгляд в прошлое» все же «ответил согласием».

Постепенно всю кисть, а несколько позже всю руку и всю гадалку окутало приятное тепло. Яна в ясном сознании успела произнести: «Не зря я ее выбрала», а дальше все закружилось, смешалось. Мощный вихрь завертел сознание Милославской в сумасшедшем танце.

Танец этот был гадалке приятен, но он довольно скоро закончился. Ее окружила темнота. «Внутренняя» Яна насторожилась. Вдруг неожиданно послышался какой-то металлический звон. «Ключи?» — мысленно спросила женщина. Однако тут же она заключила, что это несколько иной звук. «Кощей над золотом чахнет», — пронеслось у нее в голове, и в следующий миг видение представило ей то, чего она совершенно не ожидала...

Милославская увидела перед собой старинный кувшин, полный золотых монет. Монеты лежали в нем, насыпанные горкой, но почему-то позвякивали. Эта картина еще несколько секунд продержалась в поле зрения гадалки, и все померкло. Яна вернулась к реальности. Она чувствовала себя полностью истощенной и лежала, не открывая глаз. «Ну и ерунда, — первое, что возникло у нее в голове, — чушь, чушь собачья...»

Женщина почти отчаялась, однако тут же поймала себя на мысли, что видения, дарованные ей картами, вообще весьма редко бывали прозрачными по смыслу и порой оборачивались событиями, которых она никак не ожидала и только после соображала, что именно к этому и обращала ее карта. Остановившись на этом, Милославская все еще раз взвесила и пришла к выводу, что картина из видения может быть знаком того, что старуху действительно убили из-за денежного, материального интереса.

— Непременно займусь версией о наследстве, — еле слышно прошептала она и практически мгновенно заснула.

ГЛАВА 6

— О! Да она спит-то как! Почти сидя! — смутно услышала Милославская сквозь сон.

Яна приоткрыла один глаз и увидела в дверях Марину.

— Доброе утро, — почему-то сразу зашептала Федотова, — вернее, добрый день. Обед готов...

— А? — переспросила механически гадалка, хотя и так все слышала.

— Пойдем обедать.

— А-а... — понимающе протянула Яна. — Да не хочется еще чего-то. Я полежу?

— Лежи, — Марина пожалала плечами и осторожно прикрыла дверь, выйдя в коридор.

Милославская потянулась.

— Итак, — сказала она самой себе, — что мы имеем?

Яна стала прокручивать в голове минувшее видение, потом картину, которую она увидела в доме покойной Ермаковой.

— Нет, лежать некогда, — заключила гадалка и попыталась подняться.

Сон вернул ей потерянные во время гадания силы, но все же когда Яна встала на ноги, голова у нее закружилась. Она закрыла глаза, снова села на постель. Где-то в коридоре послышался Сашин кашель. Милославская не спеша поднялась и неторопливо стала натягивать на себя одежду. Взлохмаченная, она воровски выглянула в коридор и, пока никто ее в таком виде не заметил, проскользнула в ванную, где скоро привела себя в божеский вид.

Джемма поприветствовала спускающуюся по лестнице хозяйку радостным лаем.

— Ну-ну, — успокоила ее гадалка, потрепав по холке.

— Присоединяйся, — сказал Саша, подув на ложку горячего супа, которую он держал перед собой.

На поверхности его тарелки симпатично плавали румяные фрикадельки. Яна втянула ноздрями распространившийся от блюда аромат и, закатив глаза, произнесла:

— Чудо!

— Садись, садись, — поторопила гадалку Марина, опустив половник в высокую фарфоровую супницу, — аппетит во время еды придет.

— Кажется, он уже пришел, — ответила Милославская и присела за

стол.

— Мы похозяйничали немного, — виновато произнесла Марина.

Яна взглянула на нее непонимающе.

— Покормили Джемму, — пояснила та. — Она на сумку твою спортивную лаёт и лаёт. Мы испугались даже, думаем, что там такое. Но будить тебя не стали, решили, уж извини, проверить. А там сверху пачка ее корма. Вот и...

Собака словно поняла, о чем говорили, и виновато заскулила.

— Вот я тебе! — пригрозила ей Милославская.

— Да ладно! — успокоил Яну Федотов. — Она не хотела, чтоб тебя разбудили, просто. Тем более мы ее не чем-то там кормили, а ее собственным кормом.

Гадалка промолчала и стала, обжигаясь, осторожно хлебать суп.

— Расскажите мне о семье Ермаковых, — сказала она несколько позже, отодвигая от себя пустую тарелку и придвигая кофе, решив, что нет смысла тянуть и надо взяться за дело.

— Ну-у... — многозначительно протянул Саша. — У Евдокии Федоровны два сына. С первым ты уже знакома, — Федотов замолчал, наливая в свою чашку сливки.

«Ага, — заметила про себя гадалка. — Но Витька совершить преступления просто не мог. Ведь смерть матери вызвала у него шок, истерику».

— Есть еще один сын, Леня, — Саша тяжело вздохнул. — Но тот просто подарок!.. — выразительно добавил он, покачивая головой.

«За него мне и надо взяться, раз так» — подумала Милославская.

Федотов хотел сказать еще что-то, но гадалка его перебила.

— Могу я попасть в дом? Мне надо осмотреть его более тщательно, — пояснила она.

— Нет вопросов, — Саша пожал плечами, — сейчас отвезу.

Приятель молчаливо закончили трапезу. Потом Федотов с Милославской, прихватившей и Джемму, пошли к стоянке за машиной, а Марину оставили в доме, так как она неважно себя чувствовала, да и в доме нужно было навести порядок.

Яна с Сашей в ногу шагали по наезженной дороге, и он рассказывал ей про счастливую молодость Евдокии Федоровны, а Милославская тем временем невольно вспоминала неприглядный облик женщины, вынудившей из петли, и с грустью думала о смысле человеческой жизни.

— Тут подожди, — сказал Федотов, скрываясь за железными воротами стоянки.

Вскоре он появился перед гадалкой на сверкающем чистотой автомобиле, который по его просьбе тщательно вымыли.

— После езды по багаевским путям вряд ли он останется таким же свеженьким, — пробормотала Яна.

Саша притормозил, и Милославская, потянув за собой собаку, уселась на заднее сиденье. Федотов резко тронулся с места, и машина рванула вперед, оставляя позади себя высокие клубы пыли. Приятелям пришлось наглухо закрыть окна и включить в машине кондиционер: был самый типичный жаркий летний полдень.

Оба они молчали, потому что настроение совсем не располагало к дружеским разговорам. Только когда невдалеке появились очертания домов, Яна спросила:

— Кажется, приехали?

— Угу, — промычал Саша.

Видно было, что чем ближе они подъезжали, тем больше он волновался. Милославская тоже испытывала какие-то неприятные чувства, но она пыталась подавить их в себе, зная, что по долгу службы просто не имеет права потакать им.

Федотов подогнал автомобиль прямо к воротам. Приятели не спеша вышли на улицу. За калиткой слышалось шарканье метлы. Саша удивленно пожал плечами и, приподняв щеколду, открыл дверь.

Посреди двора стоял Витька и размахивал пышной чилигой из стороны в сторону. Увидев перед собой вошедших, он остановился и исподлобья посмотрел на них. Саша протянул ему руку. Тот крепко пожал ее.

— Ты чего это? — спросил Федотов, окидывая взглядом двор.

— Да порядок навожу, а то люди придут... Скажут...

Милославская подошла к крыльцу, которое Витька или его жена уже успели начисто вымыть, поднялась по ступенькам и стала осматривать дверь, пытаясь определить, не был ли взломан замок. Практически сразу она поняла, что с ним все в порядке.

Федотов тем временем отозвал Ермакова немного в сторону и что-то тихо стал говорить ему. Он указывал на гадалку, поэтому о содержании их разговора ей нетрудно было догадаться. Витька терпеливо, или Милославской только так показалось, выслушал своего родственника, а потом довольно громко и многозначно дал ему понять, что в доме матери, дабы не осквернять ее память, никаких гадалок видеть он не хочет.

Федотов неловко покосился на Яну и оттянул Ермакова еще немного в сторону. Снова стал тихо, но теперь уже нервно, что-то объяснять ему.

Гадалка сделала вид, что не обращает на них абсолютно никакого внимания, но краем глаза она невольно следила за ходом разговора. Витька опять возразил, и тогда Федотов, не выдержав, обрушился на него с трехэтажным матом, нисколько не заботясь о том, что теперь их слышит не только Милославская, но и те, кто, возможно, проходит в этот момент мимо дома. Ермаков в ответ злобно махнул рукой, бросил метлу и вышел со двора.

Саша подошел к гадалке, встал на цыпочки и стал шарить рукой где-то над дверью. Вскоре он извлек из нехитрого укрытия ключ и протянул его Яне.

— Заходи, — сказал он, — пойду догоню его, успокою.

Федотов бегом направился на улицу, и вскоре Яна уже не слышала его шагов.

Милославская привязала Джемму у крыльца, вставила ключ в замочную скважину, сделала им несколько оборотов и толкнула дверь, которая послушно перед ней раскрылась. Изнутри на нее пахло прохладой. Ожидаемого Яной неприятного запаха не было.

Гадалка осторожно переступила порог и оказалась в небольших сенцах, где на самодельных деревянных полках валялась какая-то старая обувь. Яна старательно оглядела тут все и ничего для себя примечательного не нашла.

Милославская двинулась далее, с силой толкнув тяжелую толстую деревянную дверь, ведущую в небольшой квадратный коридорчик, служащий в зимнее время и раздевалкой, и кухней одновременно. Тут и развернуться-то было негде, но женщина жила одна, а потому приспособилась как-то вести хозяйство и в таких условиях.

Яна наклонилась к выкрашенному белой краской низенькому столу, накрытому прорезанной местами клеенкой, и, повернув защелку, распахнула его дверцы. Ее обдало странным запахом, составленным из ароматов специй, духа перележавших круп и той неприятной для обоняния ноты, которая всегда исходит от старой мебели. Милославская пошарила немного внутри, обнаружив около десятка тканевых небольших мешков с остатками пшена, гороха, перловки и прочего и стеклянные незакрытые банки с лаврушкой, гвоздикой и еще какой-то молотой специей. В углу, в старой металлической банке из-под дешевого молотого кофе стояла наполовину сгоревшая толстая свечка. Рядом с ней лежал помятый спичечный коробок.

Гадалка закрыла дверцы, окинула взглядом два невысоких табурета, на верхнюю часть которых были натянuty сшитые из шелковой цветастой

ткани пестрые сидушки со вставленным в них поролоном. Нет, ничего тут не предвещало присутствия преступника.

На прибитой высоко кованой вешалке скучали старое потертое пальто, болоньевая длинная куртка, выцветшая телогрейка, а на верхней полке небрежно лежал старый теплый платок и кроличья серая ушанка, давно отжившая свое. Стены были, как показалось Яне, не так давно выбелены известью с добавлением синьки. Пол застилал круглый половик, сплетенный из маленьких кусочков разных материй. От всего этого веяло каким-то умиротворением. Тихонько тикал на узком маленьком подоконнике старенький будильник. Вряд ли злодею тут что-то могло понадобиться. Впрочем, Милославская еще утром, когда выходила отсюда с мыслью не о самоубийстве, а об убийстве, заметила про себя, что в этой комнате чужой человек едва ли к чему-то прикасался.

Набравшись мужества, гадалка шагнула в главную часть дома, где еще совсем недавно лежала покойница. Тут кое-что изменилось: Витька успел аккуратно заправить постель, расправил узкие длинные дорожки, до того сбитые в кучу. В остальном все было как прежде: скромно и чисто.

Яна случайно посмотрела на икону и невольно задержала на ней свой взгляд. Неожиданно в окно громко постучали. Милославская вздрогнула. Она сделала несколько осторожных шагов, чтобы увидеть, кто пожаловал — за окном рука об руку стояли Федотов и Ермаков. Ее приятель успокоившийся, а Витька, как показалось, немного виноватый. Гадалка отодвинула занавеску и вопросительно кивнула, глядя на Сашу.

— Мы до города доедем. Кое-что решить надо. Тут будешь? — крикнул он.

Но кричать и не надо было. Милославская и так все отлично слышала сквозь приоткрытую форточку.

— Тут, — ответила она, обрадовавшись, что сможет спокойно «поработать».

Витька с Сашей сели в машину и скоро скрылись из виду. Яна знала, что может прийти и еще кто-то из родственников, поэтому, чтобы обезопасить себя от неожиданного визита, она изнутри закрылась на ключ и, вытащив его из скважины, вернулась в комнату. Было немного жутковато, но гадалка и не в таких ситуациях бывала.

Она присела на табурет, закурила, задумалась. «Как же преступник мог проникнуть сюда?» — вертелось у нее в голове. Поначалу Яне подумалось, что Евдокия Федоровна наверняка знала его и открыла дверь ему сама. Потом она заметила, что одно окно, выходящее во двор, полностью выставлено и заменено тонкой деревянной рамой, обтянутой

мелкой сеткой. Так в деревне спасаются от жары. Бояться тут, как, наверное, казалось Ермаковой, некого. А Милославской теперь представлялось, что убийца вполне мог проникнуть в дом и этим путем, довольно быстро и практически без шума, скрипа дверей, лишних объяснений насчет позднего визита и прочего.

Гадалка подошла к окну и осмотрела раму. Она довольно легко, одним только нажатием вынималась и так же легко, даже с улицы, вставлялась обратно. То есть злодей мог проникнуть в дом, сделать свое дело и вернуться назад, практически ничем не выдав своего присутствия, надеясь, что увиденное сочтут за самоубийство и разбираться ни в чем не станут, так как женщина старая, свое уже все равно отжила.

Милославская еще раз вспомнила увиденную утром картину. Да, только скомканные половики говорили о происходившей тут суете. Но смешать их мог и перепуганный Витька и, вероятнее всего, он это и сделал, так как убийца, даже если что-то и нарушил, непременно привел все в прежнее состояние, боясь выдать себя.

Подумав поначалу, что раз сын покойницы ничего странного в доме не увидел, то ей тем более этого не заметить, гадалка все же решила все хорошенько осмотреть, поскольку какая-нибудь мелочь, что нередко бывало, могла вывести на след. Она стала рыться во всем, что только попадалось ей на глаза. Переворочила весь шкаф, нашла альбом с фотографиями, пересмотрела их все, заглянула под матрас, где ничего кроме скомканных чулок не нашла, пересмотрела оторванные листы перекидного календаря, заботливо сложенные на столе стопкой, изучила содержимое тумбы под телевизором, покопалась в ящиках трюмо, полных всяких ненужных мелочей. В общем, ко всему в этой комнате Яна приложила свою руку. Уставшая, разочарованная, она присела на край сундука и снова стала курить.

— А! — вдруг вскрикнула она. — Сундук! Сундук! Как же я про него... Он скатертью накрыт, и не заметишь...

Милославская затушила сигарету, присела, осмотрела тяжелую крышку сундука. Ее надежно держал средних размеров навесной замок.

— Спилить? — спросила она себя.

Но тут же обругала свою голову за глупые мысли. Секундой позже вспомнила, что на одной из полок шкафа, под нижним бельем, обнаружила какой-то ключ.

— Ерунду в такие места не прячут, — пробормотала она и подошла к шкафу, чтобы достать его.

Заполучив ключ в руки, гадалка чмокнула его, едва касаясь губами,

хотя и не знала заранее, то ли это, что ей нужно. Она встала на колени, чтобы возиться с замком было удобнее, и попыталась вставить ключ в скважину. Он довольно легко вошел в нее.

— У-умница! — протянула Милославская.

Она повернула ключ вправо, но тот не поддавался, стоял на месте. Попробовала влево — то же.

— Черт побери! — захныкала Яна.

Со злости она стала тормошить ключ в замке туда-сюда, и... он неожиданно повернулся. Ржавая дужка тут же выпала из круглого отверстия.

— Ах, вот как все про-осто, — расплываясь в широкой улыбке, протянула гадалка.

Она осторожно вытащила замок из петли и положила его рядышком с собой на пол. Прихватила с боков крышку сундука и потянула ее вверх.

— Эге! — кряхтя, воскликнула Яна. Крышка оказалась непредсказуемо тяжелой.

Тем не менее Милославская с ней справилась, открыв ее до конца и привалив к стенке. Содержимое сундука, занимающее его меньше, чем наполовину, сверху было накрыто желтой льняной скатертью. Не церемонясь, Яна отодвинула ее в сторону и обнаружила бумаги разного рода.

В правой стороне аккуратной стопкой лежали поздравительные открытки и письма. Милославская стала их просматривать. В основном это была корреспонденция, писанная давным-давно. Многие конверты совсем пожелтели. Заставив свою совесть замолчать, гадалка решила хотя бы бегло прочесть содержание каждой из этих вещей.

Она пробежала глазами строчки и узнавала, с кем Евдокия Федоровна имела очень теплые отношения, а с кем похолоднее. Некоторые письма дышали любовью и тоской, а некоторые были просто отпиской, содержащей пару заурядных фраз о здоровье, работе, семье и два-три вопроса к адресату на ту же тему. Открытки в основном несли штампованный текст: желаю счастья, успехов в работе и так далее. Две-три штуки, правда, были с изюминкой, и Яна даже решила запомнить их содержание, для себя, на всякий случай.

Спустя некоторое время гадалка уже имела определенное представление о знакомых, близких и родных Ермаковой, живущих вне Багаевки. Но, главное, она сделала для себя вывод о том, что никто из них не угрожал Евдокии Федоровне, не был ее лютым врагом.

Отдельно от открыток и писем зачем-то хранилась солидная стопка

газет, в основном времен царя Гороха, а вернее — Советской власти. С серо-желтых страниц кричали авторитарного настроения заголовки. На всякий случай Яна пересмотрела их и не нашла ничего интересного в плане ведомого ею расследования.

Третью стопку составляли несколько целлофановых пакетов. В первом Милославская нашла паспорт телевизора, радио, инструкции к использованию миксера и скороварки и еще кое-какие бумажки того же направления. Во втором были газовая книжка, книжка по оплате электричества и ряд документов на дом. Они свидетельствовали о том, что Евдокия Федоровна являлась единоличной его владелицей и долгов по разным платежам не имела.

Третий пакет заполняли личные документы самой умершей: паспорт, военный билет (как оказалось, она была военнообязанной), пенсионное удостоверение, удостоверение ветерана труда, старый профсоюзный билет, с фотографии на котором смотрела совсем еще молодая симпатичная женщина, пара-тройка грамот за особо добросовестный сельский труд и еще несколько бумаг, не имеющих особого значения. Милославская все тщательно просмотрела и отложила в сторону.

В самом низу под этими пакетами она нашла нечто замотанное в белую хлопковую тряпицу и стала торопливо разворачивать ткань. Под тканью оказалась красная картонная папка. Женщина с трепетом раскрыла ее. Найденное Яну более чем порадовало.

— Не зря я столько сил тут положила! — воскликнула она.

Внутри папки гадалка нашла документ, свидетельствующий о том, что дом завещан Витьке и только ему. «А как же второй сын, тот, который „подарок“? — пронеслось у нее в голове. — Неувязочка получается...»

Неожиданные подозрения вдруг закрались в сознание Милославской.

— Неужели Витька? — прошептала она. — Он и меня сюда пускать не хотел... Хотя нет... Ведь он так убивается! Хотя... Дурак что ли он, чтоб не убиваться, заподозрят же! Ведь от версии убийства вон как отмахивался, хотя факт налицо. Похоронить ему скорей и все... Нет, тут дело, кажется, нечисто.

Залаяла Джемма. Лязгнула щеколда. Яна быстро поднялась на ноги и глянула в окно, выходящее во двор. В калитку заходили Ермаков и Федотов. В руках они несли какую-то картонную коробку.

Милославская быстро вложила документ назад в папку, сунула ее в сундук, с силой потянула его крышку, отчего та, упав на место, неожиданно громко хлопнула. Дрожащими руками она быстро расправила вязаную скатерть на поверхности сундука, всунула замок в петлю и попыталась его

закрывать. Однако ключ никак не хотел поворачиваться.

Гадалка еще раз выглянула в окно. Первую коробку мужчины поставили на крыльцо, а теперь несли туда же вторую. Решив не рисковать, Яна оставила замок висящим в петле, но незакрытым и натянула пониже скатерть, чтобы замка не было видно. Ключ же сунула назад в шкаф. Сама тут же кинулась к входной двери, чтобы отпереть ее. Саша и Витька как раз скрылись за калиткой, выйдя, наверное, за очередной коробкой. Какие-то секунды, и гадалка снова была в передней комнате. В сенях через несколько мгновений послышались голоса. Милославская села на табурет и приняла непринужденный вид.

Мужчины вошли оба мрачные, уставшие.

— Ну? — спросил ее Федотов.

— Что ну? — ответила она. — Я еще раз убедилась, что тут совершено преступление.

Саша посмотрел на Ермакова. Тот скривил рот в какую-то болезненную улыбку. «Ага! — подумала гадалка. — Вот оно нехорошее наружу-то и вылазит!»

— Да у нас на деревне, — заговорил вдруг Витька, — самое большое преступление за последнее десятилетие — это кража телки у Ивановны.

Он махнул рукой и отвернулся. Мужчины прошли в комнату и сели к столу. Стали разговаривать между собой о приобретенных покупках. Яна же пристально наблюдала за Витькой. Взгляд его был тосклив, речь тиха и спокойна. Федотов вдруг глянул внимательно на рубашку Ермакова и сказал:

— Это ж мать тебе лет пять назад покупала, да?

Тот в ответ только кивнул головой, потом вдруг сморщился, упал на руки, лежащие на столе, и беззвучно затрясся. Саша молча хлопнул его по плечу. Милославская в этот момент засомневалась в своих первоначальных подозрениях насчет Витьки.

— Ну ладно, Витек, хватит, — сказал, поднимаясь со стула Федотов. Он перевел взгляд на гадалку и спросил: — Едем?

Яна кивнула.

— Пора нам, Вить, — тихо произнес Саша. — Да и ты домой иди. Завтра день тяжелый.

Ермаков отрицательно затряс головой.

— Ты порядок тут навел, — стал уговаривать Федотов, — продукты мы основные купили, завтра остальное привезу. Кстати, идем-ка их в подпол опустим.

Саша двинулся к выходу. Витька поднялся и пошел за ним. В кухне

Ермаков наклонился и откинул половик, под которым оказалась деревянная квадратная крышка погреба с тонким металлическим кольцом. Витька дернул за кольцо и поднял крышку. Потянуло сыростью. Федотов нажал на одну из кнопок выключателя, и в подполе загорелся свет.

— Неси, — сказал родственнику Ермаков, спускаясь вниз по железной ржавой лестнице.

Саша пошел на крыльцо за коробками, а Яна решила воспользоваться моментом и поинтересоваться содержимым подземного помещения, которое сегодня она упустила из виду. Она присела на корточки на самом краю подвала и заглянула внутрь. Ермаков уже стоял на бетонированном полу. Он явно чувствовал, что гадалка смотрит сверху, но, казалось, был полностью к ней безразличен или намеренно пытался не замечать ее присутствия. Витька просто опустил глаза в пол, руки упер в бока и ждал Федотова. Тот не заставил себя ждать и появился на пороге кухни весь красный и с трудом удерживающий тяжелую, видимо, коробку. Не увидев в погребе ничего, кроме десятка банок с вареньями и соленьями, гадалка решила удалиться, чтобы не мешаться под ногами.

Спустившись с крыльца, она отвязала собаку, а выйдя за ворота, облокотилась на капот Сашиной машины и закурила. Яна решила ничего пока не говорить Федотову о результатах своих поисков и первых подозрениях. Он вряд ли бы в них поддержал ее. Судя по всему, их с Ермаковым связывали самые теплые отношения. К тому же в практике гадалки нередко бывало, что излишняя осведомленность клиентов о ходе расследования только мешала этому ходу.

«Зачем он позвал Федотовых, если виновен? — спрашивала она себя. — Хотел создать себе дополнительное алиби? Хотел, чтоб было больше свидетелей его душевных терзаний? Или же... Помощь богатых родственников в похоронах ему была нужна так и так, и он в любом случае рано или поздно обратился бы к ним», — заключила гадалка в итоге.

Через несколько минут во дворе послышались голоса. Витька и Саша спускались с крыльца. Ермаков, хмурясь, отряхивал с себя пыль. Они, переговариваясь, приблизились к калитке и вскоре уже стояли за воротами напротив Милославской.

— Едем? — спросил ее Федотов.

— Мугу, — промычала в ответ гадалка.

— Ну давай, Витек, — произнес Саша, хлопнув родственника по плечу. — Ты все же иди, отдохай, — посоветовал он на прощанье и открыл дверцу машины.

Яна позвала Джемму и тоже поспешила разместиться в автомобиле.

Когда тронулись с места, гадалка обратилась к Саше:

— А ты до города меня не подбросишь?

— Что? Как? — удивился тот. — Ты отказываешься от дела?

— Ну что ты! Вовсе нет. Просто дом там у меня без присмотра. Я и не думала, что тут задержусь. Проведать хочу, да и... обмундирование сменить, — Яна с каким-то отвращением подумала о своем внешнем облике.

— А-а-а, — понимающе протянул Саша. — Тогда, конечно, довезу.

Федотов ускорил ход своего автомобиля, и всю оставшуюся дорогу приятели провели молча. Разворачиваясь у ворот Яниного дома, Саша, высунув голову в окно, крикнул ей, открывающей калитку:

— Не пропадай!

— Ты плохо обо мне думаешь, — ответила Милославская, немного улыбнувшись, и скрылась во дворе.

ГЛАВА 7

— Ну что, дорогая моя, снова в дорогу? — обратилась гадалка к Джемме, глядя ее по холке. Яна немного помолчала и, поднимаясь с корточек, добавила: — Только позавтракаю.

Собака растянулась во весь рост на коврике, понимая, наверное, что данная процедура не бывает скоротечной. Милославская перелила кофе из серебряной джезвы в чашку, поставила ее на стол, прикурила и, поджав под себя ноги, уселась за стол. Она делала маленькие глотки, чередуя их с затяжками дыма, и строила планы на грядущий день. Самыми актуальными ей казались сейчас поиски Витькиного дома и «оценка» его быта. Если, как думала Яна, она увидит жизнь, протекающую в особой нужде, то подозрения ее обретут более твердую почву под ногами. Ну, а если вдруг состояние ермаковского жилья удовлетворительное, гадалке пришлось бы, увы, сматывать удочки.

Ополоснув опустошенную чашку, она убрала ее в шкаф, десять минут потратила на неброский макияж, пять — на приведение прически в порядок и была готова к выходу. Заранее гадалка приготовила сумку с чистой одеждой. Она всегда считала, что лучше перебдеть, чем недобдеть — все же неожиданные обстоятельства могли задержать ее в «чужих» краях на неопределенное время. Перекинув эту сумку через плечо, а маленькую дамскую кокетливо зажав под мышкой, Милославская покинула дом. Джемма с самыми серьезными намерениями устремилась за своей хозяйкой.

Вскоре уже такси мчало их в сторону злополучной деревни. Водитель весело насвистывал в тон энергичной музыке, выпрыгивающей из четырех колонок, вмонтированных в передние двери и в заднюю панель автомобиля. Сначала это стало раздражать Милославскую, но потом она подумала: «Гнев мой — враг мой» и решила, что гораздо предпочтительнее считать танцевальную мелодию хорошим настроением на полный различных предприятий день. С такими мыслями и подобным им настроением гадалка и прибыла в Багаевку.

По дороге туда она, правда, заскочила на дачу к Федотовым, где оставила свой «багаж», бросив новую сумку рядом с оставленной вчера. Супруги были обрадованы ее визитом, и, хотя оба сказали, что не сомневались в Милославской, Яна легко догадалась об их переживаниях на этот счет. Она редко бралась за дела вне города, а тем более в селе, где,

собственно, и преступность-то, к счастью, сводилась к краже коровы, свиньи или избиении жены пьяным в стельку мужем. Так что Саше с Мариной было о чем тревожиться. Однако гадалка являлась верным другом и бросить дело вот так на полпути у нее даже и мысли не было. Да и вообще, дело ее, особенно после видения, представившего кувшин с золотом, «зацепило».

Марина хотела усадить подругу за чай, но та скороговоркой отказалась, кивнув на стоящее у ворот такси.

— Да я отвезу! — вызвался Саша.

Яна махнула рукой: в его компании при выполнении предстоящей задачи она не нуждалась. Улыбнувшись провожавшим ее супругам через автомобильное стекло, гадалка исчезла у них из виду. Через несколько минут она уже прибыла на место.

Село тянулось перед Милославской метрах в ста. Первая улица, да и вся деревня, если глянуть на нее откуда-нибудь сверху, была похожа на извилистую змейку. Яна преднамеренно попросила таксиста остановиться немного не доезжая до деревни — ей не хотелось привлекать к своей персоне излишнее внимание. Ведь в этой «дикой» провинции до сих пор еще бытовало мнение, что «наши люди на такси не ездят».

Милославская отпустила водителя и торопливо зашагала вперед по тропинке, окруженной низкорослой полынью. Глиняно-песчаная почва промеж нее была хорошо утоптана за десятки лет, в течение которых селяне ходили куда-то именно этой тропой. Горький запах травы нисколько не отпугивал насекомых, которых вокруг мельтешило великое множество. Мелкие черные мошки стаяй кружили у гадалки над головой, а назойливый овод так и норовил цапнуть ее за плечо, от которого она его тщетно отгоняла взмахами рук. Джемма же, плетясь позади хозяйки, пыталась хоть кого-нибудь поймать на ходу и то и дело щелкала зубами.

Земля хорошо прогрелась в эти знойные дни, и тут, где поблизости не было ни одного дерева, от нее тянуло не то что теплом — жаром. Местами почву дырявили круглые норки сусликов. «Степь да степь кругом», — подумала Милославская. Ей вдруг захотелось окунуться в прохладу реки или любого другого водоема, но приходилось все так же мерить путь быстрым шагом.

Вскоре Яна поравнялась с первой сельской улицей и немного сбавила шаг. Она смотрела по сторонам, потому что хотела спросить у кого-либо из односельчан Витьки о том, где тот живет. Однако вокруг было пустынно. Только горластые петухи будили тишину своими хриплыми криками. «Тишь да гладь, божья благода-ать», — подумалось Яне, и она с

наслаждением втянула ноздрями сильно отличающийся от городского воздух. Словно отрезвленная им, гадалка прошептала:

— В тихом омуте черти водятся!

Решив быть начеку, она замаршировала дальше. Улица в этот час вся освещалась яркими лучами солнца, и практически нигде не было тени. Небогатые домишки, казалось, и то жмурились, будучи вот так беспощадно выставленными напоказ. Милославская довольно скоро почувствовала, что у нее на лбу выступили капельки пота.

Заметив немного в стороне невысокую колонку, гадалка направилась к ней. Нажала металлический короткий рычажок и наклонилась, чтобы напиться. Сделав несколько больших глотков, она смочила ладони и провела ими по лбу и щекам.

— Здгасте, — послышалось у нее за спиной.

Яна обернулась. На нее смотрел беззубый мальчуган лет семи. Он был очень загорелый и по цвету кожи напоминал мулата. А незадолго до этого кто-то, судя по всему, постриг его налысо, и теперь во всей его небольшой худощавой фигурке сразу привлекала эта белая, скрытая ранее под волосами лысина. Мальчуган положил на землю большущий, не по его росту велосипед, на котором он приехал, и подошел ближе к колонке, косясь на Джемму, лакающую воду из небольшой лужицы, образовавшейся рядом.

— Здравствуй, — ответила гадалка и попыталась разглядеть в новоприбывшем знакомого.

Нет, его она видела впервые. Тут же Милославская поймала себя на мысли, что в селе здороваются со всеми: и со знакомыми, и с чужими.

— Фу, жава-а, — протянул парнишка, замахав на себя руками.

— Ну иди, пей, — сказала ему гадалка, посмеиваясь и умиляясь.

Тот наклонился к колонке, нажал рычажок и сунул под мощную струю всю свою голову. Сотни брызг полетели в разные стороны и на Яну тоже.

— Ой! Ай! — хохоча, закричала она, а Джемма громко залаяла.

— Пвостите, — смущенно сказал мальчик, — я не хотел.

— Ничего, высохнет, — ответила Милославская, осторожно вытирая брызги, упавшие около глаз.

Парень снял свою клетчатую рубашонку и ее тоже сунул под воду, а намочив, быстренько надел на себя. С него струйками побежала вода.

— Кайф! — обнажив беззубость, протянул он и стал поднимать велосипед.

Гадалка, улыбаясь, наблюдала за его действиями. Подняв свое транспортное средство, мальчуган одну ногу поставил на педаль, другой

необыкновенно ловко два раза оттолкнулся от земли и поехал, как-то смешно переваливаясь с одной стороны велосипеда на другую. Если бы он сел, как это положено, на сиденье, то вряд ли бы смог достать до педалей.

— Э-э-э! Эй! — закричала вдруг Милославская, вспомнив вдруг, что мальчишка как раз и есть тот самый прохожий, которого она надеялась встретить. — Сто-ой!

Собака поддержала хозяйку лаем.

Парень сначала оглянулся, а потом, поняв, что именно к нему и обращается незнакомка, резко притормозил, образовав вокруг себя клуб пыли.

— Чиво? — крикнул он, мотнув головой.

Яна сразу побежала ему навстречу.

— Мальчик, — запыхавшись, начала она, — а ты случайно не знаешь, где дядя Витя Ермаков живет?

Гадалка с надеждой смотрела на своего нового знакомого. Тот, сморщив нос, протяжно ответил:

— Зна-аю. Кто ж не знает? Во-он на той улице, — мальчуган вытянул руку и указал куда-то вправо. — Да вы его дом сразу узнаете. У него одного на воротах два лебедя нарисованы. Здорову-ущие... — мальчик, одной рукой придерживая руль, второй попытался показать размер рисунка на Витькиных воротах. — А вы на похороны приехали? — щурясь, спросил он Яну.

— На похороны, — вздохнув, ответила она.

— Тогда идите туда, к бабе Дусе. Знаете, где она жила?

Гадалка кивнула.

— Идите, они все еще в рань туда ушли. Их теперь и дома-то нет никого. Тама они, в ее доме. Эх, жалко бабаню, — мальчуган снова сделал толчок ногой и поехал.

То, что у Ермакова дома на данный момент никого не было, Милославской играло на руку. Она спокойно могла созерцать территорию Витькиного дома, находясь в непосредственной близости от него. Все-таки встреча с его хозяином, при возникшем у него негативном отношении к ней, для гадалки была нежелательна.

Яна торопливо зашагала в обратном направлении, к колонке, потому что обогнуть улицу с той стороны ей было ближе. Она еще раз попила воды, почувствовав снова приступ жажды, обрызгала немного измаявшуюся собаку и двинулась вперед.

Пешеходов ей на пути не встретилось, только кое-где во дворах, мимо которых она проходила, слышались разговоры, да молодые бычки и телки,

местами привязанные к деревьям и столбам, молчаливо провожали ее своими полными удивления взглядами. Стая гусей, облюбовавшая на повороте улицы большую лужу с глинистыми берегами, встретила незнакомку громким недовольным гоготом и шипением самых отважных гусаков. Милославская, испугавшись, шарахнулась от них в сторону. Джемма тут же встала на дыбы. Воспользовавшись этим и свернув в нужном направлении, Яна засемила еще быстрее.

Да-а, сельская атмосфера была для нее явно непривычной. Да и этот девственный мирок откровенно смущался, видя на своих улицах этакую «расфуфыренную» даму с «собачкой». В местный пейзаж гадалка никак не вписывалась.

Несмотря на скорый шаг, гадалка все же внимательно всматривалась в дома и пыталась разглядеть где-нибудь на воротах изображение пернатых. Противоположный ряд строений на этой улице располагался непривычно далеко, и Яна сначала боялась не разглядеть рисунок, если вдруг Витькин дом окажется именно в том ряду, но потом она вспомнила слова мальчугана от том, что птицы на воротах «здорову-ущие».

Милославская вскоре сбавила шаг, убедившись, что никакой угрожающей ее здоровью живности поблизости нет, а через пару минут и вовсе остановилась — перед ней вдруг запестрели ворота с изображением двух дивной красоты лебедей, слегка приподнявших крылья. Кувшинки, старательно выписанные по углам ворот доморощенным художником, служили дополнительным украшением этого рисунка.

— О! — вслух произнесла вдруг Яна, от неожиданности не сумевшая сдержать эмоций.

В ту же минуту она сначала на подсознательном уровне, а потом и на полном серьезе отметила про себя, что эти лебеди были, пожалуй, единственным украшением весьма скромного ермаковского жилища. Внутреннее торжество собственной правоты всецело овладело гадалкой.

— Ес! Ес! Ес! — мысленно восклицала она, радуясь тому, что шла сюда, как ей теперь казалось, вовсе не напрасно.

Гадалка и не заметила, что застыла перед домом в весьма смешном положении: ноги почти на ширине плеч, руки — воздетые к небу. Нет смысла добавлять, что выражение ее лица полностью гармонировало с этой нелепой позой. Через пару минут, словно очнувшись, она боязливо огляделась по сторонам и, убедившись, что никто не увидел ее такую, облегченно вздохнула.

Теперь Яне следовало собраться с мыслями. «Стоп! Стоп! Стоп!» — командовала она самой себе, пытаясь сконцентрироваться на самом

главном. Мирославская попыталась собрать воедино все, что ей было известно о Ермакове. «Жена, двое детей», — мысленно перечисляла она и одновременно с этим оценивала Витькин дом, а заодно и двор, который довольно хорошо просматривался сквозь широкие щели между створками ворот. Маленький деревянный домишко на два окна нисколько не впечатлял. Судя по отсутствию газовых труб и сложенным вдоль одного из сараев дровам, здесь до сих пор пользовались обыкновенной печкой.

Яна заметила, что Витькин дом стоит не вплотную к соседскому, а несколько отстранен от его забора — между двумя дворами было расстояние около полуметра. Гадалка решила пробраться по этому проходу и осмотреть так называемые «зады».

Первой она пустила по новому пути Джемму. Та сразу стала водить по земле носом из стороны в сторону, словно беря чей-то след. Местные собаки, почуяв чужих, подняли лай, но гадалку это не остановило — она уверенно продолжала заниматься своим делом.

Пройдя до конца ветхий деревянный забор, Яна остановилась. На нее задними стенками смотрели два мазанных глиной низких сараюшки, в которых Ермаков, очевидно, держал скотину. Прильнув к щели в заборе, Мирославская увидела наваленные посреди двора доски, железяки и приютившийся в углу Витькин мотороллер. На дворе не было ни летней кухни, ни гаража, ни бани. «Весьма скромно», — заключила гадалка.

На самом деле, с двумя детьми в таком жилище Ермаковым, вероятнее всего, было тесно. Да и коровенки их наверняка требовали большего комфорта.

— Есть у Витьки мотив побыстрее избавиться от матери, — тихо пробормотала гадалка. — Как бы ни была старуха слаба и немощна, но по божьей воле могла эдак вот протянуть еще лет, может, двадцать. А сыну что? В такой вот нищете лямку тянуть? Не-е, — Яна покачала головой, — не на того вы напали...

ГЛАВА 8

— Здорово, молодка, — окликнула Милославскую подслеповатая или только кажущаяся такой старуха, — ты чаво тут?

Джемма зарычала. Яна обернулась. Из-за соседнего невысокого частокола на нее любопытно смотрела полная пожилая женщина, одну руку уперев в бок, а другой слегка прикрывшись от солнца, бьющего в глаза.

— Ермаковы тут живут? — не найдя более, что сказать, спросила гадалка.

— Туточки, — подтвердила старуха и, скрипнув низенькой калиткой, вышла со своих «задов», двинувшись навстречу Милославской.

Яна дернула Джемму за ошейник, молчаливо приказывая ей успокоиться. Та послушалась и опустилась на задние лапы.

— Ты чья будешь? — спросила женщина, вплотную подойдя к гадалке и сильно щурясь.

— Я-то? Городская я... Не местная.

— Вижу, что не местная. Ермаковых ты, спрашиваю, аль так, знакомая просто?

— Следователь я, бабуля, — неожиданно для самой себя отрезала Милославская.

— Вот так та-ак! — воскликнула женщина, всплеснув руками. — Из города?!

— Из города, — выразительно кивая, подтвердила Яна.

— Ты поди-ка чего! — ахнула старуха. — А чего приехала? — тут же поинтересовалась она.

— А положено так.

— Когда повесится кто?

— Ну да.

— Вот оно что-о. Каковы законы новые! — удивилась Янина собеседница, покачивая головой. — И что же, про всех Евдокииных близких расспрашивать станешь?

— Стану, — серьезно сказала Милославская.

— Ну так давай я тебе первая скажусь, — сказала старуха, тяжело присаживаясь на толстое короткое бревно, приваленное к ермаковскому забору в непосредственной близости от кучи навоза.

Гадалке ничего не оставалось, как последовать за незнакомкой. Джемму она отпустила прогуляться. Благо собаке тут было полное

раздолье.

— Зовут меня бабка Наталья, — начала женщина, но тут же поправилась: — Былинкина Наталья Владимировна. Живу я тут всю жизнь. Мать моя была...

— Наталья Владимировна, — прервала Милославская, — вы уж простите, но меня Ермаковы больше интересуют.

Вежливей было бы, конечно, выслушать упоенный старухин рассказ до конца, а потом уже задавать свои вопросы, но ведь в любой момент мог вернуться сам Витька. А это обещало разоблачение персоны лжеследователя.

— Можно я сама вас спрашивать буду? — чуть мягче спросила Милославская.

— Ну спрашивай, — с заметной обидой протянула старуха.

— Вам известно, что дом Евдокии Федоровны завещан Ермакову Виктору?

Наталья Владимировна сначала удивленно округлила глаза, а потом, то ли смутившись от пристального Яниного взгляда, то ли просто от распирающего ее желанья «пооткровенничать», вплотную придвинулась к Милославской и прошептала:

— А то как же. Евдокия моя подруга была.

— Тогда скажите, — тут же не менее таинственно, чем ее собеседница, спросила гадалка, — почему Ермакова в своем завещании обошла другого сына?

— Леньку?

— Леньку, Леньку.

— Так он уже свой кусок получил. Ленька у них старший. Когда был еще жив их отец, Михаил, то есть муж Евдокии, Леньке дали денег. На выделенный куш купил Леня дом в соседней деревне, где женился.

— Так он в соседней деревне живет? — удивилась гадалка.

— Что ты! — возразила Наталья Владимировна и так махнула рукой, что Яна тут же подумала, что ей не зря сказали, что второй сын Евдокии Федоровны — настоящий подарок. — Леня спился давным-давно.

— Да вы что? — попыталась изобразить удивление Милославская.

— Да-да. Сначала по праздникам употреблял. Потом по выходным тоже стал, после баньки. А потом и каждый день, во время ужина. Ну, а там пошло вместо обеда и завтрака и всего остального... — безнадежно закончила Былинкина.

— И что же жена? — поинтересовалась гадалка.

— Как что? Выгнала, конечно.

— Развелись?

— Развели-ись, — старуха вздохнула. — Живет он теперь тут, в нашем селе, с Танькой Бакулиной, — Наталья Владимировна посмотрела на Милославскую и махнула рукой, — Да, ты ее не знаешь. Старая дева она, любому сапогу поди рада.

Теперь Милославской было ясно, почему свой дом покойница завещала только Витьке. Яна получила довольно полную характеристику ее старшего сына, а о Викторе ей и без того многое было известно. Правда, данные эти носили, в основном, положительный характер, что противоречило сущности гадалкиных подозрений. Тем не менее, рассказ Натальи Владимировны Яна посчитала еще одним маленьким доказательством того, что она идет в правильном направлении, и теперь, пока старуха говорила ей еще о чем-то (гадалка слушала ее вполуха), Милославская ставила перед собой новую задачу.

Ее очень заинтересовало, а чем, собственно, занимался Витька в то время, когда его несчастная мать «вешалась», как вообще случилось, что он ранним-ранним утром забрел к матери в гости. Все нормальные люди, вопреки пресловутому «Кто в гости ходит по утрам, тот поступает мудро», по мнению гадалки, в это время ни за что не стали бы делать визиты. Иными словами, Милославская захотела узнать, а было ли у Ермакова алиби. Тут же она упрекнула себя в том, что вообще-то об этом следовало подумать в первую очередь.

— Вот так, — закончила свой рассказ Наталья Владимировна и развела руками. — Еще будешь спрашивать? — обратилась она к Милославской, видя ее равнодушие к своему повествованию.

Яне в этот момент вдруг показалось, что с той стороны Витькиного двора слышались какие-то звуки. Былинкина была, слава богу, кажется, немного глуховата и ничего не заметила.

— Нет, — ответила гадалка своей собеседнице, — вопросов к вам у меня больше нет. — Спасибо большое. Будьте здоровы.

— Спаси-ибо, — протянула старуха, обнажая вставные зубы.

Яна приподнялась с места, крикнула Джемму и направилась назад по тому проходу, по которому она недавно сюда пробралась. Еще не дойдя до его конца, сквозь щели в заборе она увидела, что у ворот с расписными лебедями стоит Витька.

Ермаков держал в одной руке косу, а другой при помощи тонкого железного крюка пытался задвинуть засов калитки, защищающий дом от незваных гостей. Кто-то окликнул его:

— Здорово, Витек. Далеко собрался?

— Траву скосить хочу вокруг материного дома.

— А-а-а, — с пониманием протянул ермаковский собеседник. — Да-а, бурьян этим летом прет как никогда...

Витька ничего не ответил и тихонько направился в противоположную от Яны сторону. Она поспешила выбраться из своего укрытия и почти вприпрыжку бросилась за Ермаковым. Не дойдя до него несколько шагов и не сообразив сразу, как его окликнуть, Милославская, как это ни было банально, выразительно покашляла. Витька инстинктивно оглянулся.

— Вы?..

— Я, — спокойно ответила гадалка и развела руками, представляя себя перед Ермаковым во всей красе.

Витька беззвучно шевелил губами, от удивления не находя, что сказать. В глазах его застыл немой вопрос. Не дожидаясь его озвучивания, Милославская немного виновато сказала:

— Мне поговорить с вами надо.

— Зачем? — Витька пожал плечами.

— Вы же знаете: я расследую это дело, — не стала лукавить Яна.

— Хм, — зло ухмыльнулся Витька. — А кто вас об этом просил?

— Федотовы.

— Вот с ними и разговаривайте, — отрезал Витька и, отвернувшись от Яны снова зашагал вперед.

Джемма, предположив, очевидно, что ее хозяйка оскорблена таким поведением, звучно гавкнула. Ермаков от неожиданности вздрогнул.

— Ну что, что вы ко мне привязались?! — вдруг закричал он, обернувшись.

Собака залаяла еще громче, и гадалке пришлось покрепче натянуть ее поводок.

— Давайте не будем шум поднимать и привлекать внимание ваших соседей, — ровно произнесла Яна, — просто отойдем в сторону и переговорим. Уверяю, это не займет много времени.

— Тоже мне, нашли момент подходящий! — огрызнулся Ермаков, но дальше не двигался. — У меня мать повесилась, понимаете вы это?

— Позволю себе вас поправить: ее повесили, — сурово произнесла гадалка.

— Да что вы за чушь несете? — болезненно поморщился Ермаков. — Пове-если... — передразнил он гадалку.

— Ну, знаете ли, — раздув ноздри, процедила Милославская, мое терпение заканчивается...

— Вот и прекрасно! — с пафосом произнес Ермаков. — Идите себе,

откуда пришли.

— Если я уйду, придут другие, — предупредительно заявила гадалка.

Витька молчал, не понимая, к чему клонит его собеседница.

— Я просто передам собранную информацию в органы, — пояснила гадалка, пожав плечами. — Спешу предупредить: согласно ей, вы — главный подозреваемый.

— Что-о?!..

— Да-да.

— Да вы... Да я... — Витька просто задышался от негодования.

— Успокойтесь, — Яна подошла к Ермакову вплотную и положила свою руку ему на плечо. — Хотите избежать недоразумений? Давайте мирно побеседуем.

Милославская потянула Витьку за собой в сторону давно не крашеной деревянной скамейки у забора его дома. Тот слепо ей подчинился. Он не испугался, нет. В его голове вдруг сразу все смешалось. Такое услышать от этого слабого, хрупкого создания, достойного, по его мнению, только презрения (такой поначалу показалась ему Яна, взявшаяся за дело), он никак не ожидал.

— Присядьте, — сказала гадалка и, пользуясь состоянием Витьки, с силой надавила на его плечо. Он фактически обрушился на скамейку — та затрещала. — Не подумайте обо мне чего плохого, — с иронией продолжила Яна, — я всего-то-навсего хочу узнать, как так получилось, что столь ранним утром вы оказались в доме своей матери, и еще: где и как вы провели несколько последних часов до печального происшествия.

Ермаков словно остолбенел: молчал и смотрел в одну точку.

— Виктор, — окликнула гадалка, слегка встряхнув его за плечо.

— Какая мать, — медленно проговорил он с отвращением и покачал головой. — Да-а, Санек, оказал ты мне медвежьё услугу...

— Напрасно вы так. Те, кто мне обращаются, никогда об этом не жалеют. Так что Федотов поступил правильно. Итак, что вы делали тогда в окрестностях дома Евдокии Федоровны?

— Ходил за сеном кроликам, — с поразившим Яну спокойствием ответил Ермаков.

— Так рано?

— Коси, коса, пока роса, — усмехнулся Витька. — Хотя вам, городским, этого не понять.

Милославская поняла, что сморозила глупость, но виду не показала.

— Вы разве косили траву у дома своей матери? — серьезно спросила она. — Ведь вы как-то зашли в ее дом... Зачем?

— Нет, косил я далеко отсюда, в ложбине у Лысой горы, — понурился голову, ответил Ермаков. — Просто сердце екнуло, решил почему-то на обратном пути мать проведать. Проведал... Я до этого давно не был у нее. С неделю или с полторы. Крышу у себя перекрывал, так некогда было. А она ко мне давно уж ходить перестала. С женой не очень-то ладила, да и ноги не те уж были... По дому или в огороде еще могла, а вот дальше куда — уже с трудом.

— Подтвердить ваши слова кто-то может? — спросила гадалка. — Жена, дети...

Витька отрицательно покачал головой.

— Жена с детьми тогда ночевали у ее матери. Она и не знала, что я за сеном соберусь. Просто я ту ночь спал плохо. Подумал: чего ворочаться с боку на бок, лучше за дела взяться. А как видно, не зря меня бессонница-то одолевала...

— Может быть по пути вы кого-то встретили? — продолжала свой допрос Милославская.

— Никого я не встретил, — с вызовом ответил Витька. — Боже, как вы мне все надоели, как надоели! — воскликнул вдруг он. Схватил косу, опущенную на землю, и зашагал прочь. Ничто его на этот раз не остановило: ни Янин оклик, ни лай Джеммы.

Милославская не стала догонять Витьку, понимая, что теперь он уже далеко не в том состоянии, чтобы подчиниться ей, как в первый раз. Она могла бы, конечно, Ермакова «взять силой», бросив пару слов своей собаке, но отсутствие свидетелей Витькиной невинности еще не являлось абсолютным доказательством его вины, поэтому переступить черту гадалка не стала, решив в качестве подкрепления своих подозрений отыскать дополнительные аргументы.

Милославская достала сигареты и закурила. Мимо нее по противоположной стороне улицы прошли две молодые девицы. Они несмело хихикали, глядя на нее, и о чем-то потаенно перешептывались. Возможно, благодаря неведомой силе, посредством которой информация в селах распространяется просто со скоростью света, в округе уже знали, что в деревне «орудует» городской «следователь».

Уходить от Витькиного дома гадалке не хотелось, но и засиживаться на скамейке было не в ее интересах. Не долго думая, Яна решила проникнуть не куда-нибудь, а прямо во двор дома Ермакова.

К счастью, гадалка невольно приняла во внимание, чем именно Витька отодвигал засов и куда он свое нехитрое приспособление припрятал. Докурив сигарету, Яна небрежно затушила ее о край скамейки и подошла к

калитке. На всякий случай она оглянулась и убедилась, что ничей посторонний глаз не наблюдает за ее действиями.

Железный крюк незатейливо выглядывал из щели, предназначенной для опускания в нее газет, писем и прочей корреспонденции. Большая часть крюка утаилась в почтовом ящике, ну а конец его, конечно, смотрел прямо на Милославскую. Яна без лишнего стеснения взялась двумя пальцами за край железяки и потянула ее на себя. Крючок сопротивляться не стал. Вскоре гадалка уже двигала им засов, подпирающий калитку с обратной стороны.

Покончив с засовом, Милославская осторожно, чтобы не лязгнула, приподняла щеколду и открыла калитку. Ее вниманию предстал тесный дворик, на котором бок о бок приютились два сарая (те самые, которые гадалка уже видела «со спины»). Чуть левее, за низким штакетником, виднелся невысокий стог сена. Дворик порос низенькой травкой, а посередине его была вытоптана неширокая тропинка.

Гадалка тихо позвала за собой Джемму и осторожно прикрыла калитку. По велению хозяйки собака осталась сидеть у ворот, а сама Яна сделала несколько шагов вперед. Джемма предупредительно зарычала.

— Фу! — прикрикнула на нее Милославская. — Тихо ты! Никого тут нет. Видишь замок на двери?

Овчарка подчинилась, но явно нехотя. Она продолжала коситься куда-то в сторону и, сомкнув челюсти, издавала странный звук, похожий на скуление, смешанное с рыком. Яна, чтобы не тратить время, решила не обращать на него внимания. Ее взгляд сразу почему-то привлекла обувь, рядом выставленная на верхней ступени невысокого крыльца. Милославская, сама еще не понимая зачем, решила рассмотреть ее поближе и ступила вперед. Половица крыльца скрипнула. В этот миг совершенно неожиданно для гадалки из выпиленного специально для домашних кошек и собак отверстия под крыльцом пулей выскочил маленький облезлый пес, который до этого почему-то предательски молчал. Он принялся пронзительно лаять и сразу попытался ухватить гадалку за ногу.

К счастью, Джемма не стала дожидаться разрешения своей хозяйки пройти во двор и ее команды броситься в бой. Она одним прыжком настигла несчастного пса, который, ужаснувшись, завизжал по-поросячьи и тут же бросился наутек, оставив тем не менее в зубах у Джеммы клочок своей небогатой растительности. В мгновение ока он исчез в подворотне, а овчарке оставалось только тщетно тыкаться в узкую щель своей огромной мордой.

— Ух, окаянные! — слышалось за забором.

Милославская подошла к Джемме и потянула ее за поводок.

— Фу! Фу! — вполголоса приказывала она.

Собака обернулась и горделиво посмотрела на гадалку. «Я же тебя предупреждала», — прочитала Яна в ее глазах.

— Сидеть, — тихо скомандовала Милославская и снова направилась к крыльцу.

Если бы ее сейчас спросили, почему именно оно приковало ее внимание, вряд ли бы она ответила что-то вразумительное, а вероятнее всего, сослалась бы на интуицию.

Яна присела на корточки на верхней ступеньке и внимательно посмотрела на обувь. В ряд перед ней стояли стоптанные тапки, калоши и высокие резиновые сапоги на толстой подошве. «В таких, кажется, косят», — подумала гадалка, глядя на сапоги, и взяла в руки один из них.

Сапог как сапог, ничего особенного. А для косьбы — вещь нужная. Любая роса тебе нипочем. Стоишь во влаге, а ноги сухие. Яна еще с детства такие сапоги запомнила: то ли у отца ее, то ли у деда такие были.

Милославская на мгновение задумалась.

— А ведь Ермакова в то утро я видела именно в них! — воскликнула она. — Да-да, это не ошибка! — Яна вдруг на миг усомнилась в своих словах и более холодно произнесла: — Во всяком случае на нем точно были черные высокие сапоги.

Гадалка заметила, что на подошве сапога налип достаточно приличный слой земли, и перевернула башмак. Земля плотно въелась в рисунок на подошве, а теперь подсохла. Вместе с землей в маленькие отверстия впечатались и веточки травы. Яна потянула одну травинку и оторвала ее от сапога. Подняла над головой и рассмотрела получше, подставив солнечным лучам.

— Да это не трава, — пробормотала она и через мгновение уверенно воскликнула: — Танькина радость!

Яна не знала точного наименования растения, стебель которого плотно прилип к Витькиному сапогу. Но в детстве, однажды найдя его с подругами в окрестностях милицейских дач, она дала ему именно такое название, потому что первой обнаружила цветок Янина подруга Таня. Потом в школе Милославская узнала, как на самом деле называется Танькина радость. Узнала также, что это очень редкое ценное растение, сохранившееся только в ее родном крае, да и то в двух местах. С того времени прошло много лет, и теперь уже не было Танькиной радости в районе милицейских дач, а росла она только в ложбине у Лысой горы.

Воспроизведение всей этой информации привело Яну к самому

главному: выводу о том, что о косьбе в районе Лысой горы Ермаков ей сказал правду.

Но он мог косить там не в тот день, а, например, днем ранее. Милославская еще раз всмотрелась в подошву Витькиного сапога и благодаря своему опыту достаточно легко на глаз определила время пребывания верхнего слоя земли на ермаковском сапоге. Гадалка тут же поняла, что Витька перед ней, а главное, перед своей матерью совершенно чист.

Яна глубоко вздохнула, одновременно сожалея о даром потраченном времени и радуясь тому обстоятельству, что в мире все же на одного подлеца меньше, чем она еще недавно предполагала.

Спустившись с крыльца, гадалка неожиданно почувствовала, что ей чего-то не хватает. Она похлопала себя руками по бокам и вдруг обнаружила, что куда-то делась ее сумочка. Милославская посмотрела вокруг себя: сумки не было.

— Джемма, сумка... — беспомощно пробормотала она, глядя на собаку.

Любимица сразу поняла хозяйку и, снова сунув морду в щель под воротами, жалобно заскулила. Яна тут же вспомнила, что, когда пыталась открыть засов железным крюком, сумку поставила рядом на землю, потому что та ей мешала.

— А! — ахнула она, уже и не чая найти потерянное.

Милославская торопливо направилась к калитке и рьяно распахнула ее. Сумка спокойно лежала себе на прежнем месте.

— Пф-ф-ф... — облегченно произнесла гадалка, перекидывая сумочку через плечо. — Идем, — обернувшись, сказала она Джемме, — тут нам искать больше нечего.

Обратно засов на калитке гадалка решила не задвигать, подумав, что раз одиноко валявшуюся дорожную сумочку никто не взял, то уж заходить в это бедное жилище тем более вряд ли кому-то придет в голову. А если и придет — они справятся с засовом так же легко, как недавно справилась она.

На всякий случай Милославская, немного отойдя от калитки, чтобы не привлечь чье-либо внимание, расстегнула молнию на сумочке и заглянула внутрь. Кошелек лежал на месте. Но — о Боже! — внутри не было карт.

Яна судорожно принялась переворачивать все содержимое сумки. Помада, зеркальце, ключи, носовой платок и прочее — все полетело в разные стороны. Так и есть — карты отсутствовали. Неужели украли? Этот вопрос молнией пронзил все сознание гадалки.

— Но кому они могли понадобиться? — в ужасе пробормотала она. Джемма смотрела на хозяйку и не понимала, что с той происходит.

— Кошелек ведь и то на месте, — отчаянно протянула Яна и тут же воскликнула: — Стоп!

Милославская зацепилась за эту мысль. Похитители не могли украсть карты, не позарившись на кошелек, в котором лежали деньги.

— А может быть... — надежда засветилась в глазах гадалки, — может быть, я и не взяла их с собой?

Такое бывало редко, особенно во время расследований, но все же Яна не стала отбрасывать данную версию. Она присела на корточки и торопливо стала собирать все выброшенное назад в сумочку.

— Бумажки тут еще какие-то! — зло пробормотала она, обнаружив в боковом кармашке сумочки, куда она опустила зеркальце и помаду, во много раз сложенный листок бумаги.

Милославская достала его и повертела перед собой. Не могла вспомнить, откуда он взялся. Решила не выбрасывать. Разбираться с тем, нужно это ей или нет, у гадалки сейчас просто не было времени. Ревизию она вознамерилась произвести позже, а теперь твердо решила мчаться домой, чтобы отыскать свои карты, без которых теперь Яна просто жизни себе не представляла. Только найдя их, гадалка могла успокоиться. А если нет? В этом случае она готова была всю деревню перевернуть.

Поначалу у Милославской возникла мысль поднять всех на ноги прямо сейчас. Но, слава богу, здравый смысл не изменил ей. Ведь она не знала точно, совершена кража или виной всему ее временная рассеянность. Оказываться в глупом положении было не в ее характере.

Женщина застегнула наконец молнию на сумке и заспешила в ту сторону, откуда она сюда прибыла. Яна мерила шагами тропинку и пыталась вспомнить, а брала ли она с собой карты. Теперь ей уже казалось, что нет. Она ведь и сумку перед отъездом перебирала... Но гадалка не могла сейчас довериться минутному предчувствию — слишком многое ставилось на кон. Она непременно должна была убедиться, что не ошибается.

— Только бы поскорее поймать машину, — бормотала Милославская, двигаясь навстречу трассе.

ГЛАВА 9

— Боже мой! Как я могла? — беспомощно пролепетала Милославская, сжимая в руках заветную колоду. — И дернуло же меня сумку перебирать! — сердито воскликнула она. — Тоже мне, фифа, — тут же выругалась на саму себя гадалка, — косметику-то всю собрала, а вот карты оставила! Как я могла? Как могла? Ну, ладно, все теперь позади, — Яна облегченно вздохнула и откинулась на спинку кресла.

Только теперь она стала неторопливо снимать со своих отекавших за день ног туфли. Как только они очутились на полу, немного в сторонке от кресла, Джемма подцепила их зубами и потащила к порогу.

Милославская закрыла глаза и попыталась полностью расслабиться. Всю дорогу до дома она ужасно нервничала, и теперь восстановление душевного равновесия гадалке было просто необходимо.

Пролежав так около десяти минут, Яна поняла: у нее это не очень-то получается, поскольку непонятое чувство все еще точило ее изнутри, упрекая за забывчивость и за то, что ей пришлось убраться из деревни не солоно хлебавши, в то время как она могла бы там работать до самого вечера.

Гадалка все еще держала в руках колоду. Она вдруг подумала: а что если провидение не случайно так все устроило? Что если сейчас наступил именно тот момент, когда она может особенно плодотворно пообщаться с картами? Может быть, именно по этой причине так сложились обстоятельства? На все воля Божья...

Яна развернула карты веером и по непонятной ей самой причине выбрала «Джокер». Милославской показалось на миг, что именно он смотрел на нее с особым призывом — хитро и заманчиво.

«Джокер» был, пожалуй, самой необыкновенной картой из всех имеющихся у гадалки. Добродушное лицо молодого месяца, изображенное на ней, с улыбкой взирало на маленький колокольчик и выпускало на него тонкую воздушную струйку, заставляя колокольчик раскачиваться и бренчать. Фоном этому забавному зрелищу служила расстилающаяся под ним мертвая, растрескавшаяся почва. Яна и сама не могла объяснить взаимосвязи между столь разными, но нарисованными ею на одной карте символами. Изображение было таким же парадоксальным, как и видения, даруемые ею.

«Джокер», что было отличным от остальных карт, гадалка могла

использовать дважды. Он всегда давал малопонятную, загадочную, на первый взгляд, совершенно необъяснимую информацию, которая в конце концов все же расшифровывалась гадалкой и оказывалась очень важной. По этой причине «Джокер» Яна еще называла Сюрпризом. На самом деле, он умел преподнести самую настоящую неожиданность. Возможно, именно такой неожиданности Милославской сейчас и не хватало.

Она аккуратно собрала в стопку остальные карты, положила их на краешек журнального столика, подобрала под себя ноги и с мольбой посмотрела на «Джокер», который держала в руках. На минуту Яне показалось даже, что ей улыбнулся месяц, изображенный на нем.

Милославская положила карту на колено и накрыла ее ладонью. Яна стала ожидать знакомых ощущений, в первую очередь — легкого покалывания. Однако минуты шли, а в самочувствии гадалки ничего не менялось. Тогда она решила принять более удобную позу: спустила ноги на пол, сама сползла чуть ниже со спинки кресла, под голову сунула маленькую подушку, свободную руку разместила на мягком подлокотнике...

На этот раз Яне повезло больше, и чуть заметное покалывание через несколько минут все же дало о себе знать. Теперь оставалось дожидаться, когда оно начнет перерастать в тепло. На этом этапе гадалка обычно уже была наполовину оторвана от действительности и погружалась в иной, никому, кроме нее, не известный мир. Мгновенья летели, и вскоре Милославскую полностью окутывало мистическое облако.

Это облако могло кружить Яну, трясти ее, совершенно невесомую, из стороны в сторону, а затем нести куда-то с огромной скоростью под какие-то смешанные хаотические звуки или в полной тишине.

Бывало так, бывало и по-другому. Но сейчас гадалка почему-то ничего похожего не ощущала. Она все еще чувствовала, что находится в самом что ни на есть здоровом уме и трезвой памяти.

Еще через несколько минут ей уже казалось, что всему мешает тиканье часов, посапывание Джеммы, птичий щебет, шум листвы дуба, расположившегося под окнами дома. Яна сделала еще одно усилие над собой и, как ей представлялось, максимально сосредоточилась.

Милославская мысленно была готова к тому, что вот-вот, сию минуту, наступившее видение откроет ей наконец что-то важное, свершится чудо, и многое-многое, может быть, даже все, ей станет ясно и понятно. Однако видение упорно ничем не хотело напоминать о себе, и гадалка вдруг осознала, что уже и покалывания в кончиках пальцев она не чувствует. Через пару секунд Яна с горечью мысленно сказала себе, что сеанс не

удался и не стоит напрасно терять время.

Милославская все еще полулежала с закрытыми глазами, не находя пока в себе сил подняться и с досадой думая о том, как много могут открыть ей карты и как все же порой она не властна над ними. Они долго могли кружить ее по загадочным лабиринтам, заставляя искать, сомневаться, ошибаться и наконец находить, но никогда карты не давали ответа на главный вопрос сразу. Теперь же они вовсе настырно отказывались помогать своей обладательнице.

Гадалка вспомнила, как отчаянно она всего двадцать минут назад летела домой, и ей стало особенно обидно. Попытавшись разобраться в причинах неудачи, Яна пришла к выводу, что перенервничала, испугавшись утраты карт, и теперь именно поэтому не могла добиться внутренней гармонии, столь необходимой для успешного гадания.

Милославская открыла глаза. Недавнее тревожное настроение теперь и вовсе сменилось мрачным пессимизмом.

— Надо отвлечься, — пробормотала гадалка и взяла в руки какую-то старую газету, лежавшую на краю журнального столика.

Милославская внимательно и серьезно посмотрела на первую страницу, но вскоре заключила, что читает один и тот же заголовок уже в десятый раз, так и не осмыслив его.

Яна скомкала газету и бросила ее в сторону, потом нащупала рукой пульт от телевизора и щелкнула первую попавшуюся кнопку. Застыв в одной позе, она провела возле голубого экрана около получаса, так и не поняв, какую передачу она смотрела.

Вскоре гадалка все же нехотя поднялась и, отыскав поблизости тапочки, заботливо предоставленные Джеммой, пошла варить кофе. Он единственный, казалось, мог сейчас хоть немного взбодрить ее и напоить оптимизмом.

Милославская достала до боли знакомую джезву, поставила ее на огонь и потянулась за сумочкой, которую, войдя, бросила тут же на пол. Яна хотела достать сигареты и употребить одну из них «под кофе». В этот миг гадалка вдруг вспомнила о том листке бумаги, который она обнаружила у себя у сумке, когда искала в ней карты. Тут же она укорила себя за то, что такую «дрянь» не забыла положить на место, а вот карты... Впрочем, и карты, как Милославской за это не было стыдно, в этот миг тоже в глубине души казались ей дрянью.

Гадалка подняла сумку, достала пачку сигарет, бросила ее на стол, а потом все-таки решила поинтересоваться, что это за листок так заботливо она носила в своей сумочке. Его происхождения она, как не напрягала

память, объяснить не могла. Впрочем, это не казалось Яне странным, поскольку наведение порядка в любом дамском ридикюле всегда чревато рядом открытий и сенсаций. Бывает особенно приятно, когда вдруг в одном из потайных карманов обнаруживается некая сумма денег, пусть даже незначительная, о существовании которой хозяйка давно уже и думать забыла.

Милославская прикурила одну из сигарет и стала разворачивать листок. Странно, но ей почему-то казалось, что она его вообще никогда не видела. Когда вниманию гадалки представился этот лист в полном развороте, она поняла, что думая так, была абсолютно права.

Наискосок располагался текст, содержащий около десятка или чуть более предложений. Он был написан черным по белому, простым карандашом, крупными неровными печатными буквами.

— Что это? — удивилась гадалка и стала читать.

Через несколько секунд она, пораженная до глубины души, пыталась понять, как это могло у нее оказаться. Вариант был только один — записку Милославской подбросили. Но кто? Как это стало возможно? Кому это надо? И кто вообще знает, что она этим занимается?

— Хотя... — вслух проговорила Яна. — О расследовании знают Федотовы, это раз, Витька — два. А если Витька, то теперь и вся его семья. А если семья, то не исключено, что кто-то из их близких, знакомых, друзей... О следствии знает и Витькина соседка, бабка Наталья, а от нее и еще кто-то...

Милославская вспомнила, что оставляла сумочку у ермаковского двора.

— Этим и могли воспользоваться те, кто... Да, бесспорно, за мной следили! Может быть, письмо подбросила бабка Наталья, не желая быть открытым источником информации и стать презренной за это на селе? Кто знает... Хм, — гадалка пожалала плечами. — Нечаянно оставленная сумочка подсобила незнакомцу... Однако, мистер или мисс Икс честны. Кошелек не взяли, — Яна улыбнулась.

Она еще раз перечитала содержание записки и теперь уже задумалась обо всем с особой серьезностью. Незнакомец, по непонятной пока причине радея за исход расследования, сообщал, что не Витька, а его брат, Леня Ермаков, мог убить собственную мать. Дальше следовал ряд аргументов, подтверждающий возможность именно такого положения дел.

Как оказалось, несмотря на полученный ранее куш, Леня не успокаивался и постоянно требовал от матери деньги. Собственно говоря, про этот куш он и не вспоминал. Не работая и имея теперь уже

подсознательную необходимость в постоянном и беспросветном пьянстве, Ермаков-старший нигде больше средств на это пьянство раздобыть не мог.

Старая дева, с которой он сожительствовал, была давно уже не девой и Леньку воспринимала исключительно как представителя мужской половины человечества, способной удовлетворить ее естественные природные потребности. Достаточной платой за Ленькино «усердие», на которое он был способен отнюдь не часто, она считала тарелку щей, регулярно опустошаемую им за ужином, независимо от того, в каком он пребывал состоянии. Завтракать Леня не завтракал, так как с утра им всецело владела только одна мечта — похмелиться. Возлюбленная вступать в дополнительные, столь вредоносные траты отказывалась, поэтому Ермакову приходилось регулярно спозаранку отправляться в поисках этой своей мечты. Возвращался он поздно, в стельку пьяный, к горячей тарелке щей и молчаливо созерцающей его свинское состояние сожительнице.

Дама сердца, ко всему прочему, с завидным постоянством стирала Ленькины носки, которые воняли так, что находиться в доме не было никакой мочи, и которые стирать пьяный Леня отказывался. Поэтому ни о какой выпивке за Танькин счет не могло быть и речи, и единственным объектом истязаний для Лени Ермакова уже несколько лет являлась мать.

Витька, кстати, налив брату раз-другой, понял, что тот стал воспринимать это как должное, и просто послал его к черту. Леня, правда, не сразу понял, и тогда Ермакову-младшему пришлось применить против такого бессовестного паразитизма силу. А на деревне Леня всем был должен, поэтому в долг ему никто уже давным-давно не давал.

Тунеядец и пьяница с нетерпением дожидался дня пенсии и брался за свое грязное дело: вымогал у матери деньги. Старуха сговорчивой была не всегда, и несчастному сыну иногда приходилось сильно нервничать. Если же Евдокия Федоровна, желая поскорее избавиться от назойливого визитера, кидала ему в лицо как минимум половину пенсии, Леня начинал ее умолять снять с книжки сбережения, накопленные ею на случай смерти, обещая после наступления таковой и без этих денег все устроить «как у людей».

Конечно, при таком раскладе жизнь старухе медом не казалась. Сварливей и сварливей она становилась, как казалось Лене. И, как предполагал анонимный автор письма, в один прекрасный момент сыну это и надоело. Вряд ли он осознавал, что лишается главного источника средств на пропой, но в состоянии аффекта бывает и не такое.

Конечно, в найденном Милославской письме вся эта информация содержалась в значительно более сжатом виде, но благодаря своей логике,

Яна быстро восстановила в своем воображении полную и яркую картину взаимоотношений матери с сыном.

— Ну, Леня, держись, — задумчиво пробормотала Милославская, строя уже в уме план разоблачения Ермакова-старшего.

Она аккуратно свернула записку, положила ее назад в сумочку, закурила еще одну сигарету и взялась наконец за кофе, который, кстати сказать, у нее едва-едва не убежал, намереваясь добавить ей хлопот по чистке плиты.

Яна делала глоток за глотком и не чувствовала вкуса напитка, потому что всецело была поглощена новыми соображениями насчет хода расследования. После принятия душа, который, по мнению гадалки, должен был «смыть» с нее всю негативную энергию, накопленную за день, она решила мчаться снова в Багаевку и во всеоружии, дарованном ей автором анонимной записки, взяться за Леньку. Милославская пыталась спланировать как можно более хитроумный и стопроцентно верный путь его разоблачения.

В эти мгновенья ей думалось и о том, насколько банальным оказалось это дело. «Заурядная бытовуха», — с некоторым успокоением мысленно заметила она, и в ее сознании воспроизвелась информация о многочисленных, все учащающихся в последнее время случаях отцеубийства детьми-наркоманами, пьяницами и просто мерзкими отморозками. Яна никогда не думала, что в расследовании такого рода преступления кому-то может понадобиться ее, экстрасенса, помощь. Но, как оказалось, к судьбе простой пенсионерки, безразличной государству, оказались равнодушны ее дальние родственники. Что ж, Милославская не отказалась прийти им на помощь. Хотя, честно говоря, ею овладело некоторое разочарование: такие дела казались ей слишком скучными.

Гадалка затушила сигарету о дно пепельницы и сощурилась, потому что едкий дым, скопившийся за это время на кухне, ел глаза. Джемма мирно созерцала действия Милославской и ничем не выдавала своего присутствия, потому что знала: в такие минуты в уме ее хозяйки свершается какое-то непонятное собачьему существу таинство.

Яна не спеша, не прерывая потока мыслей, прошла в свою спальню, с удовольствием избавилась от пыльной и пропитанной потом одежды и накинула на плечи любимый тоненький махровый халат. Он был очень мягким и удобным, поэтому в сочетании с ощущениями после принятого душа всегда создавал чувство максимального комфорта, к тому же не сковывал движений, если, попав в плен сладкой дремы, Милославской вдруг хотелось повольготней раскинуться, распластавшись посреди

кровати, в кресле или на диване.

Гадалка прошла в ванную и, включив наконец душ, стала наслаждаться приятной прохладой струек воды. Ей хотелось как следует расслабиться, потому что, хотя, как она теперь считала, многое уже было сделано, главное все же оставалось впереди.

Яна даже попыталась медитировать, представляя себя катающейся на морских волнах где-нибудь в Анталье или на каком-то солнечном острове, но это у нее не очень-то получалось, потому что суровые мысли все равно возвращали к реальности. Так уж гадалка была устроена: не доведя дело до конца, отдохнуть по-человечески не умела.

Через несколько минут, наскоро промокнув тело полотенцем, Милославская накинула халат и принялась приводить себя в порядок.

Громкий стук в окно заставил ее вздрогнуть.

— Господи! — воскликнула она, уронив расческу. — Кого это еще нечистая сила принесла?

Всунув ноги в тапочки, Яна засемила к одному из окон, из которого можно было увидеть, кто к ней пожаловал. Еще не отодвигая занавески, она с одновременным удовольствием и разочарованием заметила машину Руденко: по приятелю гадалка очень соскучилась, но, зная, что он него не так скоро избавишься, в этот жаркий момент расследования не могла от души порадоваться его визиту.

Сам Семен Семеныч стоял немного в сторонке и, сняв свою форменную фуражку, отряхивал ее от пыли. Вздохнув, Милославская отодвинула занавеску, приоткрыла пошире форточку и, прильнув к ней, крикнула:

— Сема, я сейчас.

ГЛАВА 10

Увидев подругу, Руденко расплылся в широкой улыбке. Семена Семеновича Руденко знакомые, особенно коллеги по работе, гораздо чаще называли Три Семерки. Это прозвище давно и прочно прилепилось к нему, и сейчас уже никто не мог вспомнить, кто же первый наградил Руденко таким необычным псевдонимом. Яна же в неформальной обстановке чаще называла этого человека просто Семей, хотя в мыслях и у нее довольно часто проскальзывало «Три Семерки».

Пресловутое словосочетание, во многих ситуациях заменяющее Семену Семеновичу его имя, стало его вечным наказанием за предпочтение портвейна «Три Семерки» всем остальным алкогольным напиткам. Руденко довольно часто подыскивал повод принять на грудь и таким образом невольно постоянно демонстрировал окружающим это самое предпочтение. Куда уж тут было деться без прозвища?

При этом никому и в голову не приходило подумать, что Руденко — алкоголик, а таковым он и не был. Напротив, Семен Семеныч являлся в своем кругу человеком уважаемым. Он давным-давно работал в милиции, сейчас — в чине капитана, а до того — долгие годы просидев в старлеях.

Да, феерическое восхождение по служебной лестнице было создано явно не для Руденко. Он был простым честным российским ментом, не отягощенным особым интеллектом и не умеющим из кожи вон лезть перед лицом начальства.

Яна этого человека очень любила за широту его натуры, простоту, бесхитростность. Между ними давно установились дружеские отношения. Правда, доказывать крепость этой дружбы им в основном доводилось при встречах по рабочим вопросам. Они часто упрекали друг друга в отсутствии должного внимания, но тем не менее уже долгие годы факт оставался фактом. Яна, расследуя то или иное дело, порой была вынуждена обращаться за помощью к представителям полномочных органов, каковым и являлся ее приятель, Семен Семеныч. Он мог без проблем организовать для нее какую-нибудь экспертизу, фоторобот, погоню за преступником и все такое прочее.

Руденко, правда, далеко не всегда был стоворчив, и Яне порой приходилось подолгу склонять его к сотрудничеству. Проблема заключалась в том, что Семен Семеныч иронически относился к «потусторонней» деятельности Милославской. Он не верил ни в черта, ни в

бога, и даже когда факт несомненного Яниного ясновидения был налицо, Три Семерки выворачивался наизнанку, лишь бы доказать, что случившееся — не более чем «дикое совпадение».

Милославской тем не менее была присуща та тонкая женская мудрость, которая посылается свыше отнюдь не многим представительницам прекрасного пола, и ей практически всегда удавалось «уболтать» друга идти в одну с ней ногу, хотя тот порой и был до конца уверен, что поступает по-своему. В Яне тайного двигателя своих поступков он видел далеко не всегда.

Нередко случалось и так, что интересы Семена Семеныча и гадалки совпадали. Милославская, например, могла взяться за дело, которое рано или поздно той или иной стороной оказывалось подведомственным милиции. Вот тут-то и начиналась жаркая пора сотрудничества приятелей. Оба, как говорится, просто сгорали на работе, а Три Семерки иногда начинал страдать «головокружением от успехов».

Званием капитана Руденко очень гордился, долго после повышения радуясь, что его наконец-то оценили по достоинству. Однако на самом деле — и Семен Семеныч в глубине души понимал это — он многим был обязан Милославской. Ряд громких преступлений был раскрыт фантастически быстро им и его помощниками именно под чутким руководством Яны Борисовны Милославской. При этом такое сотрудничество никогда не рождало в уме Семена Семеныча мысли об извлечении какого-то корыстного интереса из его отношений с гадалкой.

Милославская была одинока, а Руденко — женат, но это не мешало их общению, поскольку никакой любви, кроме платонической, основанной только и только на дружбе, между этими мужчиной и женщиной не существовало.

Семену Семенычу вообще никогда в голову не приходило греховничать. Он был исключением из поговорки «Сколько волка ни корми, а он все равно в лес смотрит». И все благодаря его чудесной супруге, Маргарите Ивановне.

Жена Руденко была женщиной очень мягкой и добросердечной. Она умела вовремя обогреть благоверного теплыми словами, заботой. Не лезла с нравоученьями, когда видела, что он и без того не в духе, и — что особенно ценил сам Три Семерки и все его приятели — никогда не устраивала скандала, если Семен Семеныч возвращался домой навеселе. Всем вообще казалось, что кричать она не умела и не пробовала, как, впрочем, и вести тихую войну тоже. Поэтому в семье Руденко всегда все было мирно.

Кроме того, Маргарите Ивановне были подвластны все секреты кулинарного искусства, единственным печальным следствием чего был с каждым годом увеличивающийся в размерах живот ее супруга. Уродливым толстяком он не был, но отщучиваться, что это, мол, «трудовой мозоль», ему приходилось довольно часто.

Но жизни без проблем, даже в самых счастливых семьях, наверное, не бывает. Была проблема и в семье Семена Семеныча. Ее являл собою его наследник — единственный и неповторимый.

Он не был отпетым хулиганом или негодяем, но просто слов, убеждений, беседы «по-хорошему» никогда не понимал, и Руденко приходилось нередко применять в качестве средства воспитания «витамин Р», который он нервно и торопливо снимал с перекладины шкафа. Отсоединял металлическую пряжку и, высоко взмахивая ремнем, наставлял сорванца на путь истинный. Тот умолял о прощении, но не более чем через неделю совершал новое «преступление». Маргарита Ивановна, которая многие проделки сына от Семена Семеныча просто утаивала, в такие минуты пыталась остановить разбушевавшегося мужа, а потом тайком утешала провинившегося, прижав его к своей груди и тихо рыдая вместе с ним.

Руденко и самому было до боли жаль мальчишку, и в глубине души он понимал, что вечно занятый папаша не вправе ожидать лучшего от своего чада. Да и метод воспитания, являющий собой сочетание безграничной доброты матери с редкими вспышками отцовского гнева, он считал абсолютно ущербным. Тем не менее как только отпрыск совершал очередную пакость вроде взрыва реактивов на уроке химии, Три Семерки его снова нещадно порол.

ГЛАВА 11

— Жива-здорова? — спросил Руденко, обняв Яну и тихонько похлопывая ее по спине.

— Да, все слава богу, — улыбаясь, ответила она.

— Ты как?

— Потихоньку, — протянула Семен Семеныч, последовав за гадалкой в глубь двора.

— А я тут проездом был как-то, заглянул к тебе да не застал, и телефон не отвечает... Чего это, думаю... Ты что, ушла в подполье? — Три Семерки улыбнулся и хитро прищурился.

— Выходит, что так. У меня новое дело, Сема, — серьезно ответила Милославская.

— Да ты что?! — с нескрываемой иронией воскликнул Семен Семеныч. — Опять неземное какое-нибудь?

— Почему же, отнюдь. Самая обычная бытовуха, — ответила Яна, прикрывая за приятелем дверь.

Руденко небрежно скинул башмаки, фуражку повесил на крючок и, последовав приглашению хозяйки, прошел в ее кабинет. Развалившись на диване, он продолжил:

— И что же, расследуя бытовуху, ты тоже колдовством своим занимаешься?

— Пытаюсь, — ответила Яна, вспомнив последнее свое гадание.

— У-у-у, — протянул Три Семерки, — значит, наши дела совсем плохи, раз и в таких случаях народ милицией пренебрегает.

— Это милиция пренебрегает народом, — парировала гадалка и рассказала Руденко всю историю ведомого ею дела от самого начала.

— Ну и что же ты?! — с горящими глазами воскликнул он, — Едем! Поведем его прямо щ-щас!

«Бедный Леня, наверное, выразительно икнул», — подумала Милославская, глядя на своего разгоряченного друга.

— Подожди ты, — холодно сказала она, беря в руки расческу, — не забывай, что анонимка не доказательство. Вот раздобуду что-нибудь неоспоримое, тогда и возьмем его.

— Ты как всегда права, — ответил Семен Семеныч, немного подумав, потом он звучно зевнул и перевел разговор на другую тему, начав перечислять очередные выходки городского криминалитета, с которым он

продолжал неустанно бороться.

Милославская никогда не была равнодушна к этой теме, поэтому между приятелями сразу завязался живой разговор, несмотря на то, что Яна при этом смотрелась в маленькое зеркальце и облагораживала свою внешность при помощи косметики.

— Слушай, — обратился Три Семерки к гадалке, когда между ними более чем на тридцать секунд воцарилось молчание, — а у тебя пожрать что-нибудь есть?

Милославская округлила глаза, словно такая выходка со стороны Семена Семеныча была впервые, и сказала:

— Пожрать — навряд ли. А перекусить найду.

— Э, — Руденко махнул рукой, — понятно. Эники-беники, хрен, а не вареники? Знаю я твою кулинарию!

— И это твоя благодарность? — с шутливым возмущением воскликнула гадалка. — Не я ли тебя столько раз от голодной смерти спасала?

— Может, в кафе? — предложил Семен Семеныч.

Милославская вдруг вспомнила, что обед ей сегодня заменила чашка кофе, и будто только после этого она стала ощущать чувство голода. «Неизвестно, на сколько я в этой Багаевке осяду», — подумала она, без удовольствия представив себе имеющееся у нее в холодильнике, и сказала:

— Можно и в кафе.

— Кажется, выглядишь ты ничего, — привел Три Семерки дополнительный аргумент.

— Спасибо и на этом, — вздохнув, произнесла Яна и поднялась со своего места, — Я сейчас. Переоденусь только.

Через пять минут она уже стояла перед Руденко, благоухая ароматом дорогих духов.

— Потря-асно, — протянул он, с восхищенным видом обводя взглядом ее новый брючный костюм.

— Не надо, не надо! Слышали мы уже ваши комплименты! — шутливо отрезала Милославская.

— Как хочешь, — Три Семерки пожал плечами. — Я только вину загладить хотел...

Через пару минут приятели уже покинули дом гадалки и усаживались в автомобиль Руденко. Джемму на этот раз Яна решила с собой не брать, подумав, что, раз она сначала хочет посетить кафе, присутствие собаки создаст ей дополнительные хлопоты. О какой-либо опасности она сейчас не размышляла, потому что рядом был Семен Семеныч. Спросив его о

планах на вечер и убедившись в их отсутствии, Милославская и вовсе подумала, что неплохо бы было, если б Три Семерки подбросил ее после кафе до Багаевки, а еще лучше — и назад домой. Озвучивать свое пожелание она пока не стала, решив дождаться, когда Руденко насытится и по-настоящему похорошеет.

«Шестерка» Семена Семеныча привычно затарахтела, когда друзья тронулись с места. Машина была очень старой, повидавшей многое на своем веку, прошедшей, как говорится, огни и воды. Три Семерки старался не подвергать ее лишним «стрессам», так как их в ее «жизни» и без того хватало, и поехал вниз по ухабистой улице не спеша.

Несмотря на то, что машинешка иногда могла заглохнуть в самый неподходящий момент, Руденко очень ценил ее: все же лучше, чем на своих двоих или на общественном транспорте. Яна тоже уважала эту старушку, поскольку она часто принимала самое непосредственное участие в ее расследовании и, бывало, летала как ласточка.

Вскоре приятели сидели друг против друга за деревянным столиком быстро и с аппетитом поедали пиццу, которую Семен Семеныч пожелал заказать после порции пельменей. Яна, разделавшись со своим винегретом, тоже не могла устоять перед умопомрачительно пахнущей лепешкой.

— Сема, у меня к тебе деловое предложение, — вкрадчиво начала Милославская.

Руденко насторожился.

— Вот скажи, — серьезно продолжала гадалка, — хотел бы ты сказочно разнообразить сегодняшний пустой и скучный вечер?

— Хотел бы, — салфеткой утирая с усов кетчуп, заинтригованно ответил Три Семерки. — Ты что-нибудь предлагаешь?

— Предлагаю, Сема. Знаешь ли ты, что лень — тяжкий грех? — спросила Милославская, едва удерживаясь от смеха при виде выражения лица Руденко, уже видящего себя участником пирушки не без употребления его любимого портвейна.

— Зна-аю, — серьезно протянул Семен Семеныч, так и не понимая, к чему клонит его подруга.

— А если знаешь, — сказала Яна, — то ты должен этим вечером изменить своему дивану и не отказывать мне в моей просьбе. Подкинешь до Багаевки, Семен Семеныч?

— Фу ты ну ты! — воскликнул Руденко. — Никак я не привыкну к твоим шуткам дурацким! А я-то уж подумал...

Гадалка немного помолчала и тихо спросила:

— Ну так как?

— Эх, — Три Семерки тяжело вздохнул, прихватывая очередной кусок пиццы, — куда ж я от тебя денусь...

— Ты прелесть, Сема! — чмокнув кончики своих пальцев, воскликнула гадалка.

— Кто бы сомневался, — самовлюбленно пробормотал тот в ответ, утирая с усов капли кетчупа.

ГЛАВА 12

— Ну и глухомань, — заявил Руденко, осматриваясь.

— Почему же? Очень даже милое местечко, — возразила Яна, открывая дверцу автомобиля. — Та-ак, — задумчиво проговорила она, выйдя из машины и оглядывая близстоящие дома, — кажется, вон тот, — гадалка указала рукой несколько правее себя.

— Уверена? — с сомнением в голосе спросил Руденко, почесывая в затылке.

— Ну номер-то тридцать пять?

— Тридцать пять...

— А чего тогда спрашиваешь?

Приятель уже успели разузнать адрес Ермакова-старшего и теперь, кажется, отыскали, наконец, жилище его сожительницы, оказавшееся небольшим, но вполне пригодным к жизни деревянным домом на два окна.

— Идем, — позвала Семена Семеныча Яна. — Машину тут лучше оставить. Иначе вон на тех ухабах она окончательно развалится...

— Ты на что намекаешь? — с шутливой обидой протянул Три Семерки, выбираясь из автомобиля.

— Всего лишь на то, что тут отвратительные дороги. Даже гораздо хуже наших городских... — с безразличной интонацией ответила гадалка, сделав уже несколько шагов вперед.

— Да-а, дороги — наше больное место. Не сыпь мне соль на рану-у, — упоенно запел Руденко, закрывая машину.

Он догнал гадалку и, тяжело дыша, поплелся позади нее, потому что узкая тропинка вдоль домов идти более чем в один ряд не позволяла.

Поначалу Милославская настаивала на участии Семена Семеныча в этом деле исключительно как водителя. Но по дороге в Багаевку она переменяла первоначальное намерение: ей нужен был сообщник, и не простой, а в милицейской форме. Капитанские погоны, по ее мнению, должны были сделать Леню более словоохотливым. Во всяком случае, процесс разоблачения с участием живого городского милиционера пошел бы, как ей казалось, куда быстрее, а гадалка всегда очень ценила время.

Яне не составило труда убедить приятеля следовать к Лениному дому и в него вместе с ней. Правда, сначала Семен Семеныч намекнул, что после сытного обеда ему гораздо большее удовольствие доставил бы хотя бы непродолжительный сон, прибегнуть к которому он мог бы, дожидаясь

подругу в машине. Милославская тут же на одном дыхании прочитала ему целую лекцию о пользе прогулки и в особенности прогулки на свежем, не загрязненном воздухе. Руденко был сражен, хотя и буркнул себе под нос, что там, где «воняет навозом», не бывает свежести.

Доехав до Багаевки, он и вовсе успокоился и теперь уже шел за подругой с готовностью самого плодотворного сотрудничества.

— Кажется, пришли? — спросил Руденко, глянув на остановившуюся Яну.

— Кажется... Собак боишься?

— А чего их бояться?

— Тогда иди первый, — гадалка приподняла щеколду и открыла калитку.

Семен Семеныч пожал плечами и вошел во двор. Собаки в нем не оказалось, зато ищущим взглядам приятелей представилась хозяйка, полоскающая что-то в большом алюминиевом корыте. За звуками плещущейся воды она и не услышала, что к ней пожаловали незваные гости, и продолжала заниматься своим делом, низко склонившись над корытом и бессовестно виляя из стороны в сторону задом. Три Семерки смутился слишком откровенного вида полных бедер и сердито кашлянул. Женщина вздрогнула и обернулась.

Увидев перед собой незнакомцев, она нахмурилась и, молча изучая их, стала вытирать руки о забрызганный передник. Потом сняла косынку, поправила сбившиеся волосы и спросила:

— Вам кого?

Яна и Семен Семеныч до этого почему-то оба молчали, а тут вдруг в один голос громко произнесли:

— Леонида Ермакова.

— Леню? — высоко вскинув брови, переспросила хозяйка, явно не радуясь тому, что ее сожителя разыскивает милиция. Она наверняка про себя уже решила, что ничем хорошим это не пахнет. — А нет его, — ответила она с откровенным вызовом и поставила руки в бока.

— А где он? — парировал Руденко, удивительно точно уловив интонацию ответа женщины и вторя ей.

— А кто ж его знает? — покачивая головой и явно готовясь к словесной атаке, произнесла женщина гораздо громче.

— Вы его сожительница? — вступила в разговор Милославская.

— Ну да. И что из этого?

— И неужели не знаете, где проводит время ваш гражданский муж? — Милославская вполне правдоподобно изобразила глубокое удивление.

— А представьте себе, не знаю. И никакой он мне не муж...

— Ну это ваше дело, как там вы его будете называть, — сердито заметил Руденко, — а вот на вопросы наши вы ответить обязаны.

— Ну отвечу, — тише, но от того не менее агрессивно ответила женщина.

— Позвольте представиться, — сказал Три Семерки, — капитан милиции Руденко Семен Семеныч, Милославская Яна Борисовна.

— Оперуполномоченный, — добавила гадалка, сама от себя того не ожидая.

— Теперь вы представьтесь, — попросил Руденко.

— Таня, — ядовито выговорила Ленина подруга.

— Что еще за Таня?! — сердито произнес Руденко. — Прошу представиться по форме.

— Бакулина Татьяна Николаевна, — спокойней ответила Татьяна.

— Вот это другое дело, — Три Семерки удовлетворенно провел рукой по усам.

— Ладно, — не долго думая, начала гадалка, — допустим, местонахождения Ермакова вы не знаете на самом деле. Но оно как таковое нас и не очень-то интересует...

— Вот это да-а... А чего ж вы меня от дела-то тогда отвлекаете? — воскликнула Татьяна.

— Хотим выяснить, как и где он провел ночь накануне гибели его матери, — тон гадалки стал заметно суровее.

— Смерти, вы хотели сказать... — тихо произнесла Бакулина, пытаясь сообразить, к чему клонят незваные визитеры.

— Нет, я хотела сказать, убийства.

— Что-о? — хозяйка округлила глаза.

— Будто не слышали?

— О чем?

— О том, что несчастной старушке помогли повеситься.

— Кто помог? Как? Зачем? — лицо Татьяны изобразило вполне искреннее удивление.

— Пока не знаю. Но это только пока... Итак, где же и как проводил время Ермаков той ночью?

— Подождите, — шокированная поначалу Татьяна вновь встала в позу, — а вы к чему же это клоните-то? — Бакулина прищурилась и зашипела, как змея.

— Ни к чему, — Милославская невинно пожала плечами, — мы всего-навсего выполняем все необходимые для следствия формальности.

— И что же, в этом вашем следствии уже есть подозреваемые? — хозяйка зачем-то снова повязала косынку. — Уж не Леня ли? — процедила она, покачивая головой.

— Может быть и Леня, — хладнокровно проговорила гадалка.

— Ха! Ишь чего они задумали! — заголосила Бакулина. — Леню им подавай! А вот это вот, — Татьяна быстро сложила из трех пальцев дулю и ткнула ею едва ли не лицо Яне, — не видали? Ишь чего выдумали! Чего это городите такое? Какое еще убийство?

Татьяна вся раскраснелась и, казалось, готова была вцепиться Милославской прямо в горло.

— Э-э-эй! Гражданочка, гражданочка! — вскрикнул Руденко и цепкой хваткой заставил разжаться бакулинскую «дулю».

Татьяна вдруг взмахнула другой рукой, и в следующий же миг фуражка Руденко отлетела далеко в сторону, а Семен Семеныч, получив нечто вроде затрецины и как-то по-бабски ойкнув, в мгновение ока выудил откуда-то наручники и вмиг защелкнул их на запястьях разошедшейся хозяйки дома... Весь потный и красный, он в эти мгновенья приговаривал:

— Ишь, ишь чего!

Убедившись, что Яна в безопасности, Три Семерки потер затылок и обратился к гадалке:

— В отдел повезем?

Бакулина стояла на месте и молча дергалась, тщетно пытаясь освободиться от железных оков. Поняв наконец, что это невозможно, она завизжала:

— Помоги-ите!

— А ну тихо! — прикрикнул Семен Семеныч, угрожающе выпятив нижнюю челюсть.

Татьяна замолчала, но продолжала грозно, из-под бровей смотреть на Руденко и Милославскую.

— Нет, товарищ капитан, — спокойно сказала Яна, — в отдел мы пока никого не повезем, — Татьяна Николавна сейчас успокоится, — гадалка тяжело вздохнула, — и расскажет нам все подобру-поздорову. Ведь мы сюда не за ней приехали? Не за ней. Хотя... Как это я сразу не догадалась? Может, она с преступником заодно?

Лицо Бакулиной заметно вытянулось.

— Тогда, конечно, лучше ее в отдел. Только вот Леню отыщем и обоих их...

— Господи боже мой! — снова заголосила Бакулина. — Да какие ж мы преступники? Да что же это творится такое? Освободите руки! —

прикрикнула она на Руденко. — Освободите руки, говорю!

— А вы ведите себя поспокойнее, — внушительно ответил он.

— Я, может, показать вам кое-чего хочу, — хитро прищурившись, протянула Бакулина.

Три Семерки покосился на Милославскую. Она ему едва заметно кивнула. Тот с явным нежеланием подошел вплотную к Татьяне и отомкнул замок наручников. Она встряхнула руками, которые за это время уже успели затечь, и до самой шеи задрала короткий рукав платья, деловито протянув:

— Во-от!

Яна увидела вдруг внушительных размеров кровоподтек, красующийся на Татьянином плече.

— Что это? — спросила гадалка, а Руденко брезгливо отвернулся.

— Вы же спрашивали, где и чем в ту ночь Леня занимался, — с очередным вызовом ответила Бакулина. — Вот этим и занимался, — Татьяна указала на синяк взглядом.

— Объясните как следует, — раздраженно заметила Милославская.

— В ту ночь Ермаков был у меня дома, — с откровенной насмешкой произнесла хозяйка. — Пьяный был, буянил очень. Даже побил немного, — женщина снова кивнула на ушибленное место.

— Немного, — тяжело вздыхая, повторила гадалка.

Она немного подумала, а потом, словно придя к какому-то важному соображению, произнесла:

— А как вы докажете, что синяк был поставлен именно тогда? Ведь это могло произойти днем раньше или днем позже...

— А почему это я вам должна что-то доказывать? — возмущенно воскликнула Татьяна. — Ищите виноватого, он пусть вам и доказывает. А от нас с Леной отстаньте. Говорю вам, дома он был, и все тут. А доказательство у меня одно, — Бакулина выразительно погладила свой синяк.

— Тяжелый случай, — саркастично проговорила Милославская и отвернулась.

— Выход у нас, видно, только один, — пробасил Руденко и зазвенел ключами от своей «шестерки».

— А везите куда хотите, — закатив глаза, протянула Бакулина, — плевать я хотела. Невиноватые мы и все тут, — Татьяна вытянула руки вперед, выражая готовность снова испытать на себе прелесть ношения наручников.

— И повезем, — твердо пообещал Три Семерки, — организуем допрос

серьезный, экспертизу вашей болячки и увидим, кто прав, кто виноват.

— Ради бога, — совершенно спокойно ответила хозяйка, закатив глаза под самые брови.

— Ну чего ты руки-то свои вытянула?! — закричал вдруг Семен Семеныч. — Нужны они мне больно! А то я с тобой так не справлюсь!

Татьяна, будучи на голову выше Руденко, презрительно обвела взглядом его фигуру и во весь голос рассмеялась.

— Иди! — сердито прикрикнул на обидчицу Три Семерки.

— Прямо так? — продолжая смеяться, спросила она, разведя руками.

— Прямо так! — передразнил Семен Семеныч. — Не на бал наверное...

Бакулина пригладила волосы и уже серьезно сказала:

— Дайте хоть дом закрыть.

Она плавной походкой зашагала к крыльцу, по-детски, но тяжело подпрыгивая, преодолела три его ступеньки, встала на цыпочки, достала откуда-то сверху замок и всунула его в кривую железную петлю. Замок щелкнул.

— Готово, — обернувшись, заявила она и скинула стоптанные старые тапки, тут же юркнув ногами в стоящие тут же плетеные босоножки на высоком каблуке.

Спускаясь по ступенькам, сняла с себя передник и бросила его на ветку низенькой сирени, растущей прямо под забором. Потом она задиристо глянула на Руденко с Милославской, словно говоря: «Вот она я какая!»

Семен Семеныч поднял свою фуражку, деловито кашлянул, провел рукой по усам и, пропустив хозяйку вперед, зашагал прочь со двора. Яна пошла позади них. Татьяну усадили на переднее сиденье автомобиля, а Милославская разместилась на заднем. Так приятелям проще было контролировать ситуацию. «Мало ли чего еще выкинет эта сумасшедшая», — подумали они оба.

Однако сразу пределы злополучной деревни друзья не покинули. По настоянию Милославской они сделали по ее окрестностям еще несколько кругов. Как-никак приехали сюда оба не за Татьяной, а за ее сожителем. Его и попытались они поискать напоследок.

Бакулина ершилась и сотрудничать отказывалась, поэтому приходилось о Лене расспрашивать у редких прохожих, которые по большей части не слушали вопроса, а во все глаза глазели на Татьяну, неизвестно куда отправившуюся с незнакомым милиционером на машине. Наверное, главным предметом их размышлений на оставшуюся часть дня теперь была мысль о том, чего такого ужасного с Танькой натворил

Ермаков, раз она его с милицией разыскивает.

Люди делали свои предположения насчет местонахождения Лени, но ни одно из них, к несчастью ищущих, не оправдывалось. Даже в доме покойной матери (куда зашел по просьбе гадалки Семен Семеныч) его не оказалось. Когда Яна и Руденко почти совсем отчаялись, Татьяна сказала, что Ермаков иногда на дачи шабашить ходит: за бутылку помогает в чем-нибудь дачникам. Пошел он туда на этот раз или нет, она точно не знала, да и искать его в огромном дачном поселке было равнозначно поиску иголки в стоге сена.

Так, не найдя Ермакова в деревне и отказавшись от попытки искать его за ее пределами, приятели отправились в город. Татьяна, как только село осталось позади, затянула «Шумел камыш...», и друзьям ничего, кроме как слушать ее, не оставалось, тем более, что слушать Бакулину, вопреки возмущению, произведенному ее поведением, было довольно приятно. Ей было даровано ласкающее слух сопрано, и вместе с с особой чувствительностью, которая отчетливо прослеживалась в ее пении, оно составляло прекрасный дуэт.

Познакомив Руденко и Милославскую со своим излюбленным репертуаром, Татьяна бойко произнесла:

— Кажется, до города недалеко уже?

— Почти приехали, — немного смягчившись после «музыкального сеанса», ответил Семен Семеныч.

Он закурил, а Татьяна, замахав рукой и сморщившись, заметила:

— Не уважаете вы женщин, товарищ капитан.

Три Семерки глянул на нее вопросительно.

— Нехорошо курить в дамском обществе, — пояснила Бакулина и обернулась на гадалку.

Та опустила глаза, ничего не ответив, а Руденко усмехнулся и сказал:

— А твой не курит, что ли?

— Мой? Курит, почему же. Только на улице. Попробовал бы он у меня, — Таня угрожающе потрясла кулаком, а потом расплылась в улыбке и задумалась.

«Вот дура!» — подумала гадалка, видя, с каким чувством думает «арестантка» о своем горе-сожителе.

Все замолчали. Милославская стала смотреть в окно, невольно наблюдая поначалу за постепенной сменой загородного пейзажа на пейзаж городской, а потом начав размышлять о ходе расследования.

Неприятно удивленная поведением Татьяны, встретившей гостей таким всплеском эмоций, она практически была уверена, что та что-то

знает, но грудью ляжет, чтобы покрыть «проделки» хоть и захудалого, но все-таки любовника, мужчины.

Удивляло одно: почему Бакулина так охотно согласилась на допрос и экспертизу и до сих пор (автомобиль пересек уже не первый городской перекресток) ведет себя абсолютно спокойно. «Сильная, похоже, не только „снаружи“, но и „внутри“», подумала Яна, решив все же не отступать от своих подозрений.

Милославская подумала о следе, оставленном разбушевавшимся Ермаковым на теле возлюбленной и попыталась как-то соотнести увиденное со своим жизненным опытом: она вспоминала, как выглядели ее синяки и ссадины спустя такое же после случайного ушиба или нечаянного падения время. «Нет, тут нужен специалист», — подумала она в итоге, не сумев прийти ни к какому выводу.

Следом Яной вдруг овладела мысль о том, что Леня пустился в бега, и это гадалку очень испугало. Она стала винить себя в том, что не подумала об этом раньше, и чуть было не заставила Руденко остановить машину. Но ведь Милославская не знала, куда ехать в поисках исчезнувшего подозреваемого, да и такой его ход несколькими минутами позже ей показался навряд ли возможным: не мог он так глупо выдать себя, когда никто еще ему и не заявлял о подозрениях в отношении его персоны.

— Приехали, — заявил наконец Руденко, заглушив двигатель.

Он припарковал автомобиль прямо у входа в отдел и теперь с деланным гостеприимством, вытянув вперед расправленную ладонь, указывал Бакулиной на вход.

— Прощу, — повторил Три Семерки, видя, что она продолжает сидеть на месте и смотрит на него, глуповато улыбаясь.

— Одна, что ли? — удивленно спросила та.

— Почему же, я вас провожу, — ответил Семен Семеныч и кряхтя выбрался из салона.

— Ты тут подожди, — сказал он Милославской через окно.

— Почему?

— Думаю, сначала экспертизу сделаем, а тогда, может, и допрос не понадобится. Так что жди.

— Да, пожалуй, ты прав, — ответила она, немного подумав.

— Это не займет много времени, — успокоил Три Семерки подругу, — думаю, наши ребята определяют все быстренько, «на глазок», — Руденко покосился на Бакулину.

Та в ответ удовлетворенно кивнула, словно говоря: «Хотелось бы, чтоб именно так все и было: быстро, без задержек». «Не нравится мне все

это», — подумала в свою очередь гадалка, которой захотелось изо всех сил встряхнуть Бакулину, чтоб она наконец заговорила.

Семен Семеныч и Татьяна скрылись за давно знакомой Яне дверью, а она осталась дожидаться их в полном одиночестве, решив обдумать, как ей следует действовать, если сейчас станет очевидным, что Бакулина лжет, и если вдруг не дай бог подтвердится, что она говорит правду.

Планы были разными, но ни один из них не удовлетворял Милославскую, потому что ей поскорей хотелось узнать что-то конкретное и исходить из конкретных данных, а не из собственных предположений.

Она то и дело нервно поглядывала на часы. Стрелки, хотя и мучительно медленно, но все же двигались, а Семен Семеныч словно сквозь землю провалился.

— Ничего себе, «на глазок», — зло пробормотала гадалка, прикуривая, — за это время и аппендицит вырезать можно!

Как только дверь отдела, многообещающе скрипя, открывалась, Милославская всем телом подавалась вперед и с замиранием сердца ожидала появления очередной фигуры. Мысленно она растерзывала ни в чем не повинного человека, умудрившегося выйти из помещения вперед Семена Семеныча.

Прошло больше часа. Гадалка уже начала думать, что случилось что-то серьезное: Бакулина устроила на экспертизе погром или вдруг начала «колоться», и ее боятся прервать. Яна решила больше не изнемогать в нетерпении и вышла на улицу, звучно хлопнув дверцей автомобиля. В этот самый момент на крыльце и появился необыкновенно довольный Три Семерки, пропускающий вперед себя Татьяну.

Сначала Милославской захотелось броситься на него и поколотить как следует. Но в следующий же миг она тоже расплылась в улыбке, подумав: «Дело сделано!», и почти поставила точку в расследовании. Однако, когда гадалка увидела Бакулину, выражение ее лица резко переменялось: та была совершенно спокойна и совсем не походила на разоблаченную подельницу.

Когда Руденко подошел к Милославской ближе, она сверкнула на него глазами, взглядом возмущенно спрашивая: «Чему ты радуешься?». Тот, сразу уловив, что подруга явно не в духе, поспешил объясниться, смешно втянув голову в плечи:

— Извини, языком зацепился... Амиров учудил...

Три Семерки не успел закончить своего объяснения.

— Зря вы меня, Яна Борисовна, от дела отрывали, — сказала Татьяна, — укоризненно глянув на гадалку, — говорила же: невиновные мы. После того, как Леня меня стукнул, — Бакулина потеряла большое

место, — я во двор выбежала, в сарае спряталась. Через полчаса вернулась — он отключился и спал. Так вот...

— Время «боя» удалось установить почти с точностью до минуты, — пожал плечами, виновато сказал Руденко.

Яна расстроилась. Она посмотрела на растрепанную, в мятом домашнем платье Бакулину и вдруг мысленно сказала самой себе: «Ну какая же она преступница? Ведь в глубине души я чувствовала, что не права... Посмотрите на нее — спокойная, как танк. И глаза у нее какие-то коровьи...» Татьяна в этот момент посмотрела на гадалку просто, без вызова, без упрека. Редко моргая, она взмахивала своими черными длинными ресницами. «Можно ли ей верить? — подумала Мирославская. — А если Ленька в эту ночь успел многое?..»

— Удалось так удалось, — сердито пробормотала гадалка в ответ на слова Руденко.

Семен Семеныч смотрел на Яну как-то виновато и молча ждал дальнейших указаний к действиям. Она знала это, но ничего не говорила и вообще отвела взгляд в сторону, словно чего-то ища там. Сама же в это время пыталась успокоиться и объясняла самой себе, что без толку злиться на Руденко, потому что он несколько не виноват в ее проколе.

— Яна Борисовна, — вопросительно обратился к ней Три Семерки. — что делать-то прикажешь?

Руденко отлично представлял себе состояние подруги, а потому пытался угодить ей, заставляя замолчать голос собственного «норова», который исподтишка советовал ему в этот миг «нюни не распускать перед бабой».

— Отпускать невинную... Что тут еще приказать-то можно? — вздыхая, ответила Мирославская и развела руками.

Она глянула на Бакулину: выражение самодовольства засветилось во всем ее лице. Гадалке это не понравилось. Она терпеть не могла чувствовать себя побежденной.

— Хотя подожди-ка, товарищ капитан, — задумчиво и неторопливо проговорила Яна, — посидим немного в машине.

Руденко удивился, но ничего не сказал — пожал плечами. Татьяна округлила глаза, но тоже промолчала, вразвалочку пошла к автомобилю. Сели все, как и прежде: водитель за рулем, Бакулина рядом, а Мирославская позади. Ничего не объясняя, гадалка тихонько достала из сумки колоду и выбрала из нее одну-единственную карту. Мысль о гадании пришла ей только-только, и отказывать себе в такой возможности она не стала. Никак не хотелось отпускать Татьяну. Что это было в большей

степени: интуитивное предчувствие доли ее вины или же голос уязвленного самолюбия — гадалка объяснить не могла, да и время не позволяло заниматься самоанализом.

Конечно, гадалка могла прибегнуть к знакомой процедуре и чуть ранее, обойдясь таким образом без экспертизы. Но обстоятельства сложились так, что подходящего момента при первом разговоре с Татьяной не подвернулось. Можно было, конечно, «состряпать» все и по дороге в город, но Яна почему-то тогда и не подумала о гадании, а теперь вновь посчитала, что все совершающееся — к лучшему. Значит, опять кто-то свыше так распорядился, что пообщаться с картами ей следовало именно сейчас. Возможно, ее внутреннее состояние до этого момента не располагало к сеансу, а потому мозг и не дал ей соответствующего совета.

ГЛАВА 13

Карта «Чтение» была поистине необыкновенной. Она обладала сказочными возможностями. Конечно, и другие карты Яны Милославской предметом обыденным назвать было нельзя, но способности этой удивляли даже самую гадалку.

Она отнимала у Милославской массу душевных и физических сил, зато позволяла прочесть... чужие мысли. Если шла на контакт, разумеется.

В центре карты красовалось изображение глаза, в зрачке которого застыло отражение человеческой головы. От этого глаза шли нарисованные Яниной же рукой мощные флюиды, волны, а затем и лучи, способные поведать о многом.

Милославская, продолжая безмолвствовать, опустила на карту руку и приложила максимум усилий для того, чтобы сосредоточиться. Она смотрела прямо в затылок Бакулиной, хотя карта и не предписывала таких условий. В этот момент Милославской владело желание видеть Татьяну, что называется, насквозь. Когда Семен Семеныч произнес какой-то нечленораздельный звук, собираясь о чем-то подругу спросить и обернуться, гадалка резко прервала его, отрезав:

— Тихо, Сема, я думаю.

Тот сразу кивнул, послушно сказав:

— Понял.

На самом деле он ничего, конечно, не понимал. Но переспрашивать не стал, решив, что лучше подождать, когда Милославская «созреет». Татьяна и вовсе сидела в полном спокойствии, внутренне, наверное, торжествуя и испытывая чувство полного самоудовлетворения. «Я не тороплюсь», — будто бы говорила она своей непоколебимостью.

Гадалка в эти минуты на самом деле не думала ни о чем: ни о Семене Семеныче, ни даже о деле, которое вела. Единственное, что ее в данный момент интересовало — мысли Бакулиной.

Отдача от карты, к счастью Яны, пошла сразу же. Видимо потому, что подвергшись первоначально эмоциональному удару, который вряд ли может оставить равнодушной какую-либо женщину, «грудью вставшую» на защиту любимого, Татьяна теперь успокоилась, расслабилась, раскрепостилась, не старалась скрыть каких-то своих мыслей, тогда как гораздо чаще при работе Милославской с клиентами случалось наоборот.

Яна моментально почувствовала активно идущее от «Чтения» тепло.

Она ощущала интенсивные волны, ударяющие в самый центр ее напряженной ладони. Гадалка сконцентрировала всю свою внутреннюю силу в одной точке тела и в следующую же минуту ее сознание окутало мутное облако, которое пульсировало, издавая какие-то звуки. В первые секунды Милославская не могла их разобрать, но уже вскоре ее мозг читал законченные по смыслу высказывания.

«Эх, Леня, Леня... Видел бы ты, каким героем я была сегодня! Не бил бы, наверное, тогда... А ведь из-за чего все? Из-за водки твоей проклятой! Говорила же: поить не буду. Чего настаивать? Хоть убей, а грамма никогда не налью. И за что только я тебя, дурака, люблю? Какой-никакой, а мужик, наверное... Хотя... Иногда и мужик-то ты неважный! Тогда-то вон, буянил, буянил и уснул. Хоть кол ему на голове теши — спит и все. Разлегся посреди пола и спит. А кто обязанности свои выполнять будет? А эта-то, мымра городская: „Убийца, убийца!“. Какой же он убийца, когда он сам с вечера до утра трупом пролежал?! Кстати, с чего они все взяли, что старуху насильно повесили? Надо сходить к Матвеевне. Та все знает...»

Облако в этот миг вдруг разорвалось, и больше Яна ничего «прочесть» не смогла. Да, собственно, ей и так все было ясно: Ермаков на самом деле к убийству не причастен, а Татьяна ей не солгала.

Милославская чувствовала ужасное недомогание, но все же попыталась открыть глаза, чтобы не возбудить паники: Три Семерки ужасно боялся ее полуобморочного состояния, а Бакулина и вовсе бы впала в шоковое состояние.

— Ну что, Сема, — вполголоса проговорила она, — вези Татьяну домой.

Видно, голос Милославской настолько переменялся, что и Бакулина, и Руденко разом обернулись и удивленно посмотрели на гадалку. Она изобразила нечто наподобие улыбки и сказала:

— Я пойду, наверное, Семен Семеныч. Что-то чувствую себя неважно. Три Семерки нахмурился, озабоченный.

— Да, видок у тебя, надо сказать, — заметил он, покачивая головой. — Может врача позвать? С сердцем не плохо?

— Нет, не надо никого, — торопливо отказалась гадалка, — это пройдет.

— Ну ладно, — согласился Три Семерки. — Только никуда ты не пойдешь. Сначала тебя довезу, а потом эту, — Руденко кивнул на Бакулину. — Спасибо скажи, — бросил он Татьяне, — что я добрый такой. Вообще-то мы подозреваемых по домам не развозим.

— Так то подозреваемые, — кокетливо тут же ответила она, — а то я

— не-ви-нов-на-я!

Руденко нахмурился еще больше и нажал на газ. Милославская обрадовалась установившемуся молчанию и, поудобнее откинувшись на спинку сиденья, закрыла глаза. Она не строила сейчас дальнейших планов расследования, потому что на время утратила способность плодотворно мыслить. Яна ушла в некое оторванное от реального мира состояние и постепенно восстанавливала свои силы, пользуясь полным покоем.

Семен Семеныч, переживая за ее самочувствие, машину вел аккуратно, кочки старательно объезжал, тормозил и трогался особенно плавно. Внезапная слабость подруги его всерьез озадачила. Ему и на ум не пришло, что она успела за короткое время воспользоваться картами, и поэтому «болела». Догадайся об этом Руденко — вел бы он сейчас себя совершенно иначе: на чем свет проклинал «чертово» Янино увлечение и едва ли соблюдал правила дорожного движения.

— И куда вы меня везете? — нараспев проговорила Бакулина, оглядывая так знакомую Милославской агафоновскую глушь.

— Это, дорогая, называется Агафоновкой, — поучительно произнес Руденко.

— И никакая я вам не дорогая, — с обидой и зачем-то одергивая платье сказала Татьяна и опять погрузилась в молчание.

Яна с удовольствием вдыхала отличающийся от «центрального» воздух, врывающийся в салон через открытые окна. Этот воздух, как ей казалось, напаивал ее силой и здоровьем. Пахло травой, спелыми и спеющими фруктами, домом...

Гадалка приподнялась на сиденье.

— Джемма... Как она там? — тревожно проговорила она.

— Да все с ней в порядке, — сказал Руденко, боясь, что эта тревога ухудшит Янино состояние. — Вот, кажется, и приехали, — добавил он чуть позже, а остановившись, оглянулся на подругу: — Жива?

— Жива, — Милославская благодарно улыбнулась.

— Фу-у, — Три Семерки утер лоб рукавом, — ну и напугала ты меня!

Руденко рассмеялся, потому что почувствовал облегчение, уловив в Янином голосе знакомые здоровые нотки. — Ты это, если что, — тут же добавил Семен Семеныч серьезнее, — звони в «Скорую». Не терпи! И мне сразу звони — приеду.

— Да ничего-ничего, я поправлюсь, — сказала на это гадалка, махнув рукой.

Она притянула к себе свою сумку и открыла дверцу. Как только ноги ее ступили на землю, яркий свет фар подъезжающего сзади автомобиля

ослепил ее. Милославская зажмурилась и заслонила лицо рукой.

— Ого! — воскликнул Руденко. — К тебе гости? Гони их в шею! Не до них тебе сейчас!

— Семен Семеныч, можно, я прислушаюсь к твоему совету как-нибудь в другой раз? — ответила гадалка, узнав машину Федотовых.

— Дело твое, — буркнул Три Семерки в ответ, повернув ключ зажигания.

— Сема, звони, — крикнула ему, наклонившись к окну Яна, почувствовав себя виноватой.

Голос ее за шумом двигателей двух автомобилей не был услышан, и Руденко ничего не ответил, резко тронувшись с места. Со двора послышался заунывный тоскливый и одновременно призывный Джеммин вой, а вслед за ним — радостный, нетерпеливый лай.

* * *

— Ну ты и штучка, Яна Борисовна, — покачивая головой, с чувством облегчения в голосе произнес Федотов. — Мы-то уж думали...

— Признаю, признаю, виновна, — не дала ему договорить Милославская, кивая.

— Не заболела? — Саша нахмурился. — Ты бледная.

— Нет.

— Что же ты не дала о себе знать? — радостно и одновременно с укором спросила Марина.

— Ой, Марина, когда расследование идет, как-то забываешь об этом, — в голосе Милославской зазвучала усталость.

— Вот тебе и дружба! — с шуточной обидой воскликнула Федотова. — Знаешь, как я переживала? — добавила она серьезнее.

— Представляю, — гадалка потупила взгляд.

— Так, — прервал женщин Саша, — нечего лясы точить, давайте к делу.

— Ну не тут же! — возразила Яна. — Давайте хоть в дом войдем...

Федотов открыл багажник.

— Вот! — заметил он, вытаскивая оттуда Янины сумки. — Весь гардероб у нас, а хозяйка...

— Ну идемте, идемте. Джемма вон как надрывается, — Милославская неторопливым движением открыла калитку.

Федотовы переглянулись и молча последовали за ней.

Джемма встретила хозяйку активным вилянием хвоста, стала метаться из стороны в сторону, тереться об ноги, поскуливать.

— Соску-училась, соску-училась, — протянула гадалка, поглаживая ее. — Ну ладно, — тут же обратилась она к собаке, — ты посиди тихонечко, а мне с людьми поговорить надо. Потом обязательно уделю тебе время. Договорились?

Собака тут же растянулась на полу, довольная хотя бы возвращением хозяйки.

Федотовы, улыбаясь, глядели на нее, умиляясь столь теплым отношениям человека и животного. Они до сих пор стояли у порога, на мгновение забыв, зачем пришли.

— Ой, ну что же это мы? — воскликнула гадалка, только что вспомнив, что забыла пригласить друзей в дом. — Идемте в кабинет.

— Думаю, нам это не очень подойдет... — задумчиво протянула Марина, покосившись на мужа.

Тот подморгнул Милославской, а Марина достала из сумки бутылку красного вина.

— Товарищи, но обмывать-то еще нечего! — виновато воскликнула гадалка.

Федотовы посмотрели на нее с непониманием.

— Проходите наконец! Сейчас все объясню! — Милославская подтолкнула супругов в спины, усадив их к столу.

Марина выставила бутылку на стол, а в придачу к ней достала разные мясные и рыбную нарезки и пару апельсинов.

— Вас выгодно в гости приглашать, — шутливо заметила Яна.

Она открыла холодильник, выудила из него еще кое-что на закуску и тоже села к столу. Марина к тому времени скромно сервировала стол двумя высокими рюмками, тарелкой и вилок для каждого.

— Эх, не знаю с чего и начать, — озадаченно протянула гадалка, в то время, как Саша наливал дамам вино.

— У тебя вид усталый, — тихо заметила Марина, глядя на подругу.

— Это пройдет, — бодро ответила Милославская, стараясь скрыть свое недомогание после гадания.

Яна пригубила вино и, немного помолчав, начала свой рассказ. Теперь она решила ничего не скрывать от Федотовых, выложив им все начистоту: свои подозрения насчет братьев Ермаковых, историю деревенских походов и стычки с Татьяной.

— И как только это могло прийти тебе в голову?! — возмущенно воскликнул Саша, едва только Яна заикнулась о том, с чего начала

расследование.

— Знаешь, Саша, в жизни чего только не бывает... — с грустью возразила ему гадалка. — Профессиональный следователь должен отработать все варианты.

— Саша, она права, — сказала мужу Марина, накрыв его ладонь своею.

Федотова — это было заметно — сама переживала о таком ходе расследования, но ей хотелось и подругу поддержать, и успокоить мужа.

— Ну ладно, — сказал Саша, — поднявшись из-за стола. — Вы посидите тут по-женски, а мне по делу съездить надо в Заводской район.

Яна посмотрела на Федотова удивленно и вопросительно, но Марина ее успокоила:

— Мы сразу так договорились.

Саша кашлянул.

— Проводишь? — обратился он к гадалке.

— Конечно, — Яна тоже вышла из-за стола.

На несколько минут Марина осталась одна, но вскоре подруга снова составила ей компанию. Они повздыхали о неудачах расследования и незаметно для самих себя перешли на «женские» темы. Опомившись, не стали возвращаться к большому вопросу, стараясь избавиться от грустного настроения. Джемма лежала спокойно и сквозь узкие щелки закрытых глаз следила за разговором хозяйки и ее гости. Мерно тикали часы, тихонько жужжала лампочка в коридоре, казалось, мир наконец повернулся к гадалке лучшей своей стороной.

ГЛАВА 14

— Ну, милые, что вы мне на этот раз поведаете? — с замиранием сердца прошептала Милославская, раскладывая перед собой карты.

Она проснулась сегодня в особо бодром настроении духа и, почувствовав себя полной сил и энергии, сразу взялась за гадание, потому что перед ней сейчас стояла уйма вопросов относительно дальнейшего хода расследования, а ответов на них, увы, не было.

Карты, все до одной, призывно смотрели на гадалку, а ей оставалось только выбирать.

— От какой же из вас сегодня будет больше толку? — задумчиво проговорила Яна и, руководствуясь некоторыми соображениями, вытянула «Взгляд сквозь оболочку».

Собрав веером раскинутые остальные карты, Милославская какие-то доли секунд задумчиво подержала их в руке, повертела перед собой и, не изменив первоначального решения, убрала колоду в сторону, оставив только «Взгляд сквозь оболочку».

Символы, начертанные на нем, были столь же необычны, сколь и все остальные: человеческий глаз сверху и снизу пронзали два луча, испещренные чем-то, похожим на молнии, а в глубине зрачка таилось изображение непонятного таинственного предмета.

Гадалка повыше положила подушку, поудобнее облокотилась о нее и закрыла глаза, накрыв карту ладонью.

Звуки просыпающейся Агафоновки, настырно врывающиеся в дом гадалки через открытое настежь окно (ночью Яне стало душно, и она распахнула его створки), сначала мешали ей сосредоточиться, и она не сразу нашла контакт со своей помощницей. Карта несколько минут молчала, не радуя гадалку знакомыми ощущениями. Тем не менее привычный туман все же начал кружить сознание гадалки.

Милославская, в прежних попытках раскрыть преступление потерпевшая фиаско, в эти минуты всем своим существом ожидала свершения чуда, исчезновения таинственной завесы. Она даже чувствовала легкую дрожь в теле и видела, как по рукам ее бегут мурашки.

Вскоре она уже не могла прислушиваться к собственным ощущениям, потому что легкой волной на нее нахлынуло видение. Яна вдруг увидела окрестности злополучной деревни, Багаевки. Постепенно видение приближало ее все ближе и ближе к сельским домам, словно пушинку неся

по известной ей степной тропинке. Находясь вне реальности, гадалка неустанно задавала вопросы по поводу убийства Евдокии Федоровны, молила неведомые ей силы указать ей путь к истине.

Милославская видела улицы, с которыми уже успела познакомиться, узнавала дома, мимо которых проходила. Она почему-то не испытывала напряженности, тревоги, страха, как это иногда бывало; напротив, странное чувство гармонии владело ею.

Пожалуй, гадалка таким визуальным способом исследовала всю Багаевку. Она даже не заметила, как вдруг очутилась у дома убитой женщины. Видение почему-то остановилось. Яна ждала. Она думала, что сейчас тайная сила поведет ее дальше, в дом Ермаковой, и покажет ей в нем что-то, до чего она, несмотря на кропотливый и тщательный обыск, не добралась. Однако ничто не двигалось с места.

Милославская стала роптать, даже требовать дальнейших «объяснений». Но потом она вдруг испугалась, просто испугалась того, что видение невзначай исчезнет и оставит ее ни с чем. Тогда гадалка взмолилась — карта ей ничем не ответила. Тут Яна неожиданно поймала себя на мысли о том, что ей необходимо всего-навсего тщательней присмотреться к окрестностям дома Евдокии Федоровны, что, возможно, где-то рядом с ним скрыто что-то важное.

Видение оборвалось. Милославская открыла глаза. Настроение ее было тревожным, но в нем не было ни тени пессимизма и отчаяния. Наоборот, гадалке хотелось действовать, бороться дальше.

— Так, так, так, — бормотала она, цепляясь за каждую новорожденную мысль. — Надо... надо вспомнить каждую деталь, — через пару минут заключила Яна и снова сомкнула ресницы, начав прокручивать в памяти только что дарованное ей картой от начала до конца.

Минуты шли, и вот Милославская снова видела перед собой дом Ермаковой. Забор, калитка, оконца, тропка... Все это ей уже было знакомо. Что же? Что же хотело ей сказать видение?

Яна пристальнее присмотрелась к жилищу Евдокии Федоровны и заметила, что не оно одно составляет подаренный ей свыше «кадр», что и соседний дом чудом в него попал. Когда же она обратила внимание на то, что дом этот полуразрушен и вряд ли имеет хозяина, чувство несмелого торжества овладело гадалкой.

«Ага, — радостно подумала Милославская, — разрушенный дом непременно скрывает в себе какую-то тайну! Ведь карты не могли напрасно „подвести“ меня к нему!»

Но тут же Яной овладело отчаянье: она не понимала, как эти руины

могут вписаться во все, что ей известно о случившемся. Она пыталась его встроить в имевшуюся цепочку так и сяк, но ничего не выходило. Если бы несчастную женщину застрелили, то гадалка непременно предположила бы сейчас, что в развалинах надо искать орудие убийства, а так — логика ее отказывалась выдавать какие-либо разумные выводы.

Через некоторое время она поймала себя на мысли, что надо не лежать вот так и не мучиться предположениями, а действовать, и чем быстрее, тем лучше.

Гадалка открыла глаза, потянулась, произнеся звук, по-настоящему удививший Джемму, и стала неторопливо — так как не чувствовала еще в себе достаточно сил — подниматься с постели.

Она приняла решение после необходимых утренних процедур ехать на дачу к Федотовым и расспросить их о разрушенном доме. Конечно, в Багаевке наверняка нашелся бы человек, способный гораздо более детально, чем Саша или Марина, проинформировать Милославскую по этому поводу. Однако она, во-первых, обещала подруге, как только хоть что-то новенькое ей откроется, тут же ее информировать. Во-вторых, Саша, вопреки обещаниям, за супругой не приехал, и той пришлось добираться на дачу на перекладных. Федотов, конечно, позвонил, но далеко за полночь. Сказал, что с машиной, вследствие езды по плохо освещенным и далеко не ровным дорогам, случилась какая-то поломка, и ее придется тащить на буксире. Гадалка, таким образом, переживала еще и о том, как разрешилась проблема с Сашиним автомобилем и насколько удачно ее подруга добралась домой.

Заранее она продумала ситуацию неуспеха: если вдруг окажется, что Федотовы о заброшенном доме ни сном ни духом, они все вместе непременно поедут в Багаевку и, объединившись в усилиях, станут атаковать население злосчастной деревни до тех пор, пока кто-нибудь не «расколется».

Яна практически никогда не привлекала клиентов к расследованию, но тут она подумала, что отдельные сельские личности, возможно, будут более словоохотливыми с Сашей или Мариной, наверняка хоть немного зная их. Ведь они в Багаевку, в отличие от нее, приехали бы не впервые и их там наверняка давно запомнили, как запоминают на селе любые новые лица.

Милославская быстро привела себя в порядок и, на привычном месте поймав такси, отправилась в Багаевку.

ГЛАВА 15

— Ты что же это, Александр, свою супругу преподобную на произвол судьбы бросил? — окликнула гадалка Федотова.

— О-о-о, — протянул тот, — вот кого не ждали! И как это тебя угораздило не запропасться на неделю?

— Уметь надо! А ты, кстати, уходишь от ответа...

— Да ни от чего я не уйду, — Саша пожал плечами.

— А чего же тогда за женой не приехал и за поступок свой отвечать не хочешь? — Яна хитро прищурилась.

— А ты-то! Подругу дражайшую приютить не могла! Выгнала посреди ночи, — Федотов широко улыбнулся, думая, что уже вышел победителем в этом шутовском словесном поединке.

— Удержишь ее! Ваша любовь способна любые оковы разорвать. Разве я не предлагала остаться? — крикнула Милославская Марине, которая в этот момент подошла к мужу сзади, услышав, что он с кем-то разговаривает.

— Предлагала, — радуясь появлению Яны, ответила она.

— Вот! — с укором произнесла гадалка, глядя на Сашу.

— Да у меня шаровой вылетел в самый неподходящий момент... Я, радуясь полному простору, скорость слегка превысил, — Федотов опасно покосился на жену, — а тут кочка, так ее растак... Занесло меня препорядочно, и еще что-то отлетело. Звон такой пошел! В общем, ребята со станции сейчас разобраться должны, что там такое. В суд надо подавать на этих дорожников проклятых!

— А на тех, кто скорость превышает? — на высоких тонах произнесла Федотова, легонько ткнув мужа пальцем в затылок.

— Да тут не скорость виной, — вздохнув, протянул Саша. — Ладно, Яна, проходи, чего мы тут столпились-то? — спросил он, с укором глянув на жену.

Марина ничего не ответила и пропустила Милославскую вперед, кивнув ей на дом.

— Ты как добралась? — тут же спросила ее Яна.

— Все хорошо, — коротко ответила та.

— А Саша-то... — гадалка не договорила.

— Приехал уж под утро.

Словно в знак подтверждения слов жены, Федотов выразительно

зевнул.

— Я вот что, — серьезно заявила Милославская, как только все трое вошли в дом, — не тары-бары разводить приехала. Дело есть.

Супруги настороженно посмотрели на гадалку. Ей даже на минуту показалась, что они испугались ее слов, почуяв в них что-то недоброе.

— Вы рядом с домом Ермаковой руины видели?

— Видели, — в один голос удивленно протянули Федотовы, ничего не понимая.

— И что вы на их счет думаете? — прищурившись, таинственно спросила гадалка.

Саша с Мариной переглянулись.

— Ничего не думаем, — пожав плечами, тихо ответила Марина.

— А почему, собственно, ты о них спрашиваешь? — разведя руками, воскликнул Саша. — Объясни...

— Я вчера гадала, — начала Милославская.

Она поведала приятелям историю своего последнего видения от и до и глянула на них, полная ожиданий.

— М-да-а-а-а... — протянул Федотов. — Вообще-то там бабка какая-то жила... Не так давно, между прочим, — Саша вопросительно посмотрел на жену.

— Да-да, — подтвердила Марина. — Мы когда первый раз те руины увидели, сразу у Вити о них спросили. Интересно же: стоял дом, кто-то жил в нем... И вдруг полная развалина... Дом старый был, конечно, но пожилые люди редко свои жилища бросают, доживают в них обычно до последней минуты своей жизни, даже если дом рушится совсем. Хотя тот, хотя и старый, дом совсем уж развалюхой назвать было нельзя. Когда Витьку о руинах спросили, он как-то так рукой махнул, мол, и своих проблем полно, чтоб об этом разговаривать, мы и не стали больше спрашивать.

— Меня вот что, честно говоря, больше интересует, — серьезно проговорила гадалка, — как остатки этого дома могут быть связаны со смертью Евдокии Федоровны.

— Вот вопрос вопросов! — загоревшись живым азартом, воскликнул Федотов и выразительно поднял вверх указательный палец.

Марина в поддержку его слов закивала и вопросительно посмотрела на гадалку.

— Вот что, — после нескольких минут молчания заявил Федотов, — поедem сейчас в Багаевку, — Саша из-под бровей посмотрел на Милославскую, — и все выясним.

— У кого? — удивленно спросила Марина.

— У Ермакова! У кого же еще?! — сердито ответил ей муж и, взяв с тумбочки ключи от автомобиля, направился было к двери, кивком позвав за собой Яну.

— Я думаю, мое появление произведет на вашего родственника и его семью не самое лучшее впечатление, — остановила она его.

Саша вопросительно посмотрел на гадалку.

— Если я сейчас войду вместе с тобой в его дом, — пояснила Милославская, — навряд ли Витька будет словоохотлив.

Федотов глянул на свою жену.

— Да-а, — поддержала та подругу.

— Тогда я поеду один, — решительно сказал Саша.

— Я, конечно, очень тебя ценю, — возразила Милославская, но в этом разговоре, возможно, трудно будет обойтись без моих способностей.

Федотова закивала головой, поддерживая Яну.

— Витька только схоронил мать, — сказала гадалка, — и его агрессия в отношении меня, учитывая то, что он ни в какое преступление не верит, может быть вполне понятна.

— Может, тебе тогда опять «работу с населением» провести? — спросил Саша гадалку.

— Мне за эти дни смерть как надоело по домам ходить!

— И что ты предлагаешь? — криво улыбнувшись, спросил Федотов.

Милославская молчала, задумавшись.

— А не привезти ли Ермакова сюда? — задумчиво протянула Марина. — Якобы для того, чтоб он развеялся... Водочки взять... Совместим приятное с полезным...

Саше идея жены, кажется, понравилась, и он вопросительно посмотрел на Яну. Она не очень приветствовала такое решение, однако, подумав, что так вставший перед ней вопрос разрешится быстрее, согласилась на предложение Марины.

После нескольких минут раздумий приятели сообща построили следующий план: Саша едет в Багаевку и всеми силами пытается уговорить Витьку поехать к нему на дачу. Возможно, просит о какой-то срочной помощи по дому (Ермаков, как оказалось, прекрасно разбирался в технике), возможно, сразу откровенно приглашает его расслабиться. Во всяком случае, сразу или немного погодя расслабление предполагалось как само собой разумеющееся.

Федотовы и на самом деле считали, что Витьку нельзя бросать в такой ситуации вот так, одного. Конечно, у него семья, но семья семьей, а

Ермакову требовалась еще и поддержка друга, мужчины, поэтому отдохнуть следовало без жены, в чисто мужской компании.

Строго оговаривать повод для приглашения Ермакова к ним друзья не стали, так как он в большей степени должен был зависеть от настроения Витьки.

Саша должен был усадить родственника за стол, заранее накрытый Мариной и Яной, и после выражения своего сочувствия завести с ним разговор на любую отвлеченную мужскую тему, например, о футболе, коего они оба были большие поклонники. Причем Федотову вменялось в обязанность подготовить почву к спокойному восприятию Витькой появления Милославской: Саша планировал сказать, что отказался от идеи какого-либо расследования, и тут же попросить прощения за доставленные неприятности.

В этот момент, вернее, чуть позже, предполагалось будто бы неожиданное появление женщин и присоединение их к столу. Яне предписывалось вести себя особенно смиренно. Во время трапезы Марина должна была как бы невзначай завести разговор о разрушенном доме, который всех троих и интересовал.

Если бы Ермаков отказался от объяснений, стал уходить от неприятного для него разговора или вообще повел себя сколько-нибудь странно, что было в его положении вполне возможно без всяких особых на то причин, гадалка прибегла бы к помощи карт и таким образом «разоблачила» бы Витьку.

Конечно, то, что Витьке приходилось во многом соврать, никому из приятелей не импонировало, но они единогласно решили, что ложь во спасение не грех, и разом задавили голос совести.

Возможно, гораздо проще было бы на самом деле узнать все у кого-то из соседей. Но, во-первых, далеко не все люди были так уж легки на подъем в беседе с незнакомцем, а во-вторых, разрушенный дом имел какое-то отношение к Евдокии Федоровне, и куда более вероятным было наличие сведений об этом у Витьки, а не у кого-то другого. Выудить из Ермакова эту информацию и было общей задачей, в решении которой большая надежда возлагалась именно на Яну, так как за ее спиной стояли еще и потусторонние силы.

ГЛАВА 16

Федотов наскоро собрался, и вскоре уже автомобиль мчал его в сторону Багаевки. Марина и Яна тем временем заспешили со сборами на стол. Они старались сервировать его как можно более незатейливо, чтобы не создать ненужную в данном случае атмосферу пышности и гостеприимства. Поставили посреди стола бутылку водки, нарезали лимон, копченое сало, колбасу; в глубокую небольшую тарелку горкой уложили малосольные огурчики. Все остальное показалось им лишним. Сами они, чтобы не быть застигнутыми врасплох, решили пойти в баню, располагавшуюся в задней части двора. Из ее окон прекрасно обозревался весь двор: кто выходит, кто заходит. Федотов должен был дать им знак, когда «клиент созреет».

Баня у Федотовых была на газу и нагревалась в считанные минуты. Милославская не отказалась бы провести в ней часок-другой, похлестаться веничком, полежать, погреться на верхнем полке. Не отказалась бы, но только не сейчас.

Марина спустилась в подвал и взяла пару бутылок пива. Одну для себя, другую для гадалки.

— Чего это ты? — спросила ее Милославская, когда она появилась перед ней после пары минут отсутствия.

— А чего просто так-то сидеть? Представим, что после бани... — Федотова хихикнула.

Яна не стала возражать, и женщины, взяв с собой все необходимое и заперев дом, отправились в свое нехитрое укрытие.

Переступив порог, они очутились в довольно просторном и пахнущем деревом холле, посреди которого располагался длинный стол, окруженный со всех сторон широкими лавками. Половину противоположной стены занимал камин.

Марина не стала зажигать тут свет, а раздвинула кружевные тюлевые шторы на небольшом окне, выходящем во двор. Подруги сели к столу. Марина из невысокого комода, стоящего у зеркала в углу, достала хрустальные пивные кружки, откупорила бутылки и наполнила кружки пивом.

— Хорошо тут у вас, — сказала гадалка, собирая губами густую пену.

— Вот закончим все и обязательно банный день устроим! — торжественно заявила Федотова.

— Только бы Витька ничего не выкинул и ехать сюда не отказался, — мечтательно произнесла Яна.

— Я думаю, Саша его уговорит, — серьезно ответила Марина. — Он имеет на него влияние. Витька старается Саше не отказывать, потому что Саша много для него сделал, часто помогает. Да и Ермаков редко возражает против визита к нам в гости.

— Да, но не в такие минуты, когда он только-только мать схоронил.

— Конечно. Но ведь жизнь продолжается. Витька должен это понимать. Думаю, он приедет.

— У него вообще с матерью отношения какие были? — спросила Яна, вспомнив при этом о своих подозрениях насчет Ермакова.

— Нормальные, — Федотова пожала плечами и сделала глоток пива. — Как у всех. Маменькиным сынком он не был никогда. Но и разгильдяем тоже. Отца, правда, всегда любил больше. Ну а мать, она всегда мать. Как ее не уважать?

— Не скажи, — не согласилась Милославская. — Леня-то вон...

— Даже говорить про него не хочу! — отрезала Марина, махнув рукой и не дослушав подругу.

Яна вдруг вспомнила привидевшийся ей кувшин с золотом и подумала сначала, что это, пожалуй, единственное, что придает делу пикантность. Правда, тут же вспомнила, что то видение она расшифровала как ссылку на «денежный» мотив произошедшего убийства, и такое объяснение, казалось, лишало расследование возникшей было романтики. Однако тут же гадалка поймала себя на мысли о том, что наоборот, дело-то как раз очень необычное.

Решив поначалу, что единственно заинтересованные в смерти простой сельской пенсионерки люди — это ее наследники, Милославская стала их преследовать. Но, как оказалось теперь, эта версия являлась ложной. Так кому же могла помешать Евдокия Федоровна? При чем помешать настолько, что избавиться от нее преступникам пришлось таким «экзотическим» способом? Вопрос по сию пору оставался открытым.

Марина, видя, что ее подруга о чем-то задумалась, тоже молчала, тихонько попивая пиво и поглядывая в окно. На стене прямо над камином висели большие часы. Они мерно тикали, покачивая маятником. Неожиданно створка оконца, встроенного в них, приоткрылась, и пронзительно раздалось звонкое «Ку-ку!». Яна вздрогнула — подруги обе рассмеялись.

— Кстати, кукушек здесь видимо-невидимо, — утирая выступившие от смеха слезы, сказала Федотова и кивнула на окно. — Не знаю только,

всегда так или только в этом году.

Милославская подняла взгляд на часы.

— Полчаса прошло, как Саша уехал. Скоро вернуться должен, — сказала она и вопросительно посмотрела на подругу.

Та утвердительно кивнула несколько раз и снова завела беседу о кукушках, за которыми она, находясь на даче, провела невольное наблюдение. Разговор женщин на некоторое время ушел в отвлеченное от главной темы русло.

* * *

— Тихо! — воскликнула вдруг Марина. — Кажется... калитка открывается.

Яна примолкла.

— Да, — шепотом согласилась она и на цыпочках приблизилась к окну.

— Точно! Вон Саша!

— И Витька!

Глаза обеих подруг загорелись. Первый пункт их плана был реализован. Теперь оставалось бороться с нетерпением и ждать, когда Саша даст им знак, что можно «неожиданно» появиться. Это должно было произойти тогда, когда, по федотовской оценке, появление Милославской не произвело бы на Ермакова эффект красной тряпки по меньшей мере. Он должен был находиться в том состоянии духа, в каком визит гадалки показался бы ему более или менее заурядным событием.

Мужчины, о чем-то переговариваясь, не спеша шли к дому. Перед самым входом в него Саша дружески похлопал Витьку по плечу, очевидно, утешая его и подбадривая. Яне даже показалось, что в этот миг губы Ермакова тронула легкая улыбка.

— Ох, как я хочу, чтобы негодяев нашли и наказали! — сквозь зубы процедила в этот миг Федотова.

Яна посмотрела на нее. Лицо Марины показалось ей серьезным как никогда.

Следующие двадцать минут подруги провели молча. Яна — прохаживаясь туда-сюда; Марина — сидя у окна. Обе испытывали необыкновенное волнение, дожидаясь Сашу. Однако прошло еще не мене сорока минут, пока он возник в поле их зрения. Минуты, пережитые женщинами до его появления, были не самыми приятными.

Федотов был один. Он посмотрел в сторону бани, энергично махнул два раза рукой и скрылся опять в доме. Марина с Яной одновременно сорвались с места, но потом, переглянувшись, остановились, подошли к зеркалу, поправили немного прически, приняли по договоренности непринужденный вид и только тогда, ровно и спокойно, пошли по направлению к дому.

Первой решено было войти Марине, а уж за ней гадалке.

— О! Ви-итя! — воскликнула, войдя, Федотова и, глупо улыбнувшись, застыла на месте.

— Здравствуйте, — тихо сказала Яна и присела в кресло, стоящее немного в стороне от стола, подтолкнув вперед неожиданно онемевшую Марину.

— О! Девчонки! — пришел на выручку жене Федотов. — Вы откуда?

— От верблюда! — отшутилась Марина.

Она посмотрела на Витьку. Тот был спокоен и, казалось, готов к дружескому общению, хотя смотрел как-то хмуро, исподлобья Федотова посерьезнела и, подойдя поближе к Ермакову, шепнула ему на ухо несколько утешительных слов, погладила по плечу с особенной теплотой, так свойственной ее манере, вздохнула и, стремясь направить разговор и настроение в другое русло, спросила:

— А чего это у вас на столе пусто как?

— По-мужски, — пожав плечами, ответил Саша и покосился на Витьку.

Тот немного улыбнулся и пододвинул к себе бутылку. Открыл ее и наполовину наполнил стограммовую рюмку. Потом вдруг залпом опрокинул ее.

— Э, так нельзя, — нравоучительно протянула Марина и, наклонившись к холодильнику, стала подавать на стол заранее приготовленное ею съестное.

— Не, не надо, — морщась, остановил ее было Ермаков, — мне сейчас любой кусок поперек горла.

— Так нельзя, так нельзя, — продолжала бормотать Марина, будто не слыша его и кладя на его тарелку кусок холодца.

Витька сдался и не стал перечить. Марина поставила приборы для себя и Милославской и тоже присела за стол. Яна все еще продолжала сидеть немного поодаль, покуривая.

— Вить, знаешь, — сказал вдруг Федотов, — у меня в магнитоле что-то только одна колонка работает, а в другой бум-бум-бум... Посмотреть бы...

— Посмотрим, — вздохнув, ответил Ермаков.

— Мы уж с Витькой тостер наладили, — подняв вверх указательный палец, горделиво заявил Саша.

— Когда же вы успели? — всплеснув руками, удивленно спросила Марина.

— Да там все в такой ерунде заключалось! У Витька глаз наметанный. Он сразу понял, что к чему. Минута — и машина была в полной боеготовности, — Федотов благодарственно похлопал по плечу своего родственника.

— Саша, — с укором протянула Марина, — ну разве время сейчас... Вите не до этого, — Федотова покосилась на Ермакова.

— Мне не трудно, — сухо ответил Витька, похрустывая огурцом, и тут же перевел разговор на другую тему: — А поселок-то как быстро отстраивается! — Ермаков посмотрел в окно. — Виллы растут как грибы!

— Что поделаешь, — вздохнув, ответил Федотов, — старое рушится, новое строится... На той стороне, посмотри, — Саша указал вправо, — есть такие лачуги!

— Кстати, — как бы невзначай, но достаточно осторожно сказала Марина, — у вас в Багаевке появился дом разрушенный...

Ермаков, казалось, совершенно не слышал вопроса. Яна насторожилась.

— Там, кажется, женщина какая-то жила? — словно между прочим спросил Витьку Федотов, подцепив вилкой кусочек сала.

— Жила, — снова взяв в руки бутылку и откручивая пробку, ответил Ермаков.

— И что же случилось? — испуганно спросила Федотова, якобы опасаясь за чужую судьбу.

— Там вообще, — опрокинув рюмку, сморщившись и звучно втягивая в себя ноздрями воздух, сказал Витька, — раньше жил какой-то богатый помещик.

— Как интересно! — протянула Марина и приподнялась с места, чтобы подрезать на опустевшую наполовину тарелку колбасы.

— Потом дом его сгорел, — продолжал Витька.

Он раздумялся и, казалось, был уже не так мрачен, как поначалу. Закусывал, в основном, огурцами, и, кажется, немного запьянел.

Милославская, услышав о помещике, насторожилась еще более, не зная, чего ожидать от рассказа с таким необычным началом.

— И что же, помещик без крова остался? — спросила она, стараясь придать своему тону как можно большую дружелюбность.

— Не знаю, — ответил Ермаков. — Тогда или после построили новый дом, — Витька ненадолго замолчал, заставив своих собеседников испытать неприятные мгновения волнительного нетерпения. — Жила в нем в последнее время, на самом деле, пожилая женщина. Но! — Витька предупреждаясь повысил голос, — Она там не последний жилец.

— Как? — удивилась Марина. — Я только ее помню...

— Дом у Петровны купили, причем как-то очень быстро, в несколько дней.

— Она хотела переехать куда-нибудь к детям? — спросила Яна.

— Вроде нет, — ответил ей Витька, — мы вообще все удивились, когда о продаже узнали. Кажется, она и не хотела никогда его продавать. Или скрывала...

— Вот, наверное, новость была! — посмеиваясь, воскликнул Федотов. — Поди-ка, месяц деревня об этом гудела?

Ермаков промолчал. Потом сказал:

— Жена извелась вся: кто да кто соседом новым будет. А мне все равно...

— И дорого дом продали? — спросила Марина. — За сколько его купили?

— Купили до-орого, — протянул Ермаков. — Так по крайней мере на селе говорят.

— И куда же ваша соседка делась? — поинтересовалась Милославская.

— Не знаю. Исчезла, — ответил Витька, выразительно пожав плечами.

Между собеседниками более чем на минуту установилось молчание. Причем это была полностью немая сцена. Даже не жевал никто, застыв в одном движении. Сам Витька оцепенел, удивившись, наверное, произведенному им впечатлению или только что по-настоящему осознав, что он по-соседски причастен к какой-то тайне.

Милославская «ожилась» первой и со скрипом придвинулась ближе к столу. Ей казалось, что наконец-то удастся ухватиться за неуловимую ниточку. Она смотрела на Ермакова, взглядом настойчиво требуя дополнительных объяснений.

— Не, да вы не пугайтесь, ничего страшного с ней вроде не случилось, — переводя взгляд с одного на другого, сказал Витька. — Она, кажется, письмо кому-то прислала.

— А кому? — Яна все больше загоралась азартом.

— Верке Щуровой, вроде, — удивленно протянул Ермаков, — племяннице своей внучатой.

Гадалка попыталась максимально напрячь память, чтобы прочнее закрепить в ней услышанное. «Верка Щурова», — мысленно повторила она.

— Там во дворе, — неожиданно заявил Витька, — потом около недели орудовали «крутые». Они дом и разрушили.

Милославская пододвинула к себе бутылку, наполнила рюмашку, приготовленную для нее Мариной, наполнила ее и разом опустошила. Вслед за ней то же самое сделала Федотова. Саша удивленно переводил взгляд с одной женщины на другую. До него, казалось, позже других дошел смысл сказанного Ермаковым. Он, наморщив нос, вдруг переспросил:

— Крутые?

— Крутые, — Витька ответил с интонацией полной уверенности в своих словах. — И мент с ними был. Они перекопали весь двор, дом по бревнам разобрали.

— Во потеха-то местным была! — Федотов рассмеялся, но смех его звучал неестественно.

— И давно... Давно это было? — спросила гадалка.

— Недавно. Недавно исчезли, — Витька будто сам увлекся своим рассказом.

— А зачем же они дом купили, если собирались его разрушить и бросить? — спросила гадалка.

— А кто их знает, — Ермаков пожал плечами. — Никто о тех крутых ничего не знает. Все покрыто тайной.

— К-как... как они выглядели? Вы их видели? — Милославская в упор посмотрела на Витьку.

— Мне люди такого сорта всегда были неприятны, — сухо отрезал он, — Я их не разглядывал.

Между собеседниками снова установилось молчание.

— Ты выпей еще, Витек, — предложил Федотов.

— Не-не, — Витька рукой отстранил водку. — Мне пора уже. Пойду. Мои там маются теперь...

Ермаков встал из-за стола.

— Ну что ты, Витя, — протянула Марина, — посиди еще. Что быстро так?

— Хм, — ухмыльнувшись, ответил тот, — это у вас, городских, два часа не время. А у нас каждая минута на счету.

Ермаков направился к двери.

— Благодарю за угощение, — остановившись, сказал он и посмотрел на Марину, — все было вкусно. Санек, спасибо за поддержку.

Саша поднялся.

— Я отвезу, — сказал он.

— Ты же выпил! — возразила Марина.

— Ерунда, — сердито отмахнулся он и пошел к выходу. — Тут полем можно...

— Магнитолу посмотрим, возьми инструменты, — бросил ему Ермаков, спускаясь по ступенькам.

— Ага, — скоро пробормотал Федотов и юркнул в соседнюю комнату, откуда вскоре появился с маленьким чемоданчиком инструментов.

Он скользнул взглядом как-то мимо Марины и быстро исчез.

— Во дела-а, — протянула она, покачивая головой. — Целый детектив!

Яна ничего не ответила. Проведя в молчании около пяти минут и не слыша вопросов Марины, она задумчиво и глядя в одну точку проговорила:

— Пойду отдохну.

— Иди, — удивленно ответила ей Федотова.

Марина, которую просто переполняли эмоции и которой хотелось ими поделиться, никак не могла понять, что такое происходит с ее подругой. Милославская словно впала в какой-то транс и была вообще не способна на какое-либо взаимодействие с внешним миром.

На самом деле гадалка спешила как следует обдумать услышанное. Между ней и Мариной всегда было взаимопонимание, но сейчас она не хотела с подругой ничего обсуждать, ей требовалось побыть в одиночестве. Яна прокручивала все в голове, боясь, что какая-нибудь деталь вдруг ускользнет от нее.

Получив согласие хозяйки, Милославская медленно побрела в комнату, которая не так давно была для нее отведена Федотовыми.

Войдя, она упала на кровать, уставилась в потолок и продолжала думать, думать, думать. «Дом у Петровны купили, — думала она, — так-так-так, значит, бывшая хозяйка руин — какая-то Петровна. Ну что ж, это уже кое-что. Дом она продала очень быстро, в несколько дней. Это очень странно. Может быть, и ей тоже грозила опасность?... Возможно, между ней и Ермаковой произошел какой-то конфликт... Возможно, исчезнувшая Петровна даже как-то причастна к преступлению, раз она так скоропостижно оставила деревню незадолго до совершившегося с Евдокией Петровной», — Яна даже немного приподнялась с подушки, но тут же снова уронила на нее голову. Внизу раздался грохот, и мысли гадалки ненадолго прервались.

Милославская слышала бранную ругань Марины, расстроенной,

очевидно, тем, что она разбила что-то ценное. Яна улыбнулась, ибо впервые для себя открыла, что Федотова способна крепко выразиться. Ругалась она как-то неумело, сотворяя гремучую смесь слов высокого стиля с откровенным матом, которая звучала не угрожающе, а смешно. К тому же Яна поймала себя на мысли, что как только Марина успокоится, она по-детски покраснеет до ушей, ибо за собственные слова ей — как пить дать — станет стыдно.

Установилась тишина, и гадалка снова погрузилась в свои размышления. «Петровна не планировала переезжать и переехала... Это заставляет задуматься. Дом она продавать не собиралась и продала... Хотя... Витька же оговорился, что, возможно, женщина скрывала свое намерение. Кому приятно, когда вся деревня загодя обсуждает твое решение? — Яна села, согнув ноги в коленях и облокотившись на них. — Дом дорого продали... Тут неувязочка получается. Вряд ли дом в этом селе мог стоять дорого. И если бы сама Петровна назначила за него высокую цену, то так скоро на него покупатель нашелся едва ли, если вообще это когда-нибудь могло случиться. Скорее, дело тут в покупателях!» — гадалка поднялась с кровати и продолжила размышления, прохаживаясь из стороны в сторону.

«Петровна исчезла. А что если она и не исчезала никуда, а ее того, уходили, как и Ермакову? Хотя нет. Что это я? Она же письмо кому-то прислала. Какой-то Верке Щуровой. Племяннице своей внучатой... А это уже один-ноль в мою пользу! Верка — объект достигаемый!» — Милославская даже хлопнула в ладоши. Но тут же она вдруг подумала о покупателях дома Петровны.

«Какие-то крутые... Хм, крутые... От киллеров, что ли, скрываться в Багаевке собирались? Что им тут могло понадобиться? Зачем они дом разрушили? И главное — мент с ними был. А менту-то чего? Или он так, не по работе? М-да, весьма загадочно все это... Перекопали весь двор, дом по бревнам разобрали... Особняк строить будут? А может, магазин какой? А почему на окраине села? Нерентабельно же! Черт их разберет! А не могла ли Ермакова сунуть свой нос куда не надо и за это поплатиться?... Хотя... не думаю, что эта бабулька была настолько дееспособной, что единственным методом воздействия на нее у крутых оказалось убийство. Федотов говорит, потеха местным была. А я думаю, они до сих пор от шока отходят и предположениями терзаются. Поди-ка и до Щуровой уж добрались с расспросами своими. Но раз по-прежнему ничего не известно, та молчит. Или Петровна намеренно о продаже дома в письме умолчала... О другом говорила...»

Гадалка закурила и подошла к окну. Глядя в него, вслух заговорила:

— Почему крутые дом бросили? Деньги кончились? Передумали? Или еще приедут? И кто они вообще такие были? Зря Витька их не разглядывал! Но что я действительно понять не могу — так это связи всей этой ерунды с убийством Ермаковой. А может быть, все же... Да, кажется, такое могло быть... Вдруг и впрямь Ермакова проявила излишнее любопытство или даже пошла на какой-нибудь конфликт с крутыми? Во дела! Нужно обязательно отыскать эту Петровну. Пожалуй, Верка Щурова — моя единственная надежда...

Милославская скорым шагом направилась к двери и вскоре уже стояла перед Федотовой.

— Как думаешь, Саша скоро приедет? — спросила она.

Марина в ответ пожала плечами. Она сидела за столом и держала в руках маленькую чашку чаю, на которую дула, трубочкой вытянув губы.

— Чай будешь? — спросила она.

Яна словно не слышала ответа.

— Через сколько? Через сколько он тут будет? — повторила она.

— Ну, если только туда и назад, — Федотова задумалась, — то жди с минуты на минуту.

— А что, есть другой вариант? — испуганно спросила гадалка.

— И даже не один. Можно, например, посидеть у Ермакова, потреться с его женой. Это минут на двадцать максимум, — Федотова говорила неторопливо, прихлебывая горячий чай. — Плюс дорога. А можно с Витькой посиделки продолжить. Это продлится дольше...

— Черт возьми! — отчаянно воскликнула Милославская, сжав губы.

— Ты чего? — удивилась Марина, округлив глаза.

— Мне в Багаевку надо! — с досадой поджав губы, сказала Милославская.

— Зачем? — Федотова поставила чашку на стол.

— Давай потом об этом, а? — сморщившись, ответила гадалка.

Она огляделась, взяла свою сумочку, перекинула ее через плечо и, подмигнув молча созерцавшей ее действия Марине, направилась к выходу.

Федотова не окликнула ее, хотя ей и не терпелось обо всем как следует расспросить подругу. К тому же и у Марины насчет услышанного были свои соображения, которыми ей смерть как хотелось поделиться с гадалкой. Однако Марина знала, что если уж у Милославской загорится что — ее не остановишь. Без всякой обиды на Яну она дружелюбно махнула ей рукой и стала допивать чай.

Федотова считала, что Яне проще было дожидаться Сашу и, если бы он

вернулся в более или менее «жизнеспособном» состоянии, отправляться в Багаевку с ним. А если нет — тогда уж и другие средства передвижения искать. Мирославская же, как достаточно опытный детектив, была на этот счет другого мнения. Во-первых, полупьяный Саша в намеченном деле был ей не лучшим помощником, во-вторых, она очень ценила время, отлично зная, что порой минуты решают многое, даже все, порой они предотвращают новое преступление. К тому же сидеть и ждать, когда ее сознание озаряла какая-то новая идея, она просто не могла. Она хорошо себе представляла, что ей снова придется «общаться с населением», чтобы найти эту Щурову, но теперь гадалку это не пугало.

ГЛАВА 17

— Добрый день, вы Щурова Вера? — деловым тоном спросила Милославская.

— Я, — заправляя за ухо упавшую на лицо прядь волос ответила рослая девица лет двадцати семи.

В одной руке она держала половую тряпку, с которой ей на ногу капала вода. Вопросительно, даже испуганно глядя на незнакомку, Щурова поджала мокрую ногу и бросила тряпку в сторону.

— Можно пройти? — смело спросила Яна, видя, что эту девчонку можно атаковать смелостью. — Мне нужно с вами поговорить.

— Проходите, пожалуйста, — гостеприимно ответила Вера, пошире открыв дверь и отойдя немного в сторону. — А что такое? Вы насчет обмена старого паспорта? Так я обменяю. У меня просто денег пока нет. Обменяю обязательно, я же участковому сказала. Присядьте вот сюда, — Щурова указала гадалке на старое кресло с потертыми подлокотниками, на котором она торопливо расправила покрывало, а сама как-то не хозяйски присела на соседнее.

— Да нет, Вера, — вздохнув, сказала Яна и накрыла Веркину ладонь своею, — ваш паспорт меня совершенно не интересует. Я по другому поводу.

— Да? По какому? — Щурова, казалось, испытала огромное облегчение, услышав, что ее беспокоят не по тому поводу, который ее саму очень беспокоил.

— Понимаете... — тихо и осторожно начала Милославская, решив говорить начистоту. Она сразу увидела в Щуровой человека наивного, доверчивого, искреннего и открытого и поняла, что это может сейчас сыграть ей на руку, — я следовательно; веду одно дело, в котором вы мне сейчас очень можете помочь.

— Это про Ермакову? Я про вас слыхала! — Вера расплылась в улыбке, а потом вдруг перекрестилась, — Царство ей небесное, хорошая бабулька была.

— Конечно, хорошая, — обрадованно подхватила Милославская и тоже перекрестилась. — Поможете?

— Помогу, — серьезно ответила Верка и вся как-то вытянулась, побоевому выпрямив спину. — А что надо?

— Почему ваша родственница, бывшая соседка Евдокии Петровны,

дом свой продала?

Верка посмотрела на гадалку, округлив глаза.

— Она ведь его не собиралась продавать, так? — тихо спросила Яна.

— Не собиралась, — Верка замотала головой.

— А почему же?

— Ей деньги хорошие предложили. Намного больше, чем дом ее на самом деле стоит.

— Дом вообще добротный был?

— Когда-то добротный. Но в доме ведь мужик нужен, работник. Как в поговорке: «Дом невелик, да сидеть не велит!» А что она, старуха, могла-то? И крышу перекрыть надо было, и забор поправить, и полы перебрать — погнили доски некоторые... Так что не собиралась-то не собиралась, а как деньги хорошие предложили, да о возможностях своих по уходу за домом задумалась, так и согласилась...

— А других причин для продажи не было? — Милославская прищурилась.

— Каких других?

— Ну-у-у... Каких-нибудь. Кто знает... Может, еще что было? Это очень важно.

— Почему же не было? Были. Как я считаю, в огороде работать как следует она уже не могла. Посадить посадила, да только засохло все. Летом с водой плохо было, так мы ведрами таскали. А она разве много принесет?

— И все же человек редко так легко по таким причинам расстается с местом, на котором доживает последние, может быть, годы...

— Да она и не рассталась бы никогда! Просто когда ей деньги огромные предложили, она все как следует взвесила и согласилась. Деньги ее подкупили.

— И все же, может быть, были еще какие-то причины? — напирала гадалка.

— Ну не зна-аю, — задумавшись, протянула Щурова. — Не знаю, — она подняла глаза на гадалку.

— Подумайте.

— Нет, не знаю. Мне даже и в голову не приходило, что могло быть что-то еще. Я и не спрашивала. А что, вы считаете...

— Вы письмо недавно получали?

— От кого?

— Ну от Петровны своей! — Яну начинала сердить Веркина недалекость.

— Получала, — не понимая, к чему клонит гостя, удивленно

протянула Щурова.

— А в письме она ничего такого не сказала, почему дом продала, например?

— Не-а. Я ей должна двести рублей. Все не отдам никак. Она только затем и написала, чтоб напомнить, а о доме ни-ни.

— А вы письмо сохранили?

— Да где-то тут, среди газет, — Верка открыла тумбочку, стоящую рядом с креслами, и из нее с шелестом посыпались газеты, небрежно наваленные друг на друга. — Ну вот, опять! — сердито воскликнула она и стала разгребать газеты, отыскивая, очевидно, письмо. — Ага! Вот.

Щурова протянула Милославской конверт, неаккуратно вскрытый с одного края.

— Прочту?

— Читайте, — девушка пожала плечами.

Яна тут же извлекла из него одинарный листок в клетку, исписанный крупным размашистым почерком, и жадно стала читать. Верка тем временем пихала газеты назад в тумбочку. Уже по одному ее невозмутимому виду можно было понять, что вряд ли она в чем-то слукавила насчет содержания письма и всего остального. Милославская, конечно, это поняла, но все же в изучении письма себе не стала отказывать.

Петровна без всяких свойственных эпистолярному стилю преамбул гневно напоминала своей внучатой племяннице о денежном двухсотрублевом долге, который она, соизмеряя со своей пенсией, считала «значительным», почему и требовала немедленного его возврата. В заключение Веркина родственница жаловалась на одолевающие ее болезни и на дороговизну лекарств, которые она, будто бы только из-за невозвращенных денег, купить была не в силах. О продаже дома в письме, действительно, не было ни слова.

Яна свернула листок и всунула его назад в конверт.

— Убедились? — спросила Щурова, присаживаясь опять в кресло.

— Убедилась, — ответила гадалка и перевернула конверт, внимательно взглядевшись тут же в адрес отправителя.

— Адресок возьму? — спросила она тут же Верку.

— Берите.

Милославская достала свой блокнот и перенесла в него адрес, начертанный на конверте, а внизу отчетливо приписала: Михалева Анастасия Петровна.

— Ну что ж, благодарю, — сказала после этого Яна.

— Да за что же? — Верка улыбнулась и немного покраснела.

— Вы мне немного помогли, прояснили кое-что, — гадалка встала. — Проводите?

— Провожу.

Щурова проводила гостью до ворот и, когда та уселась в ожидавшееся ее такси, по-дружески замахала ей рукой.

ГЛАВА 18

— Кто там? — раздался из-за двери грубоватый женский голос.

— Откройте, пожалуйста, — вежливо произнесла Милославская.

— Что вам нужно?

— Михалева Анастасия Петровна тут проживает?

— Ту-ут, — в голосе Михалевой почувствовалась осторожность и удивление.

— Я к вам от вашей племянницы внучатой, Веры Щуровой.

Послышалось какое-то движение, потом ключ в замочной скважине стал поворачиваться. Вскоре дверь приоткрылась, и на Яну из-за тонкой металлической цепочки, которая не позволяла двери распахнуться более чем на десять сантиметров, на Милославскую устремился изучающий взгляд.

— Я вам долг привезла, Вера передала двести рублей, — произнесла гадалка заранее заготовленную фразу.

Михалева убрала цепочку, пошире открыла дверь и кивком пригласила Милославскую войти. Взгляд хозяйки квартиры заметно смягчился. Яна сразу принялась рыться в своей сумочке, откуда вскоре выудила пухлый кошелек.

— Вы пройдите, пройдите, — сухо и даже строго сказала ей женщина.

Гадалка быстро скинула туфли, нырнула в тапочки и последовала за хозяйкой, которая, казалось, вовсе не отрывая ног от пола, двигалась впереди нее.

— Присядьте, — сказала Михалева, указав Яне на высокий деревянный табурет. Та поспешно присела на краешек, поправив маленькую подушечку, положенную на него сверху.

В комнате был «рабочий» беспорядок. Судя по всему, Анастасия Петровна еще не обустроилась после переезда: в одном углу почти до самого потолка друг на друге стояли коробки, в другом лежал огромный полиэтиленовый мешок, набитый каким-то тряпьем; старый полированный сервант стоял наискосок комнаты; к нему были придвинуты два кресла и журнальный стол на тонких высоких ножках, накрытый газетой. Только три табурета аккуратно стояли в ряд вдоль стены.

— Вот возьмите, — сказала Милославская, протягивая Михалевой две сотенные, с которыми ей по предварительному замыслу теперь приходилось расстаться.

— Ох, — вздохнула хозяйка, — наконец-то.

Она взяла деньги и, аккуратно свернув, сунула их в карман своего халата.

— Вы Веркина знакомая? — прищурившись, спросила она Милославскую.

— Угу, — промычала та.

— Что-то я вас не знаю.

— А мы на днях только познакомились. Я по работе в Багаевке была.

— На днях? И она вам деньги, простите, доверила? Как была балбеской, так и осталась! Вы с деревни сейчас?

— Угу, — снова ответила Яна.

— Как она там, стоит? — дрогнувшим голосом спросила Михалева.

— Стоит, — протянула гадалка.

Немного помолчав, она спросила:

— Как же вы решили с таким прекрасным местом расстаться?

— Решила вот, — глаза хозяйки увлажнились.

— Хорошую цену предложили? — осторожно спросила Милославская.

— Хорошую, — с грустью протянула Михалева.

— Интересно, а какой им смысл был покупать ваш дом? Цель-то какая?

— Откуда я знаю, — огрызнулась Анастасия Петровна. — Не расспрашивала. Да и не сказали бы, если б спросила. Не больно-то они с нашим человеком разговаривают...

— Вы раньше не знали этих покупателей?

— Не знала.

— А про соседку вашу, извините, слышали?

— Слышала. Верка телеграмму прислала, — у Михалевой выступили слезы, которые она тут же утерла, крепко прижав пальцы к глазам.

— Простите, а она в конфликт с покупателями вашими не вступала случайно? Может, интересовалась очень, зачем им ваш дом...

— При мне — нет.

— А вообще могла?

— Евдокия любопытством никогда не страдала и вообще была очень осторожной: моя хата с краю, ничего не знаю... С такими связываться точно бы не стала. А чего вы все спрашиваете-то? — хозяйка пристально посмотрела на гадалку, ища ответа на свой вопрос.

— Да так, интересно просто, — ответила Милославская. — Значит, не конфликтовала?

— Нет. Да и они бы со старухой разговаривать не стали.

— Понятно. Ладно, пойду я, — Яна встала.

— Спасибо, что деньги передали, думала не дождусь, — Михалева повела гостью к выходу. — У меня ноги отнимаются, а натирание такое дорогое, такое дорогое...

— До свидания.

— До свидания, — дверь за гадалкой закрылась, но она до тех пор, пока не пришел лифт, слышала за ней жалобы Анастасии Петровны.

Яна вышла из подъезда и остановилась, задумавшись. Ничто в этот момент ее не радовало. Она подняла глаза к небу, словно ища у него помощи. Солнце заслонили серо-перламутровые, неизвестно откуда взявшиеся вдруг тучки, и Милославская долго простояла так, глядя куда-то ввысь.

Ответа на свой вопрос она не находила. Петровна, на которую она так надеялась, ничем не порадовала ее. Казалось, связи ее разрушенного дома с исчезновением Ермаковой вообще не существовало. Но зачем тогда карты намекнули ей о бывшем жилище Ермаковой? Врать старуха вроде бы не врала, да и зачем ей? Дело упорно не хотело двигаться с мертвой точки.

Гадалка не спеша побрела в неизвестном ей самой направлении по тротуару. Она старалась прокрутить все в голове с самого начала и отмести все то, что заставляло ее идти по ложному следу. «Что еще могло остаться?» — спрашивала она себя, пытаясь предположить, какие еще причины убийства пожилой женщины могли иметь место.

Дело казалось ей все более загадочным. Этот привидевшийся кувшин с золотом, купленный и заброшенный дом, какие-то крутые... Яне никак не хотелось верить, что все эти моменты никак не были связаны со случившимся с Евдокией Федоровной. Но результаты поисков говорили сами за себя. Разочарование в очередной раз овладело Милославской, и она всерьез загрустила.

Она села в трамвай, идущий до Агафоновки, и, отвернувшись к стеклу, всю дорогу до своей остановки провела в легкой полудреме.

ГЛАВА 19

— Все куришь? — посмеиваясь, спросил Руденко, исподлобья поглядывая на свою подругу и тяжело опускаясь в кресло. — Вон чад какой стоит! — Семен Семеныч замахал рукой, с некоторой деланной брезгливостью отгоняя дым и покосился на форточку.

— У меня депрессия, — ответила Милославская, глядя мимо него. — Ты сам-то как будто праведник... Давно ли к портвейну своему прикладывался? Вчера поди только?

— А как ты узнала?! — искренне удивляясь, с глуповатым выражением лица спросил Три Семерки.

— Я все знаю, — вздохнув, ответила Яна.

— Фу-у-у, — протянул Руденко, — никак не отдышусь. В гору твою пешком подымался.

— Надо же, — сыронизировала гадалка.

— Машину на СТО оставил, подлечить кое-что надо, а сам вот к тебе, пешим...

— Обленился, что ли? Сам уже не хочешь под «подругой» своей лежать? Достала же она тебя...

— Нет, там поломка существенная просто, мне не справиться. Ладно... — Семен Семеныч провел ладонью по вспотевшему лбу. — А ты чего вся ершистая сегодня такая? А? А ну, давай выкладывай, в чем дело!

— Прости, Сема, — Яна затушила сигарету, — я действительно не в духе. Не идет дело и все! Понимаешь, обидно до смерти! Решила друзьям помочь, а тут фигня такая... Лучше бы и не бралась! Но ведь друзьям не отказывают! Очередная моя попытка размотать клубок закончилась неудачей... — удрученно подытожила Милославская и потянулась за новой сигаретой.

Руденко немного помолчал, задумавшись, а потом вдруг, видимо придя к выводу, что Яна нуждается в утешении, задорно воскликнул:

— Ничего-о! — Три Семерки бойко хлопнул подругу по плечу. — У тебя все дела всегда — несмотря ни на что — заканчиваются успешно, — заговорщически прошептал он, наклонившись к ее уху. — Чего нос-то повесила?

— Эх, Се-ома, — протянула, вздыхая, Милославская, и губы ее слегка тронула улыбка. Она положила голову ему на плечо. — Если бы твои слова оказались правдой... — с вновь нахлынувшей грустью произнесла она

через несколько секунд.

— Слушай! В конце-то концов! — с шутливым укором воскликнул Семен Семеныч. — Разве это проблема? Тебе бы вот мои... — вдруг сменив тон, произнес он.

— Что у тебя опять? — подняв голову, несколько лениво спросила гадалка.

— Убийство... На нашей территории...

— А чем, собственно, «твое» убийство отличается от того, что расследую я? — возмущенно произнесла гадалка.

— Тем, что у меня шеф... — понурился, заключил Семен Семеныч.

— О боже! — откинув голову, тихо сказала гадалка. — Как это знакомо...

— Знакомо, — усмехнулся Три Семерки. — Да это не человек, это зверь! Машина! Агрегат! У-и-у-а... — не договорил он, не найдя подходящего слова.

— Странно, мне он всегда казался душкой, — с явной иронией в голосе заметила Милославская, вспомнив, как шеф Руденко пытался однажды за ней ухаживать.

— Да это волк в овечьей шкуре! — разгоряченно крикнул Руденко, начиная краснеть от негодования.

— Ладно, ладно, успокойся, — прервала его гадалка. Знаю я, какой он.... Наслышана уже.

— Нет, ты не знаешь, — беспомощно протянул Три Семерки. — Ты даже представить себе не можешь! На этот раз он превзошел все наши самые жуткие опасения: грозитя всех поувольнять, если не раскроем дело, — пожаловался Семен Семеныч.

— Ого! И насколько это возможно? — с улыбкой спросила Милославская. — Разве это в первый раз, а, Сема? — утешила она Руденко, слегка приобняв его.

— Так он не орал никогда, я тебе говорю! — стряхнув руку подруги, раздраженно заметил Руденко и снова вытер пот.

— Видать, не обычный человек, этот убиенный... — ухмыльнувшись, предположила гадалка.

— Кладоискатель какой-то, что ли... — поморщившись, сказал Три Семерки.

— Кто-о?!

— Да активный деятель из клуба кладоискателей, черт бы его побрал!

— Какого еще клуба? — всерьез заинтересовалась Милославская.

— Ну у вокзала, не знаешь, что ли? «Деньга», по-моему, называется.

— «Монета», может быть?

— Ну «Монета», какая разница.

— Разницы никакой, — задумчиво проговорила Яна, вспоминая вывеску на двухэтажном старом особняке, мимо которого она довольно часто проезжала до своего переселения в Агафоновку.

Яна была всерьез удивлена словами Руденко. Само название «Монета» на самом деле было ей знакомо, но что под ним функционирует клуб кладоискателей, и что такой вообще возможен в двадцать первом веке, она и представить себе не могла.

— И как ты считаешь, они правда клады находили или только искали? — спросила она Семена Семеныча.

— Кто их знает. Хотя, наверное, находили. Иконки там всякие, посуду, может, старинную...

— Иная иконка дороже сундука с золотом стоит, — с усмешкой сказала гадалка.

— Бывает, — пожав плечами, сказал Руденко.

— Наверное, кладоискатель не бедный был? — спросила Яна.

— Наверное, раз шеф так о нем печется.

— Может, ему вознаграждение хорошее пообещали?

— Может и пообещали, а может, и сразу дали, — безрадостно ответил Три Семерки. — Только нам-то от этого что? Дерет три шкуры! А мы разве виноваты в чем, если улики пока не найдены?

— А шеф ваш того, сам на сокровищах случайно помешан не был? — прищурившись, спросила Милославская.

— Не-е, такого не замечали, — Руденко замотал головой.

Яна замолчала. Она вдруг невольно вспомнила кувшин с монетами, привидевшийся ей во время гадания. Может быть, о неприятности, огорчившей сейчас ее друга, всего-навсего и предупреждали ее карты?

Милославская прочь отогнала последнюю мысль, не желая думать сейчас о том, что начинало угнетать ее еще больше. Она встала и пригласила Руденко к столу.

— Я не голоден, — ответил тот.

— Что-о? Что я слышу? Не верю своим ушам! — гадалка расхохоталась. — Такое бывает?

— Как видишь. Ты ешь, а я рядом посижу.

— Да-а, — протянула Яна, покачивая головой, — видать, серьезную взбучку вам босс устроил. Тут не простую пищу, а что-нибудь покрепче принимать надо, — она лукаво глянула на Семена Семеныча.

— А у тебя есть? — вкрадчиво спросил он, оживившись.

— Водка.

— А, была не была! — махнув рукой, воскликнул Семен Семеныч и встал со своего места. — Наливай. Машину завтра со станции заберу.

Приятели прошли на кухню. Милославская открыла холодильник и достала непочатую бутылку «Гжелки».

— Только немного, — нравоучительно сказала она, ставя ее на стол.

— Не понимаешь ты ничего, мне сейчас нужна «скорая помощь» в неограниченном количестве! — возразил Три Семерки.

— Разве это помощь? Помощь заключается в реальных действиях. А это противодействие всякому действию! — Яна положила перед Руденко палку колбасы и нож, предлагая ему таким образом поучаствовать в сервировке стола.

— Какая ты умная! — саркастично заметил тот. — И что же ты предлагаешь?

— Берусь помочь другу, — пожав плечами, сказала Милославская и подала Руденко блюдце с нарезанным лимоном и две маленькие рюмочки.

— Яна! Неужели? — радостно воскликнул Три Семерки. — А как же твое дело?...

— Буду работать параллельно, — вздохнув, сказала она, накладывая в тарелку болгарский салат.

— Хм, ты чудо, — расплывшись в улыбке, сказал Руденко. Он наполнил рюмки, не дожидаясь Яну, опрокинул свою, закусил лимоном, а потом одновременно задумчиво и деловито проговорил: — Но ведь я не очень верю в твои методы...

ГЛАВА 20

Было уже далеко за полночь. За окном монотонно голосил сверчок. Джемма дремала, растянувшись у ног своей хозяйки.

Яна давно уже проводила Руденко, договорившись с ним начать совместную работу утром следующего дня. Она посадила его еле живого в такси — увещевания гадалки не пить много на него не подействовали — и вернулась домой. Ей пришлось долго оправдываться перед Маргаритой Ивановной, которой она позвонила сразу же по возвращении. Та ужасно переживала, не дождавшись в привычный час ни мужа, ни хотя бы его звонка, и на Янино виноватое сообщение о том, что Семен Семеныч вернется домой «не совсем трезвым», ответила весьма холодно.

Милославская не стала объяснять, пытаясь втолковать, что «у них» с Семеном Семенычем был серьезный повод. Она знала, что Руденко и сам это сделает, как только придет в себя, а любящая Маргарита Ивановна его поймет, во все поверит и обоих их простит. Вежливо попрощавшись, гадалка просто положила трубку.

Теперь она одна сидела в кресле, невольно наблюдала за перемещающейся секундной стрелкой и думала, с чего ей начать завтрашний день. Взгляд ее нечаянно упал на до боли знакомую колоду...

* * *

Легкий туман затмил сознание Милославской. С каждой минутой он становился все гуще и гуще, и вскоре она уже была в том состоянии, в каком обычно ее посещали видения.

Яна не чувствовала ни рук, ни ног, ни остального своего тела. Вряд ли она в тот момент вообще сознавала, что сама она, Яна Борисовна Милославская, вообще существует. Карты вырвали ее из реальности, унеся в неподвластные человеческому сознанию миры и заставив полностью раствориться в них. Она не слышала теперь ни сверчков, ни шороха листвы и травы, доносящихся из окна, ни убаюкивающего тиканья часов, ни бдительного сопенья Джеммы, которая до смерти хотела спать, но бросить хозяйку один на один с потусторонними силами ни за что бы не согласилась.

Отзвонившись супруге Руденко, гадалка перемыла посуду и полы,

вернула на кухне все на свои места, сделала генеральное сквозное проветривание, а чуть позже освежила воздух хвойным спреем, потому что даже добросовестное проветривание не смогло ей помочь полностью справиться с отвратительным запахом, установившимся после их с Семеном Семенычем застолья.

Прильнув рукой к карте и втянув ноздрями всегда нравившийся ей запах хвои, Милославская почувствовала удовлетворение, которое в следующий миг усилилось от сознания того, что она наконец-то одна (при всей Яниной любви к общению, уход гостей ей всегда был не менее, а иногда и более приятен, чем их появление). В итоге гадалка, находясь в расположенном к совершению таинства состоянии духа, ожидала от этого таинства понимания и хоть какого-нибудь ответа на мучавший ее вопрос. А вопрос ее терзал известно какой: кто и почему избавился от Ермаковой Евдокии Федоровны.

Однако кое-что мешало гадалке сосредоточенно отчеканивать эти слова. К ней в голову назойливо лез рассказ Семена Семеныча о кладоискателе и привидевшийся ранее кувшин с золотом заодно. Она раз за разом пыталась повторить только одно: кто и почему отправил на тот свет несчастную старушку. Но никакой конкретики не выходило: и старушка, и кладоискатель, и кувшин смешивались в ее мыслях в одну непонятную массу. Карты приняли ее вопрос именно в таком сумбурном виде — буквально через две-три минуты Милославскую окутал тот самый туман.

Сознание бросило ее вдруг в совершенно неизвестное ей, но вполне земное место: она увидела цепь невысоких, не более, чем в один этаж, зданий, неухоженных, серых и неприглядных, похожих на заводские склады. Какое-то время видение удерживало ее подле них, а потом вдруг протолкнуло сквозь стену — такое нередко бывало с Яной в видениях.

Она оказалась в сыром, холодном помещении, в котором царил полумрак. Гадалке стало тяжело дышать — невыносимо пахло чем-то техническим: керосином, соляркой, бензином — точно разобрать она не могла. Вдоль стен в беспорядке лежали разные автодетали, в том числе покрышки от колес, помятые дверцы и крылья и многое другое, ставшее следствием общения автотехники с человеком. Посередине помещения стоял старый грузовик.

Милославская заметила под ним какое-то углубление в полу. Она предприняла попытку подобраться поближе, и у нее сразу же это получилось. Углубление оказалось обычной смотровой ямой, предназначенной для ремонта машин. Что-то вдруг потянуло гадалку вниз, и она внезапно ухнула туда так, что сердце в ней подпрыгнуло.

На дне ямы что-то слегка блеснуло обжигающей чернотой. Гадалка напрягла последние свои силы, чтобы рассмотреть таинственный предмет. О, ужас! Предмет оказался чем-то средним между винтовкой и автоматом. Во всяком случае Яне так показалось. «Боже... — прошептала она, приходя в себя, — какое отношение эта „пушка“ могла иметь к убийству Ермаковой?»

ГЛАВА 21

Утро выдалось особенно пасмурным и неприветливым. Это было непривычно для лета, а потому и ощущалось более остро. Как только Яна открыла глаза и увидела вереницей плывущие по небу иссиня-черные тучи, она поморщилась. Вставать теперь совсем не хотелось, потому что, казалось, ничего радостного этот день не обещал.

В закрытую форточку врвался прохладный воздух. Он трепал занавеску и заставлял Милославскую ежиться под тонкой шелковой простыней. Кое-как переборов себя, она все же поднялась; на цыпочках, смешно поджимая пальцы, подбежала к окну, хлопнула форточкой и забралась назад, в постель, натянув теперь на себя мягкий теплый плед.

Мелкие капли западали на стекло, и стало как-то еще грустнее. Казалось, осень решила прийти раньше положенного, но листок перекидного календаря и здравый рассудок говорили, что это не так.

У двери жалобно завывала Джемма. Хотела Яна того или нет, но ей пришлось-таки встать. На ощупь сунув ноги в тапки, она накинула на себя плед и, придерживая его на груди руками, пошла к двери. Собака, увидев наконец хозяйку, нетерпеливо завиляла хвостом.

— Сейчас, сейчас, — хрипло пробормотала Милославская, прихватывая сигареты.

Попутно она взглянула на себя в зеркало. Вид у нее был самый жалкий. Как-то озлобленно повернув в скважине ключ, Яна толкнула дверь, выпуская Джемму.

— И не проси, гулять не пойдем, — бросила она ей, предчувствуя уже ее умоляющий взгляд, — холодно. И сыро... — тише добавила гадалка в свое оправдание, глядя на падающие и растворяющиеся на земле капли.

Джемма сиротливо водила носом из стороны в сторону, пока не нашла наконец себе «приют». Яна наблюдала за ней в узкую щелку двери, выпуская тонкие струйки сигаретного дыма. Где-то невдалеке настырно и нагло каркала ворона.

— Идем, идем, — позвала Милославская собаку, видя, что та начала без толку ходить из угла в угол.

Та нехотя, но послушно пошла ей навстречу, смешно стряхивая с себя мелкие брызги.

Яна, тяжело вздохнув, руками обхватила Джемму и, лишь частично оторвав ее тело от пола, поволокла мыть лапы. Почувствовав приятное

соприкосновение с теплой водой, она и сама приняла решение отдаться водным процедурам. Плед мягкой волной соскользнул на пол, и вскоре гадалка уже погружалась в белые пенные гребни. Здесь она обрела гораздо большую способность радоваться жизни и строить какие бы то ни было планы.

Немного пролежав в полном молчании, с закрытыми глазами, Яна стала воспроизводить в сознании события минувшего вечера. Вспоминать облик почти потерявшего лик Руденко ей не хотелось, а вот события, последовавшие после его благополучного отъезда домой — очень даже, поскольку они требовали «мозгового штурма», на который Яна вчера, сразу после гадания, была не способна.

Конечно, первое, что запульсировало в ее голове, был образ таинственного предмета, блеснувшего на дне увиденной ею ямы. Предмет показался Милославской чем-то средним между винтовкой и автоматом. Но чем — сказать она не могла. Во-первых, гадалка недостаточно разбиралась в оружии. Безусловно, она немало уже его повидала. Но все же кое-какие тонкости ей еще были неподвластны. Во-вторых, Яна не на сто, а только на девяносто девять процентов была уверена в том, что перед ней было именно оружие. Она все же немного опасалась, что это ей только показалось.

Тем не менее Милославская решила, что во что бы то ни стало привидевшееся место надо отыскать и выяснить, что за «штука» таилась на дне ямы.

Поначалу она попыталась строить собственные соображения насчет того, чем могла оказаться территория, явившаяся ей в видении. На ум приходило: завод, оптовый склад, автомастерская... Тут же Милославской овладело сожаление о том, что она никогда не питала любопытства к таким местам, иначе они удерживались бы в ее памяти. Она многое перебирала в голове, но вспоминающееся не совпадало с тем, что она видела.

— Позвоню Руденко, — решила она после ряда неудачных раздумий.

Конечно, Милославская знала, насколько он скептически относится к ее методам расследования. Но иного, кроме правдивого, объяснения источника данных об оружии, она не находила. К тому же, насколько гадалка поняла, Семен Семеныч находился как раз в том положении, когда человек хватается даже за соломинку. Этой соломинкой для него на данный момент и мог бы стать Янин рассказ об итогах последнего гадания. Ведь сейчас, в период «смуты», разоблачив какого-нибудь владельца незаконно хранящегося оружия, Три Семерки мог быть хоть сколько-нибудь реабилитирован в глазах своего шефа. Таким образом, сотрудничество, как

казалось Мирославской, обоим им снова играло на руку.

* * *

— Алло! Семен Семеныч? Жив? — посмеиваясь, кричала Мирославская в трубку: Три Семерки было плохо слышно.

— Почти, — вздыхая, ответил Руденко.

— Как добрался?

— Нормально.

— А дома как? — несколько осторожно спросила Яна.

— Ничего, порядок, — повеселевшим голосом ответил Семен Семеныч. — Кстати, ты моя должница: мне утром за двоих оправдываться пришлось.

— И как? — поинтересовалась гадалка результатом руденковских попыток.

— Н-ну-у-у, — многозначительно протянул Три Семерки, — небольшая нотация насчет нанесенного здоровью вреда и... большой привет в твой адрес.

— Значит, мы прощены? Твоя жена — чудо! Сема, и все-таки в жизни тебе несказанно повезло...

— Повезло в любви — не повезло с шефом, — удрученно парировал Руденко.

— Ну, это дело поправимое, — оптимистично заявила Мирославская.

— Ты на что-то намекаешь? — оживился Три Семерки.

— Можно сказать и так, — Яна переменила положение тела, поджав под себя ноги и откинувшись на спинку кресла.

Семен Семеныч знал, что, если произошла такая заминка во время Яниного повествования, она должна была непременно чем-нибудь его огоршить. К этому он привык — так было почти всегда, но ждать слов подруги в такой ситуации выдавший виды капитан милиции без волнения все же не мог.

— Ну? — кашлянув и по привычке погладив ус, нетерпеливо произнес он.

— Знаешь, — несколько задумчиво произнесла Яна, — наверное, это не телефонный разговор. — Лучше нам встретиться. Тебе все равно за машиной в наш край заезжать, вот и заскочишь.

— Хе, — посмеиваясь, ответил Семен Семеныч, — я машину-то уж забрал. С утра. Рано.

— А чего не заехал? — удивленно протянула Яна.
— Будить тебя не хотел.
— Ну тогда через час я буду в кафе «Василиса» на Проспекте. Жду тебя там, — мгновенно решила Милославская. — О кей?
— Ну, Янка, ты как всегда!
— Согласен или нет? — не дала ему договорить гадалка.
— Нет, — посмеиваясь, игриво ответил Руденко. — Куда ж я от тебя денусь-то?!

Семен Семеныч вдруг резко переменял тон и тихо спросил:

— Что-то серьезное?

— Я когда-нибудь беспокоила тебя по пустякам? — ответила Милославская и положила трубку.

Через пятнадцать минут она уже была готова. Оставалось только покормить как следует Джемму. Яна вполне предполагала, что в предстоящем деле могут понадобиться ее силы, а потому собака должна была быть в форме.

Джемма, радостно предчувствуя свое участие в хозяйкиной деятельности и будучи уставшей от пассивного времяпрепровождения, торопливо поглощала шарики корма и вопросительно то и дело поглядывала на Милославскую, как бы спрашивая, дает ли она ей еще время или уже пора идти.

Яна потушила везде свет, выключила из розеток все электроприборы, перекрыла газ, по-боевому перекинула сумку через плечо, и кивнула собаке на выход. Та величаво повернулась и важной поступью, зная, что Яну задержит еще закрывание замков и засовов, пошла вперед.

Несколько десятков минут в такси, и Милославская была невдалеке от назначенного места. Она расплатилась с водителем и торопливо (час с момента разговора с Семеном Семенычем уже истек), потуже натянув поводок, удерживающий Джемму, зашагала по Проспекту. Дождь уже прекратился, лишь слегка прибив пыль и испортив некоторым настроение.

Проспект Кострикова — в народе его называли просто Проспектом — был одной из главных улиц города. По ней запрещалось автомобильное движение, и горожане с удовольствием предавались тут гуляниям. На каждом шагу кафе, магазины, бары, казино, салоны красоты — от обилия вывесок просто рябило в глазах, и заскучать здесь было просто невозможно...

Джемма шла чуть позади Милославской, и люди расступались, приближаясь к ним, пораженные размерами Яниной любимицы и ее грациозностью. Проспект шумел своим многоголосием: звякали колесами

тележки, толкаемые пьяными грузчиками, в киосках с аудиопродукцией грохотала музыка, что-то выкрикивали владельцы многочисленных лотков, нищий слепой пытался заработать на кусок хлеба своим надрывным пением под гармошку; людские голоса сливались в одно целое с цокотом тысяч дамских каблучков, создавая ни с чем не сравнимый гомон и гул. И если бы кто-то взглянул на все это откуда-то сверху, то наверняка сравнил бы увиденную картину с ульем или муравейником, в котором чья-то случайно закончившаяся жизнь ничего не значила. Пахло хот-догами и горелыми чебуреками...

У Милославской с Проспектом были связаны свои воспоминания, и не только личные, но и профессиональные. Эта улица являлась, конечно, культурным центром. Но каждый горожанин прекрасно знал, что расследование многих уголовных дел приводило сыщиков именно сюда. Поэтому некоторые называли Проспект и криминальным центром тоже.

Еще издалека гадалка увидела Руденко. Он был уже взволнован ее опозданием и ходил мимо «Василисы» из стороны в сторону, без конца поглядывая на часы. Джемма, заметив знакомый силуэт, радостно гавкнула. Семен Семеныч сразу поднял голову, остановился и, нервно подергивая коленом, стал дожидаться окончательного приближения Яны.

— Ну ты чего? — протянул он вместо приветствия и снова посмотрел на часы.

— Место занял? — не отвечая, озираясь по сторонам, спросила гадалка.

— Вон, — кивнул Руденко в сторону свободного стола, стоящего среди других, около кафе, на улице, под навесом. По просьбе Семена Семеныча, на стол официанты выставили табличку «Стол заказан».

— В помещении все занято? — спросила Милославская.

— Предполагал, что ты придешь не одна, — ответил Семен Семеныч, глянув на Джемму. — В таком сопровождении даже мента в само кафе не пустят.

— Ты прав, — сказала Яна. — Ну что ж, тут даже лучше. Свежо... Идем.

Милославская разместилась за столиком, привязав Джемму к одному из столбов, подпирающих большой клеенчатый навес, и приказав ей сидеть смирно. Руденко пошел распорядиться насчет заказа.

— Ну, что там у тебя? — спросил он, вернувшись с двумя чашками кофе.

— Ты сядь, сядь, — не ответила сразу Яна, — разговор коротким, наверное, не получится.

— Интригуешь, — укоризненно покачивая головой, протянул Три Семерки, отодвигая стул.

— У меня к тебе сначала такой вопрос, — начала гадалка, помешивая ложечкой кофе. — Можешь ли ты узнать место, которое я тебе сейчас опишу? Бывал ли ты там? Слушай внимательно, — Милославская принялась описывать увиденную во время гадания территорию.

Семен Семеныч сначала хотел сказать что-то ироничное в Янин адрес, но она так увлеченно взялась за дело, что его иронии просто не осталось места, а тон гадалкиного рассказа настроил его на по-настоящему серьезный лад.

— А зачем тебе? — удивленно спросил он, когда Яна закончила.

— Нет, ну ты знаешь это место или нет?! — взволнованно парировала Милославская.

— Ну-у-у... — Семен Семеныч стал выдвигать разные предположения.

Их у него было несколько. Гадалка с радостью согласилась выслушать все до единого. Руденко прекрасно знал город и его окрестности, поэтому в этом деле на него можно было положиться.

Прихлебывая кофе, Три Семерки подробно стал анализировать каждую свою версию. Яна делала кое-какие дополнения и поправки, и версии отпадали одна за другой, пока приятели не дошли до названной Семеном Семенычем территории оптово-розничных складов под названием «Садко». Раньше, как заметил Руденко, на месте «Садко» располагался какой-то завод. Вернее, он и теперь там был, только не функционировал, а простаивал, и чтобы не разориться окончательно, большую часть своих «угодий» сдавал в аренду названной оптовке.

База «Садко» имела налаженную систему работы, хорошие торговые связи, авторитет у жителей близлежащих районов, развитый штат сотрудников и, главное, несколько грузовых автомобилей и мастерскую для них... Как оказалось, Руденко, заехавший однажды в «Садко» по работе и не сумевший завести свою «шестерку», вынужден был даже туда обратиться. Ему, как представителю органов, отказывать не решились, и пока шел ремонт машины, он скучал и невольно изучал нехитрый интерьер автомастерской.

— Пожалуй, «Садко» — самое реальное из всего, — заключил в итоге Семен Семеныч.

— Ах, если бы все совпало! — улыбаясь во весь рот, шепотом воскликнула Милославская. — Это надо проверить! — добавила она серьезнее.

— Так и знал! — сказал Руденко.

— Ну так ты согласен?

Три Семерки просто развел руками.

ГЛАВА 22

— Загружайся! — скомандовал Семен Семеныч, открывая перед Яной дверцу своего автомобиля.

— Починили? — с усмешкой, вспоминая вчерашний вечер, спросила гадалка.

— Почини-или...

Три Семерки сел за руль, и «шестерка» тронулась вперед.

— Мы прямо как цари! — сказала Милославская, видя, как многочисленные прохожие Проспекта расступаются перед машиной Руденко. — Разве это не запрещено?

— Человеку в погонах — нет, — выворачивая на перпендикулярную Проспекту улицу, ответил Руденко. — Не мог же я свою милашку без присмотра где-нибудь бросить, — сказал он несколько позже в свое оправдание. — Загнал в подворотню. Кому от этого плохо?

— Ты подрываешь доверие граждан к российской милиции, — с шутливой серьезностью ответила гадалка. — Диктатура закона, как сказал наш любимый губернатор...

— Да ну его в ж... Ой! Извини, Яна, вырвалось.

«Садко» находилась в противоположной стороне города, мало знакомой гадалке. Она бывала там несколько раз, но четкого представления ни об улицах, ни об их расположении не имела. Как в реальности выглядит названная приятелем оптовка, Яна вообще представления не имела. Милославская с нетерпением ждала приближения к ней, желая поскорее убедиться в правоте предположений Руденко и боясь снова разочароваться.

Семен Семеныч, кажется, пришел в одно из лучших состояний своего духа и ехал, насвистывая что-то себе под нос. Когда пышные центральные улицы сменились более скромными кварталами, он умолк и сосредоточился.

— Это тут, — повторил он через некоторое время несколько раз, заметно сбавив скорость и глядя куда-то вправо.

Яна молчала, боясь помешать ходу руденковских размышлений.

— Гляди в оба, — сказал он ей через некоторое время. — Это твое заколдованное место?

— Не знаю... — неуверенно и задумчиво ответила Милославская, пытаясь увидеть знакомые черты в виднеющихся вдалеке очертаниях каких-то производственных помещений. — Нужно поближе подъехать,

ведь окрестностей я не знаю.

— Поближе так поближе, — пробормотал Руденко, резко вывернув руль при повороте на более узкую асфальтированную дорогу, вдоль которой вольготно разросся высокий густой бурьян.

Тротуар тут отсутствовал, и пешеходы двигались прямо по обочине дороги, поэтому Семену Семенычу приходилось ехать не спеша, осторожно, иногда сигналив самым неосмотрительным. Милославской это не очень нравилось, так как не хватало терпения спокойно наблюдать за тем, как кто-то мешает ей поскорее добраться до желанного места. Она с трудом держала себя в руках, чувствуя острое желание выругаться на того, кто лез прямо под колеса.

Наконец, «шестерка» Семена Семеныча подкатила прямо к распахнутым, но перегороженным шлагбаумом большим металлическим воротам оптовой базы. «Въезд платный. Тридцать рублей», — прочитала на них гадалка.

Пешие покупатели спокойно и беспрепятственно проходили в калитку, которая располагалась левее ворот.

— Проедем или тут машину оставим? — спросила Яна приятеля, видя многочисленные автомобили, тесно стоящие вдоль обочины.

— Проедем, — ответил Руденко и посигналил.

Из серой облезлой будки тут же показался небритый низкорослый паренек в обвислом трико и мятой белой футболке. Сильно сутулясь, он подошел к машине и наклонился к приоткрытому Семеном Семенычем окну. Тот неохотно протянул ему тридцатку, заблаговременно выуженную из кармана брюк и деловито покашлял. Паренек немного замешкался, видя человека в милицейской форме, но, заметив нетерпеливый убедительный ясный взгляд Милославской, не предвещающий, как ему показалось, ничего дурного и не кроющий в себе никакой корысти, деньги взял и жестом велел своему напарнику открыть шлагбаум, загораживающий въезд на территорию. Машина Руденко медленно тронулась с места.

Не проехали приятели и десяти метров, как Яна радостно воскликнула:

— Оно! Кажется, это оно! Поезжай вон туда! — указала она рукой на стоящую вдалеке цепь одноэтажных зданий, неухоженных, серых и неприглядных, похожих на заводские склады, тех самых, что явились ей в видении.

Однако двигаться вперед было не так-то легко: не один Руденко пытался это сделать, к тому же многочисленные покупатели сновали туда-сюда со своими доверху набитыми авоськами прямо перед носом машины,

да и грузчики пытались перегородить дорогу тележками, которые они с трудом толкали впереди себя.

— Ну же! Ну! — выкрикивала гадалка, теряя в иной миг терпение и гневно глядя на Три Семерки.

— Ты меня под монастырь подвести, что ли, хочешь? — тем же тоном отвечал он ей, утирая пот, но все же умудряясь проскочить между, казалось, непреодолимыми преградами.

Хорошо ли, плохо ли, но машина Руденко постепенно приближалась к цели, заставляя Милославскую волноваться все больше и больше.

— Ну, точно! — вскрикнула гадалка, когда «шестерка» остановилась у крайнего из складов. — Его я видела!

Семен Семеныч посмотрел на подругу немного скептически, но едва заметно, пытаясь скрыть это, все же улыбнулся.

Приятели вышли из автомобиля и одновременно окинули представшую перед ними картину взглядами, полными самых невероятных ожиданий.

Яна вспомнила сырое, холодное помещение из видения. В нем царил полумрак и пахло чем-то техническим, а вдоль стен в беспорядке лежали разные автодетали. Гадалка задумалась, какое из смотрящих прямо на нее помещений могло оказаться им. Как ей сейчас представлялось, перед ней не было ничего подобного. В первое несколько мужчин в спецодеждах таскали из грузовика коробки с какой-то кондитерской продукцией, аппетитно пахнувшей ванилью. Из второго грузчики выносили упаковки с канцтоварами. Следующие три по всем приметам также не могли быть местом, где посередине помещения мог находиться увиденный Яной старый грузовик. В какую-то минуту гадалке показалось даже, что первая ее радостная уверенность не больше чем самообман, но она привыкла проверять все основательно, поэтому не собиралась так скоро сдаваться.

— Стоп! Стоп! Стоп! — прервал ее размышления Три Семерки. — Насколько я помню, мастерская была в том здании, — Семен Семеныч указал на предпоследнее здание слева от себя.

— Вон то? — разочарованно переспросила Милославская. — То, на котором вывеска с рекламой «Тайда»? Да там теперь идет бойкая торговля...

— Угу, — кивая, подтвердил Семен Семеныч.

— И что же делать? — протянула Яна. — Я же ее видела! Видела! Видела! — раздраженно повторила она несколько раз.

Гадалка на мгновение задумалась и вдруг решительно скомандовала растерявшемуся было Руденко:

— Вперед! — вслед за чем сделала несколько уверенных шагов.

Тот как-то несмело последовал за ней, потом приостановился задумчиво и, видимо найдя внутри себя какие-то ободрительные слова или убедительные доводы, торопливо зашагал за подругой, привычно тронув усы.

Через пару секунд Руденко и Милославская вместе с многочисленной массой посетителей базы «влились» в одно из помещений, плохо освещенное и дурно пахнущее. Впереди них простирался далеко вдаль неширокий с высоким потолком коридор. Со всех сторон толкались, и Руденко, сердито хмурясь, недовольно поглядывал на Милославскую. Яна замечала это, но не подавала виду и с уверенным выражением лица продвигалась вперед.

Вдоль стен стояли лотки с продуктами, с которых торговали и оптом, и в розницу. Торговали всем: консервами, соленой рыбой, пряностями, чаем, кофе, куриными окорочками, конфетами, крупами и прочим. Некоторые продавцы смело выкрикивали призывные фразы, пытаясь привлечь к себе побольше покупателей. Гадалка временами поднималась на цыпочки, из-за кучкующейся у прилавков толпы пытаясь разглядеть, что ожидает их впереди.

Как оказалось, все те помещения, которые Яна недавно осматривала с улицы и которые имели каждое свой отдельный вход, были к тому же внутренне связаны между собой и плавно переходили одно в другое.

— Тут все по-новому... — прокомментировал увиденное Семен Семеныч.

Коридор несколько раз завернул, потом перешел в ряд гораздо более просторных отсеков, до самого потолка заставленных разными коробками, среди которых одинокими свечками торчали скучающие продавцы. Тут торговали только оптом и было не таклюдно, скорее даже пустынно.

Милославская в сопровождении некогда бравого, а теперь откровенно раздраженного Руденко, своим торопливым и взволнованным видом привлекала к себе внимание продавцов, которые, заметив их, начинали перешептываться между собой.

— Женщина, вы куда? — окликнул приятелей грубоватый женский голос, когда они вступили в очередной торговый зал.

Яна обернулась.

— Дальше ничего нет, — с усмешкой пояснила им женщина, выглядывающая из-за высокого железного прилавка.

— Как? — растерянно спросила гадалка.

— Вот так, — улыбаясь, развела та руками. — Это последний зал.

— Хм, — сдвинув брови, произнес Руденко.

На некоторое время установилось молчание.

— А во-он та дверь куда ведет? — спросил он вдруг, указывая куда-то на стену, находящуюся позади заговорившей с ними женщины.

Милославская заметила, что там и впрямь находится какая-то дверь, и любопытно вперила глазами в продавца.

— Эта-то? — обернувшись, без каких-либо ужимок произнесла та и махнула рукой: — Там нет ничего.

— Как нет? А зачем дверь? — поинтересовалась Яна.

— Там для покупателей ничего нет, — протяжно и снисходительно пояснила собеседница приятелей. — Там гараж, мастерская то есть.

— Гараж?! Автомастерская?! — в один голос воскликнули приятели и на мгновенье замерли.

— Автомастерская, — удивленно, переводя взгляд с Руденко на Милославскую, а с Милославской на Руденко, повторила та.

Семен Семеныч вдруг уверенным твердым шагом направился к прилавку и, подойдя к нему вплотную, грозно произнес, глядя женщине прямо в глаза:

— Позвольте пройти.

Вслед за этими словами он зачем-то — форма и так о многом говорила — достал удостоверение и в развернутом виде протянул продавцу. Та и без того уже стояла с округлившимися глазами, а теперь и вовсе опешила.

— Да пожалуйста, проходите, — забормотала она. — Только куда?

— А во-он к той двери, — приблизившись, сказала Милославская.

— Вы в мастерскую пройти хотите? — тихо спросила продавец.

— Угу, — чувствуя теперь себя хозяйкой положения, деловито ответила гадалка.

— Так вам туда не войти. Ключи от этой двери только у директора базы. Дверь эта — внутренняя, для особых случаев. Все через ворота проходят...

— Какие ворота? — протянула Яна.

— Обыкновенные.

— А где они? — с глупым видом, разведя руками и оглядываясь по сторонам, раздраженно произнес Три Семерки.

— С улицы.

— С какой еще улицы? — устало протянула Милославская.

— Ну с улицы. Не со двора базы, а с улицы. Нужно «Садко» с той стороны обойти, — женщина жестом указала, как и где это надо сделать. — База расширилась, — добавила она, став словоохотливой, — и пришлось

мастерскую перенести. Да и сподручнее там машинам-то заезжать. Тут вон скученность всегда какая! Не пройти, не проехать... Извините, а что, разве что-то случилось? — с осторожностью спросила она, через пару секунд молчания перейдя на полусшепот.

На ее вопрос никто не ответил. Руденко с Милославской развернулись и пошли отыскивать ворота, ведущие в мастерскую. «Если закрыты, — решила про себя Яна, — пойдём к директору, за ключом от двери или ворот». То же самое мысленно произнес и Три Семерки. Только он в заключение незаметно для себя самого вполголоса добавил:

— Сделаем обыск.

— Что? — переспросила гадалка.

Семен Семеныч промолчал, задумавшись над ходом дальнейших действий. Намерения у него были самые серьезные.

ГЛАВА 23

— Здравствуйте, мужчины! — бойко воскликнула гадалка, поставив руки в бока.

Трое разговаривающих между собой молодых людей одновременно оглянулись. В дверях гаража стояла Яна Милославская. Она чуть заслонила собой Семена Семеныча, который в этот момент заботливо прикрывал одну из створок ворот, и улыбочиво поглядывала на них. Джемма послушно присела у ног хозяйки, стараясь выглядеть доброжелательно.

К этому моменту гадалка уже мысленно заключила, что находится именно в том месте, которое она видела во время гадания. Тот самый знакомый грузовичок стоял на смотровой яме. Это придало ей уверенности в себе и оптимизма. Все существо ее торжествовало.

Никто сразу не нашелся, что ответить незнакомой и столь смелой женщине — пораженные ее несколько фамильярным приветствием и видом огромного животного, все трое молча изучающе глядели на незваную гостью, не замечая пока вполне человека, ее сопровождавшего.

— Работаете? — в том же тоне продолжила Яна, сделав несколько шагов вглубь гаража. — Бог вам в помощь!

Мужчины немного расступились и посмотрели на нее еще более удивленно.

— Ну и кто тут из вас старший? — спросила Милославская.

— А ты чего хотела-то? — наконец поинтересовался один из них, игриво улыбаясь, вытирая замасленные руки о поднятую с пола тряпку.

— Да дело есть, — вздыхая и небрежно оглядываясь о сторонам, протянула Яна.

Мужчины, словно только заметив Руденко, посмотрели на него и как-то одновременно нахмурились. Милославская сначала приняла это за особый знак, подтверждающий их причастность к интересующему ее вопросу, но потом, решив, что ментов народ вообще не любит, не стала придавать этому факту особого значения.

— Ну так с кем я могу поговорить? — пристально посмотрев на молодчиков, более настойчиво произнесла Яна.

— Смотря о чем, — с ухмылкой ответил ей один из них, красивый, высокий парень в форменной спецовке. — Вася, — представился он и, косясь на Джемму, протянул гадалке руку, вытерев ее о штанину.

— Яна Борисовна, — в тон ему ответила Милославская и

поздоровалась с Васей по-мужски, крепко стиснув его большую шершавую ладонь, сверкнув глазами и давая понять, что разговор предстоит серьезный.

Вася ухмыльнулся уже не так уверенно и оглянулся на своих товарищей. Они, видимо, не имели никакого отношения к работам, производимым в гараже, и к гаражу вообще, поэтому, почувствовав, что дальнейшее пребывание здесь может грозить им какими-то неприятностями, коротко попрощались с Васей и не спеша вышли на улицу.

— И что же вы хотели? — пытаюсь выглядеть снова веселым и легким в общении, спросил Вася, прикуривая.

Яна не успела и рта раскрыть, как Руденко, поправляя фуражку, за нее сказал:

— Нам надо ваш гараж осмотреть.

Парень округлил глаза. Такого он явно не ожидал и переводил взгляд с гадалки на собаку, с собаки на Семена Семеныча и обратно.

Не дав Васе собраться с мыслями, Семен Семеныч достал свое удостоверение и развернул перед ним.

— Семен Семеныч Руденко, значит? — сощурился, прочитал Василий, пытаюсь сообразить, в чем дело. — Будем знакомы, — добавил он и протянул Янину товарищу руку, которую тот пожал только слегка, даже как-то пренебрежительно, как и гадалка. Представитель власти давал понять, что разговор на короткой ноге не получится.

Василий, что приятно удивило Мирославскую, не стал спрашивать полагающегося, но отсутствующего у приятелей ордера на обыск и, разведя руками, сказал:

— Ну что ж, осматривайте, пожалуйста.

— Только я не понимаю, в чем дело, — добавил он, хмыкнув, когда Руденко убрал свое удостоверение и сделал шаг вперед. — Поясните, может быть? — Вася сел на маленький деревянный табурет и, притушив об пол сигарету, лукаво посмотрел на гостью.

Гадалка сразу же задалась вопросом о том, почему этот молодой мужчина так легко согласился на обыск гаража. «Или мы опоздали, — тут же заключила она, — или он о пушке ни сном ни духом». Яна пристально посмотрела на Василия. Внешне он был почти совсем спокоен, только глаза смотрели вопросительно. «Матерый, может быть? — подумала Яна, удивляясь его самообладанию. — А если я сейчас сразу прямо к яме подойду, — спросила она себя, — дернется он?»

Мирославская, веря картам, знала, где надо искать, но не считала

правильным бросаться сразу к тому месту, не изучив всего остального. Собрав всю свою волю, она старалась выглядеть спокойной и уравновешенной и решила так сразу не провоцировать Васю на резкие выпады, дабы не испортить дело. Ведь многое ей самой тут было непонятно.

Руденко зачем-то принялся ковыряться в железках, грудой сваленных в углу. Джемме, судя по ее поведению, тоже не терпелось заняться поиском. Яна же, настойчиво удерживая ее, спросила парня:

— А вы, простите, к этому месту какое имеете отношение?

В тот же миг вопрос ей самой показался очень глупым, однако мужчина деловито, спокойно ответил:

— Я? Я завгар.

— О-о-о! — иронично протянула гадалка, про себя радостно подумав, что сразу напала на птицу важную. — Я приятно поражена. А те молодые люди, мастера по ремонту, должно быть? — спросила она, кивнув на выход, хотя так и не считала.

— Нет, это просто знакомые, они тут грузчиками работают.

— А где же тогда мастера? — по-прежнему игриво поинтересовалась Милославская. — Ведь тут, кажется, машины ремонтируют?

— Иногда ремонтируют, — поправил ее Василий. — В случае острой необходимости. Тут вам не автосервис.

Немного помолчав, он добавил, отвечая на Янин вопрос:

— Один на больничном — ребро сломал, один в отпуске, а у третьего выходной сегодня.

— И как же вы один? Справляетесь? — Янин голос выразил сомнение. Взглядом она обвела стены гаража.

— Справляюсь, — сухо ответил Василий, видимо, не желая распространяться на эту тему.

— Понятно... — тоже сухо ответила гадалка, изменившись в лице.

— А я вот ничего не понимаю! — воскликнул Василий, видя, как Руденко многое уже проверил и теперь по-хозяйски перебирал содержимое небольшого шкафчика, стоящего у стены. — Объясните, в чем дело? Вы мне так ничего и не сказали...

Вид у парня был тревожный. Кажется, он только сейчас понял, что визит милиции, да еще и с такой собакой, ничего хорошего предвещать не может.

— Ой, у вас тут и яма смотровая есть, — перебив, протянула Милославская, пристально глядя в лицо Василия.

— Есть, — с вызовом ответил он.

— И часто вы ей пользуетесь?

— Нечасто. Но пользуемся.

— А почему нечасто?

— Как начальство велит, так и делаем.

— А посмотреть ямку можно? — переходя на полусшепот, с полуиздевкой спросила Яна.

— Ха-ха-ха-ха! — Василий зашелся каким-то истерическим смехом. — А зачем? Скажете вы наконец?

— Скажем! — вступил в разговор Руденко, деловито покручивая ус. — Поступил сигнал о незаконном хранении в вашем гараже оружия... — Семен Семеныч вперился глазами в Василия.

— Чего-о? — протянул тот, рассмеявшись еще сильнее. — Чего-чего? — приподняв брови, переспросил он.

— Напрасно смеетесь, — строго оборвала его Милославская, — дело-то серьезное. Отгоните машину с ямы!

— Но я не имею права!

— Почему это? — язвительно спросила Яна.

— Ее сюда поставил сам шеф, трогать не велел. А он человек слова. Против пойдешь — в момент уволит. Мне моя работа дорога-а-а...

— Кто для вас важнее: ваш шеф или милиция?! — взбешенно заорал Руденко. — Убирайте машину, говорю!

Василий остолбенело посмотрел на него, потом на гадалку, не узнавая ее. В лице Яны не было теперь первоначальной насмешливости и игривости.

— Да ищите, ищите, сколько хотите! — с пафосом протянул парень, пройдя к грузовику. — Тут всего полно. Может, и оружие найдете, — насмешливо заключил он.

Гадалке его поведение не нравилось, и она уже не знала, чего далее ожидать. Тень сомнения закралась в ее мысли.

— Джемма, вперед! — строго сказала Милославская, как только машина съехала с ямы, и выпустила натянутый поводок, указав собаке направление поисков.

Овчарка тут же, в два прыжка, оказалась в маленьком подземелье.

— Семен Семеныч, подстрахуй, — бросила Яна приятелю и подбежала к яме.

Три Семерки понял подругу с полуслова. Не пристало, конечно, очаровательной даме всякие там ямы исследовать, когда рядом кавалер стоит, но, пока Джемма была внутри ямы, а Милославская наблюдала за ней, кому-то следовало приглядеть и за Василием.

Сердце гадалки бешено колотилось, во рту вмиг пересохло. Она так боялась нового промаха, что готова была от нетерпения прыгнуть вслед за своей собакой.

Джемма внизу молча заскребла когтями, потом вдруг тихо, предупреждая зарычала.

— Она немного покопала или отодвинула что-то и, кажется, нашла! — прокомментировала гадалка.

Василий собрался было закурить и уже потянулся за сигаретой, как вдруг раздался лай, сначала негромкий, а потом просто оглушительный. Парень вздрогнул и выронил сигаретную пачку.

Руденко не терпелось увидеть, что же такое там происходит с собакой, однако он держал Василия «на прицеле», готовый в любой момент к самым активным действиям.

— Стой! Стрелять буду!

— Джемма, милая, что там?! — закричала Милославская.

Собака заскулила.

— Что это?! Что? — радостно взвизгнула гадалка, не видя еще, что обнаружила ее собака, но радуясь уже самому факту находки.

Василий весь вытянулся, устремив взгляд в сторону ямы. Казалось, он готов был броситься туда.

— А ну сто-ой! — угрожающе поджав губы, протянул Руденко, сверкнув глазами.

— Чего там? — спросил у него парень, побледнев.

Милославская опустилась на колени и переняла из Джемминых зубов какой-то сверток. Руки ее дрожали.

— Вот! — радостно воскликнула она, показывая сверток приятелю. — Тяже-олое!!!

Через мгновенье рядом с ней уже стояла Джемма и, высунув язык, гордо смотрела на свою хозяйку.

В этот миг в воротах гаража неожиданно появились двое мужчин, шумно переговаривающихся между собой. Овчарка громко залаяла на них. Оба, увидев представшую перед ними картину, оцепенели.

— Пройдите, граждане. Нам как раз нужны понятые, — хладнокровно сказал им Руденко, но те не сразу тронулись с места.

— Пройдите, пройдите! — сердито повторил Семен Семеныч и, когда те сделали пару шагов, спросил: — Кто такие?

— М-мы? — испуганно спросил один. — Да мы покупатели просто. Ищем, где тут пиво оптом продают...

— Пивом потом заниматься будете. Ближе подойдите! — скомандовал

Три Семерки.

Яна стала осторожно разворачивать маслянистую тряпку, в которую был завернут неопределенный предмет. Блеснул один его край, и гадалка сразу узнала в этом блеске ту самую обжигающую черноту из видения. Сердце ее застучало еще сильнее, кровь бросилась в лицо.

— Есть! — не сдержавшись, выкрикнул Руденко, когда покров с таинственного предмета был снят.

— Что вы видите? Что вы видите? — почти крича обратился он к понятым, беря предмет в свои руки так, чтобы касаться только тряпки, а не его самого.

— Автомат, — сказал один еле слышно.

— П-придурок, — заикаясь, выпалил второй, — это же к-карабин.

— Чего-о? — не с ужасом, а скорее с возмущением протянул Василий. — Какой еще карабин?!

Он сделал несколько шагов в направлении Милославской и в ужасе застыл на месте, поняв, наверное, наконец, что увиденное им никоим образом не обман воображения. «Прекрасно играет роль!» — отметила в этот миг про себя гадалка.

— Этот предмет принадлежит вам? — строго спросила Яна.

— Что? — переспросил Василий.

— Вам знаком этот предмет? — повторила Милославская.

— Вы что, издеваетесь? — осипшим голосом парировал завгар.

— Как вы объясните нахождение тут этого предмета? — строго и настойчиво произнесла гадалка.

— Да не знаю я ничего! — вскрикнул Василий и схватился руками за голову.

— А кто должен знать? — с тихой издевкой спросил Три Семерки, подойдя к нему вплотную. — Кто? Не вы ли заведующий этого учреждения? — Руденко комичным жестом обвел помещение гаража.

— Не знаю ничего! Не зна-ю! — в панике снова закричал Василий.

— Понятно, — тихо сказал Руденко. — Это разговор бестолковый. Поедем в отдел. Там будем разговаривать. Понятые, — выразительно обратился он к обезумевшим свидетелям происходящего, — задержитесь немного. Сейчас составим протокол, и вы его подпишете.

— Да мы... Да что... — замямлили те.

— Ничего не поделаешь, порядок такой, — с деланным сочувствием произнесла Милославская.

Радость переполняла ее, хотя толком она не могла еще сказать, чем, собственно, могло обернуться для ведомого ею расследования нахождение

этого оружия и что оно вообще во всей этой истории значило.

Семен Семеныч вызвал наряд милиции, положив у своих ног счастливую находку, тяжело опустился на тот самый маленький табурет, на котором совсем недавно по-хозяйски сидел Василий, и принялся составлять протокол. Понурые понятые угрюмо стояли около него, Василий, прислонившись к стене, возмущенно говорил что-то. За ним пристально следила Джемма, поэтому резких движений делать он не решался.

Торопливым движением ручки Руденко вскоре заполнил весь лист крупными, тесно прилегающими друг к другу буквами и протянул его для подписи Милославской, а затем и понятым, которые, наверное, в тот миг проклинали повод, приведший их на эту базу.

Семен Семеныч отпустил понятых, помимо протокола, записав себе в блокнот их данные и под страхом уголовной ответственности приказав держать язык за зубами, и снова, в надежде, что без свидетелей тот станет более словоохотливым, обратился к завгару:

— Ну что, Вася, так ничего и не надумал?

— Да вы что?! — в изумлении воскликнул тот. — Да вы за кого меня принимаете?! У меня семья, дети!

— Понимаем, — вкрадчивым голосом сказала гадалка, — детей кормить надо, жену тоже...

— Да вы к чему клоните-то?! — вскрикнул завгар, стукнув по стене кулаком.

Джемма сорвалась было с места, но Яна успела остановить ее, бросив привычное «Фу!».

— К чему вы клоните? — тише заговорил Василий, косясь на собаку.

— К тому, что у вас был вполне по-человечески понятный мотив, для того чтобы зарабатывать больше, — покачивая головой, проговорила Милославская. — Только такой вид заработка противоречит закону! — сверкнув глазами, закончила она.

— Какой еще мотив?! Да вы что?! Куда вы клоните?! Это клевета! — краснея и задыхаясь от ярости, прохрипел завгар.

— Оставь его, Яна Борисовна, — махнув рукой, — сказал Руденко. — В отделе с ним по-другому поговорят. — Закрывай свою богадельню, — подымаясь, сказал он Василию, — и давай на выход!

— Как?! — удивленно воскликнул тот. — Вы должны поставить в известность моего шефа!

— А вот насчет того, что и кому мы должны, это уже не твоя забота, — ответил ему Три Семерки и кивнул на выход.

Семен Семеныч наклонился, осторожно поднял с полу карабин, не

касаясь оружия пальцами, снова замотал его в тряпку и огляделся. Увидел большую брезентовую сумку и, не спрашивая разрешения, взял ее, опустил туда карабин и застегнул на сумке молнию. Приподнял ее два раза, как бы взвешивая, и, довольный, усмехнулся.

Завгар взял с полки тяжелую связку ключей и тихо побрел вслед за Руденко. Выйдя на улицу, он огляделся вокруг, словно ища чьей-то поддержки или помощи. Но везде мельтешили только суетливые покупатели, которым не было абсолютно никакого дела до того, что сейчас происходит в жизни какого-то там Василия.

Василий закрыл ворота и, зло посмотрев на Руденко и Милославскую, протянул им руки.

— Вяжите! — сказал он.

— Ты о наручниках, что ли? — Три Семерки рассмеялся. — И так никуда не денешься! — Семен Семеныч погладил Джемму по холке. — От нее, — он кивнул на собаку, — никто еще не уходил. Так что не переживай. Будь спокоен.

Завгар нервно дернул плечом и пошел впереди гадалки и ее приятеля. Он угрюмо смотрел себе под ноги; две глубокие складки, мгновенно образовавшиеся между его бровей, выдавали упорную мыслительную работу.

Руденко с Милославской шли позади, не решаясь пока переговариваться между собой и думая об одном и том же, иногда радостно поглядывая на сумку. Прекрасно зная о сказочных способностях Джеммы, они все же не теряли бдительности и пристально наблюдали за каждым движением подозреваемого — Три Семерки, готовый броситься на него, а Яна, готовая дать команду своей собаке.

— О! А вот и наши! — воскликнул Семен Семеныч, когда они уже подходили к воротам базы.

Василий сразу весь съезжился, Милославская невольно расплылась в улыбке, а Джемма, победоносно вытянув спину, радостно завиляла хвостом, верно поняв интонацию голоса Руденко и настроение своей хозяйки.

Один из оперов разговаривал с пареньком, который еще недавно пропускал внутрь машину Семена Семеныча, и не видел еще Руденко.

— Строганов! — крикнул ему Три Семерки, и тот сразу обернулся.

Семен Семеныч, а вслед за ним и остальные ускорили шаг.

— Вот! — указал Руденко на Василия. — Еще тот субчик, — добавил он деловито. Сажайте его в машину. В отделе будем беседовать, — Три Семерки подморгнул Строганову и кивнул на брезентовую сумку, тряхнув

ею.

— Все как положено? — тихо строго спросил тот.

— Ну-у-у, — многозначительно протянул Семен Семеныч, — с небольшими вариациями, — улыбаясь, шепнул он.

Строганов, махнув рукой, так же шепотом ему ответил:

— Ладно, в отделе разберемся.

— Ребята, — крикнул он остальным, сидящим в машине.

На него через стекло сразу вопросительно посмотрели несколько пар глаз.

— Берите его! — приказал Строганов, кивнув на Василия. — Я поеду в машине Руденко.

Двое бравых крепких мужчин одновременно выпрыгнули из задних дверц и уверенно направились к Василию.

— Да что же это?! — возмущенно и одновременно беспомощно заговорил он, но, увидев бесчувственные лица приближающихся к нему людей, решил не продолжать своей мысли. А то ведь себе дорожке окажется.

Завгару надели наручники и усадили на заднее сиденье, подтолкнув в спину, хотя он и не сопротивлялся. Мотор автомобиля заревел, и он тронулся с места.

Строганов сел в «шестерку» рядом с Руденко, и, когда тот нажал на газ, спросил:

— Ну, чего там у тебя? Я толком-то и не понял.

— Яна Борисовна, — обратился Семен Семеныч к подруге, разместившейся сзади, глянув на нее в зеркало.

Милославская сразу поняла намек приятеля и расстегнула молнию на сумке, которую Три Семерки положил рядом с ней.

— Е-о-о-о! — схватившись за голову и зажмурившись, протянул Строганов, сразу угадав в очертаниях замотанного в тряпку предмета карабин. — Ну, вы даете! — с улыбкой добавил он.

— Семен Семеныч, ты меня у «Океана» выкинь. Я до дома сама соберусь, — сказала Милославская.

— Как, Яночка, вы не с нами? — спросил ее Строганов.

— Я с вами душой, — с улыбкой ответила ему гадалка.

— Сема, мы с тобой через пару часов созвонимся, идет? — снова обратилась она к приятелю.

— Как скажешь, — согласился он с ней.

Милославская решила не ехать в отдел, потому что знала, что эти несколько бравых парней во главе с Руденко вряд ли дадут ей сыграть важную роль в допросе. К тому же им нужно было вначале осуществить

кучу всяких формальностей, в то время как она могла спокойно все обдумать и, возможно, прийти к какому-то важному выводу.

Она знала, что сейчас они позвонят директору «Садко», в срочном порядке прикажут прибыть в отдел ему и его заместителям, если таковые имелись, «пробьют» карабин по базе данных, прочитают протокол и сделают еще несколько дел вроде этих в той или иной последовательности, и только потом возьмутся за самого Василия. Яна просто не пожелала быть свидетельницей всего этого. Она могла через пару часов узнать обо всем от Руденко, соотнести полученную информацию со своими соображениями и строить план дальнейших действий.

Вежливо улыбнувшись на прощанье Строганову и серьезно глянув на Три Семерки, она вышла у «Океана», поймала такси и поехала домой.

ГЛАВА 24

Войдя в свой кабинет, Милославская шумно вздохнула и плюхнулась в любимое кресло. Она успела уже принять душ, плотно пообедала и пребывала в неплохом расположении духа. Высоко подняв брови, она улыбнулась, потом нахмурилась и глубоко задумалась.

В ее сознании возник образ найденного карабина. «Тот самый, из видения, — удовлетворенно подумала она, когда улыбалась». Но тут же Яна поймала себя на мысли о том, что нерешенным по-прежнему оставался вопрос, кто и почему отправил на тот свет несчастную старушку. Тут-то она и нахмурилась. Подумать было о чем.

Гадалка вспомнила процесс последнего своего гадания, вспомнила, как, приходя в себя после него, прошептала: «Боже... Какое отношение эта „пушка“ могла иметь к убийству Ермаковой?!» Она и сейчас не могла на него ответить. Гадалка окончательно поняла, что найденный карабин не принес ей удовлетворения и ничего пока не прояснил.

Милославская попыталась вспомнить также, какой вопрос она задавала во время гадания картам. Яна ужаснулась: ведь у нее не вышло спросить ни о чем конкретном. И старушка, и кладоискатель, и кувшин с монетами, «увиденный» ею ранее, смешались тогда в ее мыслях в одну непонятную массу, и карты приняли ее вопрос в сумбурном виде. «Так стоило ли принимать находку на свой счет? — обеспокоенно подумала гадалка. — Может, ответ карт всего-навсего касался дела, о котором так тревожился Руденко?»

Гадалка закурила. Помощь другу — дело, конечно, великое, но ей смертельно не хотелось убедиться в том, что для нее самой время было потеряно напрасно. «Убийство на нашей территории, значит? — мысленно повторила она слова, брошенные не так давно Руденко. — Кладоискатель какой-то... Клуб „Монета“...» Да, Семен Семеныч не на шутку ее удивил. «Кладоискатель небедный был, не простой человечешко, — мысленно повторила Яна, — шеф Семена не зря так о нем печется. Да-а-а, дельце горяченькое. Успехов тебе, Семен Семеныч».

Внезапно зазвонивший телефон заставил гадалку вздрогнуть. Она сняла трубку, но одни лишь короткие частые гудки были ей ответом. Звонок сорвался, и Янина мысль тоже.

— Черт, не люблю, когда мне мешают думать! — сердито пробормотала она, вешая трубку.

На полпути рука гадалки застыла в воздухе. Она вернула ее назад и набрала номер Федотовых, которые наверняка звонили ей в ее отсутствие.

— Да, — услышала она знакомый протяжный Маринин голос.

— Мариночка? Это Яна, — стараясь голосом выразить лишь хорошее настроение, произнесла Милославская.

— Ну как там? Ну что? — посыпались вопросы.

— Знаешь, Марина, мне некогда долго говорить, — солгала гадалка. Тут же она подумала, что поступила нехорошо и, решив сказать что-нибудь более правдоподобное, добавила: — Не могу занимать телефон, жду звонка. Хочу лишь сообщить, что все хорошо. Не переживайте. Скоро загляну.

— М-м-м, — понимающе протянула Федотова.

— Все. Целую, — выпалила Яна и, предупреждая новые вопросы, повесила трубку.

Она должна была дать о себе знать Федотовым, но ей не хотелось сейчас рассказывать обо всем подруге, вдаваясь во все подробности. Не хотелось огорчать ее тем, до чего она дошла в своих соображениях, тем более, что ничего конкретного она и сама еще сказать не могла. Милославская решила, что нужно ждать звонка или приезда Руденко, который во многом, наверное, прояснил бы ситуацию, а потом уже обратиться к Саше и Марине с более подробным отчетом о работе.

Яна закрыла глаза и попыталась привести себя в состояние внутреннего равновесия. Она просила сердце и душу успокоиться, ибо какие-то переживания в этот момент считала напрасной растратой сил. Однако в ее сознание настырно влез вопрос: «Что ты будешь делать, если информация Руденко окажется тебе не в помощь?» Милославская немного подумала над этим и решила: поедет в Багаевку и станет изучать развалины того самого дома по соседству с домом Ермаковой. Это решение ее немного успокоило.

Гадалка сварила себе кофе, уговорила чашечку перед телевизором, который глядела «вполглаза», косясь в ожидании звонка на телефон, бесцельно полистала свежие газеты, извлеченные из почтового ящика и, несмотря на тревогу, чувствуя состояние дремоты, прикрыла глаза.

— Дз-з-зы-ы-ын! — раздалось у нее над ухом.

Яна вскочила и схватила трубку. В висках у нее запульсировало.

— Да! — зажмурясь от головокружения, произнесла она.

— Яна? Руденко, — послышалось в трубке.

— Сема?! Ты? — радостно воскликнула гадалка.

— Не задавай лишних вопросов, — прервал ее Три Семерки тоном, в

котором она почувствовала его торжество, — бери руки в ноги и дуй к нам в кабак, — за голосом Семена Семеныча слышались какие-то гвалт и музыка.

— Какой еще кабак, Семен Семеныч? — недоуменно протянула Милославская. — Ты меня с ума свести хочешь?

— Ничего я не хочу, — Руденко рассмеялся. — Мы тут событие кое-какое отмечаем. Приехать не могу. И разговаривать по телефону тоже. Ну, ты меня понимаешь, — шепотом добавил он. В веселости приятеля Яна сразу почувствовало знакомую ей степень опьянения.

— Короче, — вздохнув, прервала она его, — называй адрес.

— Кафе «У Солохи», улица Московская, — радостно сообщил тот. — Записала?

— Запомнила, — снова вздохнув, протянула гадалка.

— Ну все, жду, — подытожил Семен Семеныч.

— Надеюсь, дождешься? — произнесла Яна, с нравоучением нажимая на последнее слово.

— А? — не понял сначала Руденко, но до него быстро дошел смысл подругиного намека. — Да не-е, Яна, ты чего?! У нас все культурно тут. О чем ты? Брось. Давай, жду.

Милославская прекрасно себе представляла, какие сейчас у Руденко глаза, какой степени красноты лицо и как смешно топорщатся его усы, когда он принимается что-то доказывать. Вешая рубку, она покачала головой и вслух проговорила:

— На самом деле, надо брать ноги в руки, пока он в состоянии рассказать мне обо всем, соблюдая логику.

Яна встряхнула головой, пытаясь избавиться от завладевшей ею слабости, и направилась в ванную. Окатила лицо холодной водой — в голове посвежело. Припудрилась немного, провела помадой по губам, волосы собрала в хвост, чуточку смочила виски духами и сказала, удовлетворенно глядясь в зеркало:

— Почти готова.

Гадалка открыла шифоньер и задумчиво пробормотала:

— Что бы одеть эдакое? Чтобы поудобнее и побыстрее... Туда надо бы что-нибудь в малороссийском стиле! Тоже мне, название придумали: «У Солохи». Хотя оригинально. И городок наш ничем Диканьки не лучше...

Не обнаружив в своем гардеробе ничего такого «малороссийского», Яна достала подряд три наряда, поморщившись, бросила их на кровать и вытащила в итоге вешалку с длинным сарафаном в стиле сафари.

— Буду африканской Солохой, — недовольно пробормотала она,

облачаясь в сарафан, который, между прочим, был ей, смуглой и темноволосой, очень к лицу.

Вставив в уши крупные серебряные кольца и надев такой же широкий браслет на руку, она сунула ноги в белые сандалии, перекинула сумочку через плечо и, коротко попрощавшись с Джеммой, вышла на улицу.

Такси было поймано ею почти сразу же, и вскоре она уже мчалась, полная ожиданий и предчувствий, в названное Руденко кафе.

Вход в него, как оказалось, находился с торца здания, само же кафе располагалось в помещении полуподвала. Яркая вывеска, сверкающая неоновыми огнями, привлекала к нему посетителей.

Приподняв полы своего длинного сарафана, Милославская стала спускаться вниз по крутым мраморным ступенькам. Она в задумчивости немного задержалась перед массивной деревянной дверью и, дав себе настрой на позитивное общение, вошла внутрь.

В кафе было полно народа. В зале стоял чад от сигаретного дыма. Громко играла музыка. Подвыпившие посетители разговаривали громко, пытаясь ее перекрыть. Посередине зала, сдвинув в одно целое сразу четыре стола, сидела большая компания, центром которой являлся активно разглагольствующий и размахивающий во все стороны руками Семен Семеныч.

Яна направилась к нему, с трудом протискиваясь между столиками. Внимание чисто мужских компаний сразу обращалось на эту миловидную стройную женщину.

— Девушка, вы не к нам? — бросали ей вслед, но Милославская не удостоила ответом ни один такой вопрос.

Подойдя к Руденко сзади, она положила руку ему на плечо и легонько потрясла его. Руденко, раскрасневшийся, обернулся.

— Яна! Наконец-то! — радостно воскликнул он. — А ну-ка, ребята, — Три Семерки поднялся и принялся раздвигать стулья, освобождая место для гадалки.

— Да нет, Семен Семеныч, — сказала она, — давай лучше выйдем.

— Нет! Нет! Не-ет! — послышалось со всех сторон. — Мы вас не отпу-устим!

Милославская взглядом окинула компанию. Тут были и те, кого она давно знала, и незнакомые лица. Но все они смотрели на нее с одинаковым выражением, как бы говоря: «Какая красotka! Имеют же люди! Вот и бы мне!» Все они были пьяны, поэтому Яна простила им их пошлые мысли. Гадалка представляла, как они отреагируют, если она попытается уйти и утащить Руденко, поэтому предпочла сдаться и сесть, оказавшись между

Семеном Семенычем и Строгановым.

Строганов, подняв вверх руку, прищелкнул пальцами.

— Официант! — крикнул он. — Бутылку шампанского для дамы! И... и ананасы!

Сидящие вокруг дружно заплодировали.

— Какая экзотика, — тихо сказала Яна, чувствуя себя в этом пьяном кругу белой вороной.

Из соображений вежливости она поблагодарила Строганова взглядом и улыбкой и предложила тост за успех, о котором ей никто еще не рассказал, но который был написан на окружающих ее лицах.

Шампанское, налитое официантом, красиво задымилось в высоком хрустальном бокале. Яна пригубила немного, мужчины закричали: «Браво!» и щедро, до краев — эх, видели бы их жены! — наполнили свои рюмки, залпом опрокинули их и, морщась, потянулись за закуской.

— Сема! — шепнула Мирославская на ухо приятелю, пока другим некогда было глядеть на нее. — Умоляю, выйдем. Надо поговорить! Здесь просто невозможно! Тет-а-тет!

Руденко, жуящий лимон, приоткрыл один глаз и, увидев, насколько гадалка серьезна, кивнул положительно. Грохоча своим стулом, он поднялся. Все посмотрели на него вопросительно.

— Я должен сопроводить даму в... в... — Семен Семеныч сделал идиотское лицо, втянул голову в плечи и часто-часто заморгал, считая, что так его все поймут.

Его на самом деле поняли и даже поддержали, взглядами говоря: «Ну, это надо. Надо, конечно. Проводи. Дело хозяйское».

— Семен Семеныч, туалет тут платный, — крикнул вслед ему Строганов и следом отправил в рот кусок селедки.

Чтобы не возбуждать подозрений и возмущения, оба — Яна и Три Семерки — не стали выходить на улицу, а подошли к дамской комнате и, обернувшись, скрылись за ее дверью. Руденко зажмурился, ослепленный ярким светом, отражающимся в зеркалах.

— Э-эх! — с укором произнесла, глядя на него, Мирославская. — Что Маргарита Ивановна-то скажет! Бесстыдник!

— Ну ла-адно тебе! — улыбнувшись до ушей, протянул Три Семерки.

В этот момент послышался звук бурно сливающейся в одной из кабинок воды. Дверца кабинки открылась, и перед приятелями появилась средних лет дама, оправляющая платье. Увидев мужчину, она на мгновение замерла, потом ускорила шаг, на ходу возмущенно бросив:

— Вообще уже!

— Ладно, давай к делу, — серьезно заговорила Милославская, — а то нас сейчас отсюда выгонят.

— Не выгонят, — парировал пьяный Руденко, уверенный сейчас в полнейшем своем всесилиии.

— Сема! Тебе сейчас не хватает славы возмутителя женского спокойствия? Вот шеф-то обрадуется!

— Не обрадуется! Он уж пьяный в едреню спит.

— Хватит! — отрезала гадалка. — Что там с карабином?

— Из него убили того кладоискателя, вот что, — нравоучительно подняв вверх указательный палец, ответил Семен Семеныч.

— Ка-ак?! — протянула гадалка.

Ее больше удивлял, конечно, не этот факт, а осознание того, что, как она и предполагала, карабин к ее делу не имел отношения.

Руденко пустился в объяснения.

— Карабин официально ни на ком не числится, — начал он.

— Чему же ты тогда так рад и почему решил, что из него убили кладоискателя? — перебила гадалка. — Кстати, пир по этому поводу?

Семен Семеныч молчаливо кивнул и сказал:

— Не только. У Строганова внук родился. И..., кстати, ты не дала договорить. Во-первых, «причастность» к убийству кладоискателя карабина легко определилась по оставленным на месте преступления гильзам и еще кое-каким фактам, хорошо известным экспертам. Во-вторых, это официально карабин ни на ком не числится, но я-то не лыком шит! Пока наши там этого Василия мурыжили, я по своим каналам работал.

— И что Василий? Раскололся? — снова перебила Милославская.

— По-моему, он ни при чем, но его в КПЗ пока закрыли, пусть подумает, может, чего и скажет. Ты дальше слушай: я узнал, что однажды клубу кладоискателей «Монета», — Руденко на мгновенье замолчал, — помнишь такое название, да? — спросил он, лукаво посмотрев на подругу, и продолжил: — Клубу кладоискателей «Монета» посчастливилось...

Семен Семеныч прищурился — он ждал, что Яна закончит его предложение, и призывно глядел на нее, но Милославская настолько была обескуражена всем услышанным, что потеряла на время способность предвидеть и просто быстро соображать.

— Ну?! — с нетерпением воскликнула она.

— Они откопали старинное оружие — тот самый карабин, но его у них отжала местная бандитская группировка, братва, — Руденко выразительно хлопнул по стене рукой.

— И что дальше? — тихо спросила гадалка.

— Дальнейшая судьба оружия мне точно неизвестна. Будем работать с братвой. Но я подозреваю, что убийство кладоискателя — их рук дело. Более того, я уверен в этом. К ним ведут кое-какие следы... Не могу пока говорить об источнике этих сведений. Но это очень надежный источник. Очень. Завтра все должно проясниться, а пока я должен только ждать.

— Что ты и делаешь, — иронично подытожила Милославская. — Ладно, — более снисходительно произнесла она тут же, — не буду спрашивать. Мне и так многое понятно.

— Ты представляешь, что меня ждало, если б не такая удача?! — воскликнул Руденко. — Янка, друг! — Три Семерки набросился на подругу и крепко сжал ее в своих объятиях. — Как же я тебе благодарен!

— Брось, — тихо сказала гадалка, с грустью думая о том, что теперь ей надо заняться своим делом: ехать в Багаевку и искать новые зацепки.

— Шеф всех распустил, сам надрался, — захлебываясь пьяной радостью, продолжал Три Семерки. — Эх, что творится на белом свете!

Дверь дамской комнаты приоткрылась, и в щели показалось лицо Строганова.

— Ну вы чего тут? — спросил он и тут же отпрянул, крикнув приятелям: — Обнимаются!

Потом снова прильнул, с иронией сказав:

— Мы уж беспокоимся. Идемте.

— Идем, идем, — ответил Три Семерки, выпуская Яну из объятий. — Так что, Яна Борисовна, нам есть что отмечать! — сказал он ей, как бы подытоживая разговор.

— Есть, есть, — вздохнув, ответила она.

Гадалку снова усадили за стол и снова стали вести себя с ней, как с почетным гостем. Однако Яна старалась на вопросы отвечать сдержанно и даже сухо, так, чтобы внимание, обращенное на нее, постепенно рассредоточилось. Вскоре она прочитала во взглядах некоторых: «Она скучна», а через некоторое время о ней, можно сказать, забыли: стали травить анекдоты, приличные и не очень, и гоготать во все горло. Только Семен Семеныч, подталкивая ее локтем в бок, пару раз удивленно на ушко спросил: «Ты чего?»

Милославская постепенно одолела налитый ей бокал шампанского, потом, тихонько извинившись перед теми, кто был в состоянии заметить поднявшуюся над столом фигуру, удалилась в дамскую комнату, а оттуда — тихонько — на улицу.

С удовольствием вдохнув чистый воздух, она торопливо — не дай бог ее хватились бы сразу — зашагала по плиткой выложенному тротуару.

«Багаевка, Багаевка, Багаевка», — стучало у нее в голове.

— Да, но к этой поездке надо подготовиться... — задумчиво пробормотала она себе под нос, критически оценив свой внешний вид и «боеготовность».

Недалеко от бара «Солоха» находилась одна из центральных, главных площадей города, с множеством высоких елок, памятником Ленину, флагами, Доской почета, трибуной и всем остальным, что на таких площадях полагается. Милославская достигла ее очень скоро, огляделась, увидела стоянку такси и напрямик к ней и направилась.

— До Агафоновки, — сказала она, наклоняясь к окну автомобиля, стоящего первым среди прочих.

— Сколько? — спросил ее водитель-частник, немного загнув край газеты, которую он держал перед собой.

— Сколько спросите, — пожав плечами, ответила гадалка, недовольная его реакцией на клиента.

— Стольник, — холодно ответил тот, повернув ключ зажигания и не глядя на Яну.

— Подождите, — остановила она его. — Вы меня ждете в Агафоновке минут десять, а потом везете до Багаевки. Два стольника. Идет?

— До Багаевки? — переспросил таксист, приподняв брови, хотя все и так прекрасно слышал. — Двести пятьдесят.

— Согласна, — ответила Милославская, усаживаясь на заднее сиденье и мысленно говоря: «Черт с тобой!».

Машина тронулась с места. Яна была полна предчувствий и ожиданий. «Ну, уж на этот раз я должна к чему-то прийти!» — упрямо твердила она, не желая мириться ни с какими неудачами.

На улице совсем стемнело, и другой человек чувствовал бы себя жутковато, намереваясь отправиться с неизвестным мужчиной в богом забытую деревню, где надо было еще и копать в каких-то там развалинах. Милославская к числу этих других не принадлежала, и чувство страха не завладело ею ни на минуту.

Она смотрела в окно и только мысленно подгоняла таксиста, не успевавшего порой проскочить на зеленый и нерасторопно трогающегося при разрешающем сигнале светофора.

— Вот тут! Тут, — громко сказала она ему, указывая на свой дом, наполовину скрытый дубовыми ветвями.

Водитель притормозил и сказал ей насмешливым повелевающим тоном:

— Десять мину-ут! Как договорились...

Яна искусственно улыбнулась и засемила к калитке. Джемма, загодя начавшая лаять, успокоилась, сразу узнав знакомый хозяйский голос.

— Некогда мне тебя ласкать, — строго бросила ей, трущейся о ноги, Милославская.

После этого гадалка поспешно удалилась в кладовую, где, второпях переворачивая все кверху дном, отыскала фонарик, старый, тяжелый, но довольно хороший, мощный, и запасные батарейки к нему.

Все это она сложила в твердый лаковый пакет с короткими плетеными ручками и поставила его в прихожей, у порога. Увидев свое отражение в зеркале, Милославская сдвинула брови и стала торопливо снимать сарафан. Бросив его прямо на пол у зеркала, она бросилась в спальню, где почти с солдатской выправкой облачилась в спортивный костюм, дающий ей полную свободу в движениях.

— Джемма, ты со мной, — сообщила она собаке, втискивая ногу в кроссовок.

Овчарка завиляла хвостом и стала зачем-то нюхать около порога.

— Ну, кажется все, — на выдохе проговорила Яна, осматриваясь.

Потом она перекинула сумку через плечо, подняла с полу пакет, призывно чмокнула, глядя на Джемму, и вышла из дома.

Таксист, как и было уговорено, ждал ее, ритмично перебирая пальцами в такт мелодии, которую он слушал.

— Ого! — присвистнув, сказал он, увидев Джемму. — Вот это сопровождение, я понимаю. А почему не в наморднике? — добавил он назидательно.

— Она не кусается, — сухо ответила гадалка, натянув поводок усевшейся у нее в ногах собаки.

— А если вдруг? — игриво спросил водитель, впервые посмотрев Милославской в лицо.

— Не провоцируйте ее такими вопросами, — покачивая головой, насмешливо ответила Яна. — Едем.

Такой ответ парню пришлось не по душе. Он немного нахмурился и завел двигатель.

— Одиннадцать минут, — заявил он гадалке, трогаясь и поглядывая на часы, а, обернувшись, хотел улыбнуться в знак некоторого примирения.

— Хорошо, я дам вам на рубль больше, — отрезала она, опередив его жест вежливости.

На этом дружеская беседа была исчерпана. Весь путь таксист и его клиентка провели молча.

ГЛАВА 25

— Ну и куда тут? — хмуро спросил водитель, вглядываясь в тугую непроглядную тьму.

— Вдоль этой улицы еще метров пятьсот, а там, на отшибе немного, домик, — оживленно проговорила Яна.

Таксист сбавил скорость, видя освещаемую фарами неровную ухабистую дорогу, и поехал по указанному гадалкой пути более чем неспешно, так что едва ли он мог обогнать быстро бегущего человека.

Милославская нервно поглаживала Джемму, а та отвечала ей нетерпеливым поскуливанием.

Улица почти закончилась, оставалось три-четыре дома.

— Тут, пожалуй, остановите, — сказала Яна.

— А как же домик на отшибе? — иронично спросил парень, притормаживая и кивая вперед.

— Отменяется, — ответила гадалка, протягивая ему условленную сумму денег.

Тот с равнодушным видом принял ее.

— Благодарю, — произнесла гадалка, покидая автомобиль. — Джемма, вперед.

Водитель ничего не ответил своей пассажирке и, развернувшись, поехал в обратном направлении.

Яна специально попросила его остановиться немного поодаль от дома Ермаковой и разрушенного дома, в развалинах которого она намеревалась работать в ближайшее время. Ей не хотелось, чтобы свет фар привлекал к себе внимание — в доме Евдокии Федоровны вполне мог кто-то оказаться. Неудачник Леня, например.

Милославская двинула вперед. Она шла неслышно — ноги ее, обутые в кроссовки, мягко ступали по тропинке, устланной травой. Джемма бежала чуть впереди, высунув язык и обнюхивая дорогу впереди себя.

Улица быстро закончилась. Гадалка завернула за угол. В окнах ермаковского дома было темно. От него веяло чем-то недобрым, и Яна опустила взгляд, не желая впасть сейчас в меланхолию.

— Ну вот и все, — тихо сказала она, остановившись метров через двадцать, — пришли.

До руин оставалось не более пятнадцати шагов. Собака вела себя спокойно. Милославская посчитала это хорошим знаком и, достав фонарик

и включив его, посветила впереди себя.

— Идем, — скомандовала она.

Собака подчинилась. Яна попыталась построить план ближайших своих действий — да, сначала она возьмется за то, что осталось от дома, то есть его развалины, а потом за двор и надворные постройки, вернее, за то, что они теперь собой представляли.

Несмотря на то, что Джеммино поведение не предвещало никакой опасности, гадалка пустила ее впереди себя и выключила фонарик.

— Не ищи ничего! — приказала гадалка. — Посмотри просто, нет ли чужих.

Собака посмотрела на хозяйку вопросительно, даже удивленно, как бы говоря: «Я тебе и так могу это сказать», но приказанию подчинилась, зная, что Яна ее все равно умнее и мудрее, опытнее. А опыт подсказывал Милославской, что излишняя осторожность ей еще никогда не вредила.

Животное утонуло в темноте развалин, оставив Милославскую наедине с самой собой. Теперь-то Яна и почувствовала себя жутко. В одном из ближайших дворов заливалась собака. Но не она заставляла женщину переживать неприятные ощущения. Казалось, кроме этой собаки и на время исчезнувшей Джеммы, во всей деревне и не было никого — так везде было темно и дико.

Минуты через две, которые гадалке показались часом, овчарка вернулась. «Все тихо», — говорили ее сверкавшие в темноте глаза.

— Прекрасно, — тихо произнесла Милославская и двинулась вперед.

Она принялась заглядывать в каждый угол и не угол, который только находила, благословляя при этом свой фонарик, позволяющий ей рассматривать даже мелочи.

Впрочем, мелочей, да и не мелочей, тут было немного. Неизвестно кто, бывшая хозяйка дома или его покупатель (скорее, первая), а может быть, и неугомонные односельчане позаботились о том, чтобы практически ничто, пригодное к жизни, не осталось доживать свой век невостребованным. Тем не менее гадалка искала, не теряя надежды.

В первые же мгновенья она и Джемме дала приказ искать, и та рьяно стала обнюхивать каждый уголок, а как только что-то попадалось ей под нос, брала в зубы и с гордым видом подносила к хозяйке, на что та недовольно отвечала:

— Фу, брось! Ищи лучше.

Что следовало искать, она и сама не знала, но сердце подсказывало ей, что нельзя опускать руки.

Через некоторое время Яна скомандовала собаке:

— Идем во двор! — и выбралась наружу.

Нервы Милославской были напряжены до предела. Она села на корточки и закурила. Собака же сразу принялась рыскать. На какое-то время она исчезла где-то в темноте.

Неожиданно из глубины заброшенного теперь полуразрушенного сарая раздался ее сдавленный вой. Яна привсталала, зажгла фонарик.

— Где ты? — тихо спросила она, водя им из стороны в сторону и пошла в направлении раздающегося звука.

— Джемма, Джемма, — звала Милославская.

В голосе ее слышалась радостная тревога.

Она приоткрыла дверь, которая позволяла проникнуть туда, что, казалось, вот-вот готово было рассыпаться, и, сгорбившись, вошла внутрь. Под ногами было мягко. Осветила — внизу земля, рыхлая, будто перекопанная. Яна ухмыльнулась.

Джемма скулила именно здесь. Она проникла внутрь через неширокую щель и, кажется, что-то нашла.

Гадалка осветила силуэт собаки.

— Что там? — спросила она и увидела, как Джемма, упираясь изо всех сил лапами, зубами тянет что-то заваленное грудой досок.

Милославская подошла ближе, вытянула вперед руку с фонариком и попыталась увидеть, с чем так усердно борется собака.

— Что это? Тряпка? — еле слышно проговорила она и, почти плача, протянула: — Джемма, ну что ты в самом деле? Брось!

Однако овчарка не собиралась сдаваться. Она тянула тряпку изо всех сил, пока наконец не заставила доски с грохотом обрушиться, а находку — выскочить из-под них.

Милославская машинально закрыла руками уши и, сморщив лицо, сквозь зубы проговорила:

— Тихо! Что же ты натворила?!

Она отняла руки от головы и прислушалась. Собаки, давно уже беспокойные, залаяли громче. Джемма открыла было пасть, чтобы ответить им гневным рыком, но Яна, нахмурившись, тут же пригрозила ей и овчарке волей-неволей пришлось смириться.

Через минуту все стихло. Джемма по-прежнему держала в руках кусок тряпки.

— Ну, и что это? — тоном, полным разочарования, спросила гадалка.

Собака подошла ближе.

— И из-за этого ты подняла весь этот шум? — Милославская жестом обвела сарай и, брезгливо сморщившись, взялась за кончик тряпки.

— Фу, гадость какая! — скрипуче протянула она, тут же отпрянув. — Жирная какая-то.

Переборов внутреннее сопротивление, Яна наклонилась к тряпке и ноздрями втянула идущий от нее дух. Запах показался ей знакомым.

— Машинное масло? — удивленно спросила она. — Или не машинное? — гадалка расплылась в улыбке.

Ей показалось, что так всегда пахло от оружия.

— А если в эту тряпицу заворачивали что-нибудь этакое?! — в состоянии, близком к эйфории, спросила он, глядя на Джемму.

Овчарка смешно повернула голову на бок и сочувственно посмотрела на свою хозяйку.

Самые сумасшедшие мысли стали врывать в сознание Милославской. Ей рисовались уже картины страшных перестрелок, процесс торговли оружием, жестокие лица бандитов...

— Но... — спросила она вдруг себя, очнувшись, — Что это я? Что за чушь? А как же Евдокия Федоровна? Она-то ко всему этому какое может иметь отношение? Кажется, я только окончательно запуталась, — разочарованно заключила гадалка.

Джемма выпустила тряпку из зубов, и та неслышно опустилась на землю.

— А вот это ты зря! — нравоучительно сказала ей Милославская. — Это нам может пригодиться.

Яна раскрыла свою сумку и, порывшись в ней, извлекла полиэтиленовый пакетик. Прихватив кусок ткани кончиками пальцев, она опустила его в пакет, а пакет — в другой пакет, тот самый, в котором она привезла с собой фонарик.

— Посоветуемся дома с товарищем капитаном, — приговаривала она в этот момент.

Вытерев руки о маленький носовой душистый платок, Милославская задумалась: а что же дальше? Ее терзали сотни вопросов. Искать больше ничего не хотелось, да и интуиция подсказывала ей, что уже нечего.

Опуская платочек назад в сумку, Яна увидела карты, которые так и просились в руки. Отказать им в этом гадалка не смогла. Она осторожно присела на одну из самых толстых досок и веером развернула карты. Немного подумала и выбрала «Взгляд в прошлое».

На Милославскую смотрели знакомые символы: лестница, подобная серпантину, все так же уходила далеко ввысь, откуда сурово взирал человеческий глаз, поглощающий в своих таинственных глубинах эту самую лестницу.

Яне и самой это было смешно, но на этот раз ее интересовало прошлое тряпки. Тряпки, найденной Джеммой. С застывшим в мыслях таким вопросом гадалка положила ладонь на карту и попыталась сосредоточиться.

Джемма тихонько присела рядом с хозяйкой и, казалось, даже дышать старалась неслышно.

Легкий прохладный ветерок обвевал лицо, звезды светили заманчиво и тихо, горько пахла полынь, вдали тихонько голосил сверчок. В такой обстановке думалось легко и приятно.

В кончиках пальцев потеплело, в голове закружилось — Яна почувствовала, что карта начинает «говорить» с нею.

Тысячи звезд слились теперь в одно далекое желтое пятно; ни дуновения ветра, ни запахов, ни звуков — ничего этого Милославская уже не чувствовала.

Сначала она увидела, что ее прозрачный силуэт, просто оболочка какая-то, неспешно шагает по той самой лестнице, которая на карте уходила в глубь зрачка.

— Скорее! Скорее! — хотелось гадалке сказать этому силуэту.

Но у нее ничего не получалось. Силуэт дошел до зрачка и исчез в нем. Милославская даже испугалась, что все вот этим и закончится. Она вдруг увидела перед собой ту самую тряпку, которую отыскала недавно Джемма, и испугалась еще больше. «Это конец!» — промелькнуло у нее в голове.

Однако в следующий же миг гадалка увидела, что в тряпку что-то завернуто, и поняла, что перед ней не явь, а видение. Она стала «приглядываться» к таинственному предмету и еще больше концентрировать энергию, которая должна была обнажать перед ней все новые и новые тайны. У Яны получилось: неожиданно в картине видения возникли какие-то руки. Крепкие, сильные, мужские.

Они подняли с земли предмет и стали его разворачивать. Движение, еще одно — сердце Милославской стучало сильнее и сильнее и, казалось, вообще готово было остановиться. Взмах! — и тряпка упала на землю. На какое-то мгновение Яна обрадовалась, что тайна раскрыта, но предмет оказался завернутым в еще один кусок ткани. Его разворачивать никто не собирался. Руки стали удаляться вместе с предметом. «Нет!» — мысленно прокричала Милославская, и организмы ее почувствовал новый прилив необыкновенных, космических сил. Руки остановились. «Что там?» — зло и настойчиво спросил мозг гадалки. Ткань вдруг развернулась перед ней, и она увидела... тот самый карабин, который вместе с Руденко нашла на оптовой базе «Садко»!

Ткань тут же превратилась в сверток, и все погасло.

Яна стала медленно приходить в себя. Джемма испуганно лизала ей руку, и горячее прикосновение ее горячего языка помогало пробуждению гадалки.

Пять минут прошло в полусне, и Милославская открыла, наконец, глаза. Звезды, казалось ей, смотрели необыкновенно нежно и ласково.

Гадалка повернула голову, посмотрела на Джемму и тихо, с улыбкой сумасшедшего, сказала ей:

— Между убийством Ермаковой и убийством кладоискателя есть общее.

Овчарка тихо проскулила в ответ, соглашаясь со всем, что бы ни сказала ее хозяйка.

Милославская тихонько собрала карты, положила их назад в сумку, достала оттуда сигареты и закурила. Чувство полного удовлетворения овладело ею, казалось, впервые за последние дни. Далеко не все еще было ясно и, возможно, самое тяжелое оставалось впереди. Однако Яне более чем приятно было сейчас сознавать, что она все же не зря носилась по злосчастной оптовке и не зря теряла время тогда и сейчас. Сотрудничество с Руденко вновь оказывалось взаимовыгодным.

Просидев у развалин около получаса, Яна поднялась и тихонько побрела вперед, позвав за собой собаку.

Стало прохладно, и ветерок бодрил. Милославская съежилась и обняла себя руками. Надо было только добраться до дороги, а там уже — ерунда! — лови машину и поезжай домой.

Гадалка и ее собака шли мимо домов, свет во многих из которых уже погас, и в этих местах только звезды освещали убегающую вперед тропинку.

— Взвей-тесь костра-ми, си-и-ни-е ночи! — запела Милославская и прибавила шаг.

Улица вскоре закончилась. Яна снова достала фонарик и стала освещать дорожку впереди себя. С Джеммой ей никогда не было страшно, но оттого, что так вот, практически ночью, она оказалась впервые в пустынной дикой степи, легкий холодок в иную минуту пробежал у нее по спине, несмотря на то, что все существо ее торжествовало. Небо страшной черной пропастью висело над головой, и смотреть туда было жутко.

Заветное место, освещаемое фонарями, постепенно становилось ближе. Шаг гадалки стал все чаще. Теперь она даже не думала о своей находке. Быстрее добраться до города — главное, чего ей по-настоящему сейчас хотелось.

Но вот и дорога. Тяжело и радостно дыша, Яна стала подниматься по крутой насыпи. Камни выкатывались из-под ног, и кроссовки соскальзывали. Милославская хваталась за длинные полусухие хворостины, торчащие из-земли, и наконец выбралась на обочину шоссе.

Немая улыбка застыла на лице гадалки, когда она увидела, что местность, окружающая ее, совершенно пустынна. До отуманенного счастьем сознания Милославской вдруг дошло, что поймать машину тут в это время будет не так просто. Во-первых, движение далеко не так интенсивно, как днем, во-вторых, не каждый остановится.

Гадалка повернулась в противоположную городу сторону и стала напряженно вглядываться вдаль. Джемме она позволила пока развлечься, бегая по полю из стороны в сторону. Через несколько минут на горизонте зажелтел свет фар. «Легковушка», — подумала гадалка и крикнула собаку.

Яна загодя вытянула руку, приготовясь голосовать. Машина быстро приближалась. Столь же быстро она и удалилась, пролетев мимо Милославской и даже не снизив скорости. Мощный поток разрезанного ею воздуха ударил в лицо пошатнувшейся гадалки.

Яна сердито сжала губы и снова стала смотреть вдаль. Еще три автомобиля так же равнодушно проскочили мимо нее, и только четвертый, резко затормозив, остановился.

— Чего, красотка? Стоим? — весело и игриво крикнул из окна здоровенной машиницы небритый молодой парень, видимо, приняв Милославскую за проститутку.

— Довезите до города. Я заплачу, — деловито произнесла она, будто не замечая его тона.

— Ну, садись, — сказал он и открыл дверь.

Джемма завертелась у ног хозяйки, и только теперь, кажется, ее заметили.

— О-о-о! Да ты не одна, — несколько разочарованно протянул парень.

Яна на мгновение замерла, думая, что теперь ей откажут.

— Садись, садись, — повторил водитель и протянул гадалке руку, потому что залезть в эту махину даже в спортивном костюме без посторонней помощи было трудно.

Вслед за ней в кабину запрыгнула Джемма, и грузовик под бойкие мелодии блатных песен тронулся.

Всю дорогу Яну непривычно трясло. Мягкое высокое сиденье пружинило, и гадалка то и дело смешно подпрыгивала. Она улыбалась в сторонку и старалась крепче держаться за поручень, чтобы не коснуться плечом водителя, который, узнав о ее профессии, был гораздо больше

разочарован, чем удивлен.

Добравшись наконец до одной из центральных городских улиц, Милославская вышла из машины. Тело подрагивало, привыкнув к тряске, которая никогда так не ощущалась при езде на легковом автомобиле.

Она немногословно поблагодарила водителя. Денег он не взял. Напрашивался на встречу, но Яна отказала. На том и расстались.

Переступив порог своего дома, Милославская радостно вздохнула. Она скинула с себя вещи, торопливо ополоснулась под душем и, бросившись на кровать, сразу забылась в сладком глубоком сне.

ГЛАВА 26

— Ну что, товарищ капитан, проспался? — посмеиваясь, спросила Милославская, прихлебывая кофе.

— Только лег, — сердито буркнул в трубку Руденко.

— Это во сколько же? — ошалело произнесла Яна.

— Во сколько, во сколько! Поспал-то всего часа три!

— Эх, ты! — с укором протянула гадалка. — Хоро-ош!

— Ой, ну хватит, а? Имею право. У меня законный отгул! Ты чего хотела-то? У меня в башке карусель, прилечь бы...

— Какой «прилечь?» — протянула гадалка. — Давай под холодный душ. Чашка крепкого кофе, и дуй ко мне.

— Чего-чего-о? Издеваешься?

— Ко мне дуй, говорю. Я вполне серьезно, — убедительно проговорила Милославская.

— Ты с ума сошла? Я в таком похмелье!

— Забудь об этом, Сема. Ты мне нужен сейчас. В любом виде. Даже самом непотребном!

— А в чем дело-то? Объясни, наконец! Выдергиваешь из постели с утра пораньше и без объяснений требуешь к себе... У тебя пожар?

— Хуже!

— Не понял, — протянул Три Семерки, приподняв брови.

— Пока ты вчера водку пьянствовал, некоторые работали, — многозначительно произнесла гадалка.

— И что? — догадываясь, к чему клонит подруга, спросил Семен Семеныч.

— Приедешь, узнаешь, — таинственно проговорила Милославская. — Тебя ждет приятный сюрприз. Спеши, Сема, если ты не враг своей карьере.

— Ну, Яна, ну, интриганка, — с любопытством протянул он и сердито добавил: — Не дай бог, ерунда какая-нибудь! Я тебе тогда устрою. Всю жизнь помнить будешь.

— Я тебя и так, Сема, никогда забыть не смогу, — пошутила Милославская и повесила трубку.

На самом деле ей было далеко не до шуток. Встав пораньше, гадалка на свежую голову еще раз взвесила все события минувшего дня. Дела обстояли серьезно, и, кажется, назрело время самых серьезных поворотов в ходе расследования. Во-первых, следовало навести самые подробные

справки о тех крутых парнях, что занимались купленным у ермаковской соседки домом.

У Яны возникли серьезные подозрения насчет того, что они и те «братки», о которых говорил ей Руденко — одни и те же лица. Только какая была связь между убийством старухи и всем остальным, оставалось неясным.

Главные надежды Милославская возлагала, конечно, на Семена Семеныча, поскольку он в последнем их разговоре обмолвился, что имеет надежный источник информации, который и позволил ему быть уверенным в том, что убийство кладоискателя — дело рук одной из городских бандитских группировок. Значит, этот источник многое знал о тех бандитах и многое еще мог прояснить.

Закончив разговор с Руденко, Яна стала нетерпеливо ожидать его прибытия. Уже не ощущая вкуса, она допила свой кофе, выкурила пару сигарет и вышла из кухни.

Время, как это бывает в таких ситуациях, двигалось необычайно медленно. Казалось, стрелки часов вообще отказывались перемещаться.

Милославская включила телевизор, решив посмотреть «Новости». Но толком она ничего из этих «Новостей» не поняла, потому что то и дело поглядывала в окно, особенно тревожась в те минуты, когда там слышался гул какого-нибудь двигателя.

Не менее чем через час к воротам подъехала, наконец, знакомая «шестерка».

— Ну, Семен Семеныч, ты каскадер! — покачивая головой, с укором сказала ему гадалка.

— Почему? — спросил он и пригладил вздыбившиеся под фуражкой волосы.

— Фу! Не дыши на меня! — Яна помахала перед лицом ладонью. — Все светофоры, наверное, от такого аромата попадали. Проходи.

— Пройду, пройду, выкладывай давай, что у тебя?

Три Семерки прошел на кухню вслед за хозяйкой и сел напротив нее. Он сразу стал постукивать по столу кончиками пальцев, выражая свое нетерпение.

Вид Руденко имел самый незавидный: лицо отекшее, под глазами мешки.

— Кофе? — спросила гадалка, глянув на него не без сочувствия.

Семен Семеныч кивнул утвердительно.

— С тебя бы картину писать, — пошутила Яна, ставя перед ним чашечку.

— Эх, жестокая ты женщина, Яна Борисовна, — вздыхая, ответил ей Три Семерки. — Думал, хоть у тебя понимание найду...

— Что, влетело от супруги? И поделом!

— Да как влетело? Ты же ее знаешь. Она ничего не скажет, но так посмотрит! Лучше бы уж по башке колотушкой дала... А, да ну ее! Давай лучше выкладывай, зачем звала.

— Пей и слушай, — сказала Милославская и начала повествование о своем вечернем путешествии в Багаевку.

По мере ее рассказа глаза Руденко все округлялись и округлялись, выражая сначала недоумение, потом любопытство, потом ужас, потом восторг. И все же, когда Яна закончила, он, дойдя в своих мыслях до определенных соображений, спросил ее насмешливо:

— И почему ты решила, что я на все это клюну?

— Потому что обычно клевал, — откровенно ответила Милославская.

— Яна Борисовна, ну ты сама подумай: дело-то серьезное. Я не могу сейчас принимать какие-то меры на основании показаний... твоих... твоих карт!

— Но ведь принимал, и довольно часто, — возразила гадалка.

— Здесь совершенно особый случай. Ты хоть понимаешь, с кем мы имеем дело?

— Лучше, чем ты думаешь. Ты ведь все равно собирался какие-то меры принимать, дождавшись окончательных подтверждений от твоего источника.

— Это очень надежный источник, я еще раз повторяю.

— А карты? Карты — не надежный? — с обидой произнесла Яна.

— Вот что, — после некоторого молчания сказал Три Семерки, — сейчас мы разыщем того человека, а там уж решим, что дальше делать.

— Хорошо, — скрыв улыбку, ответила Милославская. — Мне собираться?

— Собирайся, только быстро, — Семен Семеныч, не желая выглядеть побежденным, старался не смотреть на свою подругу и отвел глаза.

Гадалка скрылась в другой комнате, и вскоре появилась перед приятелем, готовая к выходу.

— Идем? — спросила она.

— Идем.

— Пожалуй, я опять возьму с собой Джемму.

— Бери, — Семен Семеныч пожал плечами и вышел.

— Я, наверное, пристегнусь, — сказала Милославская, усаживаясь в машину рядом с приятелем.

— Что это с тобой случилось? — удивленно спросил Руденко. — С каких пор ты стала такой законопослушной?

— Просто со мной не вполне протрезвевший водитель.

— Брось ты! Я как стеклышко.

— Час назад по телефону ты мне пытался доказать обратное.

— Я не сказал, что хорошо себя чувствую, я лишь утверждаю, что не пьян.

Яна ухмыльнулась, но ничего не сказала.

Некоторое время приятели ехали молча, потом Семен Семеныч заявил:

— Я тебя сейчас ненадолго в одном месте оставляю, а сам потом за тобой заеду.

— Почему так? Почему я не могу с тобой?

— Этот человек при посторонних говорить не будет.

— Но я не посторонний!

— Отставить разговорчики! — прикрикнул Три Семерки, и Яна не стала больше сопротивляться, хотя ей и было до смерти обидно.

Дальше они ехали молча. Впрочем, очень недолго: Руденко, сворачивая к обочине, заявил:

— Приехали!

— Что? — удивленно спросила гадалка. — Казино?

— Казино, бар, ресторан, — перечислил Три Семерки, загибая пальцы, — Сыграешь или перекусишь, пока я разговоры разговаривать буду.

— Да тут сейчас закрыто, наверное!

— Открыто, если я тебя сюда привез.

— Но меня никто не пустит с собакой!

— Это проблема разрешимая. Я поговорю со швейцаром. Он присмотрит. Что нам, впервые, что ли? — Три Семерки улыбнулся и дружески похлопал гадалку по плечу.

— Мог бы и предупредить. Я бы надела что-нибудь более подходящее, — Яна критически оглядела свое платье.

— Ты прекрасно выглядишь, — возразил Три Семерки.

— Возможно, но не для казино и ресторана, — не соглашалась Милославская.

— Но ведь у тебя в планах на сегодня не только казино, так?

На это гадалке нечего было ответить, и она молча вышла на улицу.

Семен Семеныч открыл перед ней дверь, и Яна несмело вошла в ярко освещенное помещение, из которого веяло приятной прохладой. К ним сразу же подошел высокий юноша в черном отутюженном фраке,

ослепительно белой рубашке и наивной маленькой бабочке. Он учтиво кивнул гостям и посмотрел на собаку.

Прежде, чем он успел что-то сказать, Руденко развернул перед ним свое удостоверение и произнес:

— Молодой человек, я бы хотел попросить вас об одном одолжении: присмотрите за нашей собакой. Она не доставит вам хлопот. В зал мы ее брать не будем. Я ее привяжу вот... — Три Семерки огляделся, — вот здесь, — сказал он, подойдя к батарее.

Юноша кивнул, скрывая недовольство, и, дождавшись, когда Руденко привяжет Джемму, проводил их с Яной в зал. Джемма тоскливо посмотрела вслед удаляющейся хозяйке, но ей ничего не оставалось, кроме как ждать ее возвращения.

Полусонный охранник молча наблюдал за происходящим, а когда увидел руденковское удостоверение, отдал капитану милиции честь, заставив Семена Семеныча расплыться в гордой самодовольной улыбке.

Три Семерки оставил Милославскую в игорном зале, а сам исчез за небольшой металлической дверью, ведущей неизвестно куда.

Гадалка опустила в большое кожаное кресло, одиноко стоящее у стены, и решила сначала немного оглядеться, освоиться. Тут она не бывала. Зал был почти пуст. Тихонько играла музыка. Седовласый крупье одиноко ждал очередного азартного игрока, бесцельно поигрывая фишками.

— Играете, леди? — спросил гадалку, подсев на широкий кожаный подлокотник кресла, какой-то молодой, даже юный, парень, который, вероятно, всю ночь провел в этом заведении и, скорее всего, очень весело.

— Нет, спасибо.

— Жаль.

— Может, выпьем чего-нибудь?

— Может быть.

— Пройдем в ресторан? — обрадованно предложил он.

— Пройдите, а я, пожалуй, удовлетворюсь баром, — отрезала Яна и, поднявшись, звонко цокая каблучками, прошла в соседний зал, над которым висела неброская вывеска «Бар».

До молодого человека не сразу дошел смысл слов Милославской. Он еще несколько минут просидел на своем прежнем месте и в итоге сделал вывод, что лучше не напрашиваться на знакомство с этой дамой. Направившись к игорному столу и затеяв долгую игру, он вскоре совсем забыл о ней.

Яна же и на самом деле решила дожидаться возвращения Семена Семеныча в баре. Она присела на высокий деревянный табурет у стойки и

заказала стакан апельсинового джин-тоника. Пышногрудая улыбчивая девица с радостью обслужила ее, посоветовав попробовать еще ряд напитков, после которых Яна едва ли смогла бы выйти отсюда самостоятельно.

— Благодарю, я ограничусь джин-тоником, — вполне дружелюбно ответила на ее советы Милославская.

В следующий миг гадалка прошла в зал, села за один из столиков и, потягивая свой напиток, стала следить за событиями видеофильма, который демонстрировался на экране огромного домашнего кинотеатра.

Прошло около получаса, и Яна начала уже всерьез волноваться, не зная, как быть, если вдруг Семен Семеныч в ближайшие полчаса не появится. Она допила джин-тоник, выкурила сигарету, съела порцию малинового пудинга, а Руденко все не было.

Полная нетерпения, она подошла к девушке-бармену и спросила с улыбкой, скрывая свое волнение:

— Простите, а что находится за металлической дверью, которую я видела вон там? — гадалка указала пальцем позади себя.

— Там номера. Для тех, кто хочет уединиться, — так же улыбочиво ответила ей девушка.

— Уединиться? — удивилась Яна.

— Ну, нужно вам, например, провести вечер с кем-то тет-а-тет, вы и заказываете себе столик в таком номере. Ужинаете в полном уединении.

— Понятно, — ответила гадалка, про себя подумав: «Интересно, с кем это уединился Три Семерки и почему так надолго?»

— А вы хотели бы заказать номер? — шепотом, лукаво спросила барменша и, не дожидаясь ответа, подморгнув, сказала: — Очень рекомендую. Многие дамы пользуются. А насчет конфиденциальности не беспокойтесь. Комар носа не подточит. Есть даже черный выход.

— Да нет, это я так, интересуюсь просто, — ответила Милославская.

В этот момент в дверях показался Три Семерки и негромко окликнул ее:

— Яна Борисовна!

Гадалка обернулась и облегченно вздохнула.

— Ну наконец-то! — тихо сказала она ему, подойдя. — Ты долго.

— Зато результативно, — Руденко подморгнул ей. — Выйдем.

Яна засемила за приятелем.

— Заждала-ась, — протянула она, поглаживая Джемму и отвязывая поводок.

Пока Милославская делала это, все существо Семена Семеныча

выражало нетерпение, и Яне это позволяло думать, что он вернулся не с пустыми руками. Торопливо освободив собаку, она вышла из помещения вслед за Руденко и тут же взволнованно спросила:

— Ну что?

— Поговорим в машине, — отрезал он и направился к «шестерке».

Сев за руль, Семен Семеныч сразу тронулся с места.

— А как же? А что же? — удивленно залепетала Милославская.

— Отъедем немного, — спокойно пояснил тот.

Яна не стала ничего больше спрашивать, поняв, что с таинственным источником информации все на самом деле обстоит очень серьезно и что Три Семерки не может сейчас рисковать, забывая о мерах предосторожности.

Квартал закончился, но Руденко все молчал. Миновали еще три улицы, свернули на Набережную и, только остановив машину в сени трех огромных кленов, росших прямо у берега, Семен Семеныч заговорил.

— Фу! — облегченно и радостно вздохнул он.

Милославская накинулась на него с расспросами.

— Все, как мы и предполагали! — радостно сообщил он, прижимая подругу к себе.

— То есть? Говори яснее, — широко улыбаясь, проговорила Яна.

— Клубу кладоискателей «Монета» посчастливилось: они откопали старинное оружие, карабин, но его у них в одной неприятной потасовке отжала местная бандитская группировка, братва, — Руденко сглотнул скопившуюся слюну.

— Ну? Я это уже слышала!

— Ты же просила яснее. Я и говорю, чтоб ясно было. Убийство этого чертова кладоискателя — дело рук этой группировки.

— Уверен? — выкатив глаза, протянула гадалка.

— Во всяком случае, карабин от них ни в чьи руки не переходил!

— Но это не доказательство!

— Слушай дальше: с некоторых пор директор оптовой базы «Садко» с этой бандитской группировкой в очень тесных отношениях...

— Ты думаешь... Ты думаешь, что после убийства он прятал у себя этот карабин по их приказу?

— Именно так! Почему он Ваське тому не велел трогать ту колымагу? А? Соображаешь?

— Ты веришь, что завгар ни при чем? — с сомнением спросила Яна.

— Не верю, а знаю.

— Что?

— Его непричастность — это факт установленный. Я сейчас только ребятам в отдел звонил, сказали, что Василий невинен, как дитя. Поработали с ним как следует, им верить можно.

— Ну, хорошо. Шеф ему сказал — машину не трогать. А если бы он тронул? Ведь это рискованно...

— Значит, уверен был, что не тронет. Значит, авторитет он у своих людей имел. К тому же то, что он теперь связан с бандитами, он сам считал огромным для всех секретом, и то, что об этом уже осведомлены органы, даже не предполагал, как и сами братки, впрочем. Да и Джемма, как ты заметила, не сразу находку схватила: подкопать пришлось. Я тебе больше скажу: мы на то место вчера ездили, в смотровой яме тайник был, свежевырытый, маленькой железной заслонкой отгороженный... К сожалению, этот недотепа не знал, что на свете существует Яна Милославская, — Руденко засмеялся.

— Вот это да! Что же ты сразу вчера ни о чем не сказал?! — с обидой произнесла гадалка.

— Во многом уверен не был. Не люблю опережать события.

— И что теперь с директором базы?

— Что, что... Взяли его! Посадили в одиночку, обвинение предъявили, дело завели...

— Это же глупо! — потрясенная, воскликнула Милославская.

Три Семерки посмотрел на нее удивленно.

— Пока вы с ним разбираться станете, крупная рыба, настоящий улов уйдет прямо из рук! — чуть не со слезами на глазах проговорила гадалка.

— Эх, Яна, Яна, — посмеиваясь, протянул Семен Семеныч, — мы что, первый год работаем? Все сделано тихо. Никто и не знает, что его взяли. Даже жене отзвонились, сказали, что в срочную командировку отбывает.

Гадалка недоверчиво поглядела на друга и улыбнулась. Некоторое время они молчали.

— Ну, чего невеселая такая? — спросил Руденко, искоса глянув на Милославскую и увидев, что она опять нахмурилась.

— Не понимаю главного, — вздохнув, ответила Яна, — как все это связано с моим делом?

— Фу ты, тоже мне проблему нашла! — воскликнул Три Семерки, но тут же задумчиво проговорил: — Хотя да, это проблема...

Он замолчал, но буквально через пару секунд оптимистично воскликнул:

— Но проблема-то разрешимая!

Милославская неожиданно расплылась в улыбке, заявив приятелю:

— И я, кажется, даже знаю, как!

Семен Семеныч с осторожностью посмотрел на подругу: он знал, чего от нее можно было ожидать, когда она говорила таким тоном.

ГЛАВА 27

— Кажется, это здесь, — тихо сказал Милославской Руденко, оглядывая одноэтажное, недавно отремонтированное по первому классу здание, вход в которое был со двора.

— Офис у них, однако, как у приличных людей... — пробормотала Яна, шагнув к двери вслед за приятелем.

Перед тем, как приехать в это место — логово заинтересовавшей их бандитской группировки — они долго спорили и ругались, выдвигали разные предположения, но в итоге все же пришли к общему мнению: единственно возможным вариантом действий был признан вариант под названием «Блеф».

Идея «Блеф» принадлежала Яне, и Семен Семеныч долго возражал против нее. Предлагал сразу вызвать опергруппу и действовать по привычному и много раз обыгранному сценарию. Однако Милославская доказывала и все-таки доказала ему, что это к их заветной цели не приведет. Гадалке дорого это стоило, но она все же склонила приятеля на свою сторону. Составив там же, на Набережной, план действий, они совершили все необходимые формальности и отправились туда, где теперь и находились.

— Джемма, веди себя очень тихо! — приказала Милославская своей собаке.

Руденко открыл дверь. Просторный, богато обставленный холл посмотрел на него угрюмо и неприветливо. Три Семерки перешагнул порог и смело вошел в офис. То же и так же сделала Милославская. В углу, в большом мягком кресле, сидел бритоголовый, плотный и круглый, как молодой арбуз, мужчина лет тридцати, в черном костюме, судя по всему — охранник. Он смотрел в прикрепленный к стене телевизор и поигрывал увесистой связкой ключей.

Приятели сделали вид, что не замечают его, и зашагали вперед.

— Куда? — прогремел он, не отрываясь от экрана.

Ему не ответили.

— Э-э-э! Вы куда?! — обеспокоенно повторил тип, видя, что незваные гости, поравнявшись с постом охраны, продолжали двигаться дальше, нахально и уверенно.

— Стойте, вам говорят! — охранник поднялся со своего места и всем телом подался вперед, намереваясь ухватить Руденко за рукав.

Тот вполне был готов к такому ходу событий и резко, чего не ожидал его противник, обернулся, схватил за запястье руку охранника и круто вывернул ее.

— Ай! Ой! Е-е-е! Вы чего?! — завопил тот, сморщив лицо.

Джемма приняла позу, выражающую ее сиюминутную готовность к агрессивному прыжку. Невероятных усилий ей стоило сейчас не поднять лай.

— Сядь на место, — сквозь зубы тихо процедил Три Семерки, глядя охраннику прямо в глаза, — и закрой свой рот!

Тот, явно не ожидая такого сопротивления, медленно, так же придерживаемый за руку Семеном Семенычем, опустился в кресло.

— Молодец! — выразительно проговорил в его адрес Руденко и, глянув на подругу, подморгнул ей.

Яна к тому времени уже достала из сумки складной перочинный нож. Она тут же обрезала идущий по стене телефонный провод и отправила в сумку лежащий на подоконнике сотовый. Глаза охранника округлились. Он побледнел, видимо, решив, что его шефу пришел конец в самом прямом смысле этого слова.

Намереваясь что-то сказать, тип открыл было рот, но Семен Семеныч больнее сжал его руку и надавил большим пальцем на запястье так, что тот тихо взвыл. В этот миг он посмотрел на Руденко глазами, полными мольбы, а Семену Семенычу это только и было нужно.

Свободной рукой достав наручники, Три Семерки защелкнул их на запястьях несчастного и пристегнул его к проходящей тут же трубе, после чего хорошенько обшарил его карманы, выудив новенький «макаров».

— Будь умницей, — строго и нравоучительно сказал он, рассматривая пистолет, — сиди тут тихо.

Глаза охранника сверкали теперь злобой, но он кивнул.

— Открой-ка рот, — сказал типу Три Семерки и двумя пальцами нажал на обе его щеки.

Тот невольно разомкнул челюсти, а Руденко быстро запихал в них свой огромный (слава богу, чистый) носовой платок. Охранник о чем-то замычал, но Три Семерки тут же поднес к его виску его же собственный «макаров» и тихо сказал:

— Заткнись!

Тот сразу успокоился, а Семен Семеныч спросил:

— Мокрый у себя?

Получив утвердительный кивок, Руденко кивнул Милославской, и они направились вперед по узкому длинному коридору, пустив впереди себя

собаку. Они двигались не спеша и очень осторожно. Не дойдя несколько метров до конца коридора, оба заметили богатую деревянную дверь, посмотрели друг на друга и без слов поняли эти взгляды.

Семен Семеныч легонько потянул ручку двери на себя. Она неслышно приоткрылась. Полубоком к ним, в кресле, сидел мужчина. Он смотрел телевизор и, положив ноги на невысокий журнальный стол, курил сигару.

— Он! — шепнул подруге Руденко.

Яна решительно кивнула. Три Семерки резко распахнул дверь — овчарка мгновенно ворвалась внутрь комнаты. Приятели тут же смело ступили вслед за ней, плотно притворив за собой дверь. Мужчина резко обернулся. Он был маленького роста, худой и небритый. С его обликом никак не соотносилось определение «авторитетный».

— Спокойно, — тихо сказал Три Семерки, поворачивая защелку замка.

Джемма зарычала. Рука Мокрого, тянущаяся к столу, застыла в воздухе.

— Оставайтесь, пожалуйста, на своем месте, — холодно произнесла Милославская.

Мокрый надменно улыбнулся и принял прежнее положение.

— Мы пришли поговорить с вами, — сказала гадалка и присела на противоположное кресло. Руденко остался за спиной у хозяина офиса.

— Прежде чем разговаривать, назначают встречу или по крайней мере представляются, — холодно ответил Мокрый, но тут же с усмешкой добавил: — Хотя зачем? От вас за версту мусорней несет...

— Я бы посоветовала вам быть повежливей, — парировала Яна.

— Это почему же? — приподняв брови, спросил тот.

— Ну-у, — протянула гадалка, — ваше положение не настолько неуязвимо...

— Хм, мне об этом двадцать лет уже говорят.

— И тем не менее, я бы...

— Вы пришли предъявить мне какое-то обвинение? — перебив ее, холодно спросил Мокрый.

Милославская сначала растерялась немного, но потом, шокировав и самого хозяина офиса, и Руденко, хладнокровно заявила:

— Да. Вас обвиняют в убийстве известного в городе человека и талантливого кладоискателя.

— Что?! — Мокрый приподнялся с кресла, но Джемма своим суровым рыком заставила его принять прежнее положение. — Какого еще кладоискателя? Чутье какая! — мужчина расхохотался во весь голос. — Кого-кого? Повторите. Я не ослышался?

— Нет, вы не ослышались, — сказала Милославская, стараясь сохранить самообладание. — Вы убили кладоискателя, и нам об этом все известно.

— О чем же вы пришли говорить? — смеясь уже до слез, спросил Мокрый. — Пришли мне рассказывать о том, как я жестоко расчленил его и скормил собакам? Кладоискателя! Ха-ха-ха! Вот, тоже мне, придумали...

— Довольно! — вскрикнула Яна, ударив кулаком по столу, и Мокрый, злобно сверкнув глазами и превратив улыбку в презрительный оскал, замолчал. — Хватит ломать комедию!

— Нет, — спокойно сказала гадалка, переведя дыхание, — вы не расчленили его, а просто застрелили, хладнокровно и безжалостно.

— Я действительно жесток, но я никого не убивал, — разведя руками и покачивая головой, так же спокойно проговорил Мокрый.

— Нет, убивали. Из карабина, — теперь уже усмехнулась Милославская.

— Из чего-о? — мужчина недоуменно приподнял брови.

— Из карабина, который вы прятали на оптовой базе «Садко» у своего недавнего приятеля.

— Ивана Коромысенко, — добавил Руденко.

— И зачем же мне это понадобилось? — издевательским шепотом, глядя прямо в глаза гадалке, спросил Мокрый.

— Об этом вы нам сейчас и расскажете, — выразительно сказала Яна, показывая удивленному хозяину офиса колоду карт.

— Что это? — спросил Мокрый, приподняв брови. — Я в азартные игры не играю! — с издевательской серьезностью протянул он.

— Я вам и не предлагаю, — тем же тоном парировала Яна.

— А что же будем делать?

— Гадать.

— Гадать? — хозяин офиса снова расхохотался. — Дальняя дорога, пиковая дама?

— Нет, — произнесла Милославская убедительно, — хотя, может быть, и дальняя дорога, только приведет она вас не к пиковой даме, а в казенный дом.

— Чи-и-иво? — Мокрый нахмурился.

Джемма тут же зарычала, заставив его успокоиться.

— Сидите смирно! — скомандовала гадалка, а Руденко тут же предусмотрительно приставил к виску Мокрого пистолет.

Яна веером раскинула свои карты и тут же извлекла карту «Чтение», которой она при расследовании этого дела уже пользовалась. Милославская

опустила на нее руку и собрала всю свою волю, чтобы сосредоточиться. В этот миг она молила все существующие и несуществующие светлые и темные силы о помощи. Проколоться в этой ситуации ей было смерти подобно.

Мокрый с усмешкой глядел на нее, совершенно не понимая, к чему она клонит и не зная, чего ему от всего этого ожидать. Хозяин офиса даже забыл о том, что к его виску сейчас приставлен пистолет, и не собирался предпринимать каких-либо попыток к бегству. «Вот идиотка! Таких я еще не видел!» — мысленно проговорил он, глядя на Яну, которую в этот миг не интересовало ничего, кроме его мыслей.

Отдача от карты «Чтение» пошла сразу. Яна уже через несколько секунд почувствовала, что карта стала излучать тепло. В кончиках ее пальцев закололо, тепло разлилось по всему телу, и уже в следующий миг сознание гадалки окутало привычное мутное облако, уносящее ее в область неизведанного.

Милославская смотрела прямо в глаза своему противнику и холодно улыбалась. Тот, казалось, от такого обжигающего взгляда почувствовал себя несколько растерянно. Глаза его забегали, пальцы стали нервно постукивать по подлокотнику кресла.

— Господа, вы отнимаете у меня время, — сказал он, — долго еще мы будем вот так вот дурью маяться?

Но Яна этих слов уже не слышала. В ее мозгу стали проноситься какие-то другие звуки, которых она поначалу не могла разобрать.

— Молчи! — скомандовал не на шутку переживающий Руденко Мокрому, ткнув его посильней в висок.

Тот ухмыльнулся, но замолчал, а Янин мозг вскоре уже без затруднений читал законченные по смыслу высказывания, которые он мысленно произносил.

«И все бабка! Все она, — твердил он, — это она в меня с детства своими идиотскими книжками вбила страсть к приключениям. Мало отец меня тогда порол! Идиот я, обрадовался, что мечта сбылась: познакомился с удачливым кладоискателем. Теперь вот сиди, перед этой дурой оправдывайся! Она ведь уже глубоко копнула... Ничего, пусть еще доказать попробует».

Мокрый потянулся к столу. Руденко сразу хотел его остановить, но тот сказал:

— Попью! — и взял бутылку минералки, открыл ее зубами и залпом ополовинил.

В эти мгновенья он не переставал думать о своем, и Милославская

легко читала его мысли. «А я ведь за бешеные деньги купил у этого чертова кладоискателя карту-схему, — проносилось в них. — Вот осел! Надо было сначала добиться результата, а потом деньги платить. Но ведь он так говорил убедительно: богатый помещик там некогда зарыл кувшин с деньгами... Кошечка злато ослепило! И на черта я дом этот купил втридорога?! Все равно все перерыл, но ничего, кроме карабина, не нашел. Вот бабка, вот лихачка! Или это дед ее такой был? Фиг с ними. Однако находка не оправдала моих затрат...»

Мокрый поставил бутылку на место и взял сигару, начав мять ее пальцами. «Но этот козел сполна заплатил мне за промашку! — думал он. — Он увидел, что значит Мокрый в гневе. Но ведь борзый какой! Заявил, что я просто не так расшифровал карту-схему. Ублюдох! Надо, видите ли, было работать с соседним домом, домом Ермаковой, а я ошибся. Идиот! Такие бабки! Такие бабки! Мало было ему мозги вышибить, надо было и правда его расчленивать и скормить собакам! Смерть он из того самого карабина и принял... Разорить меня вздумал? Но я тратиться на покупку еще одного дома и не собирался. Тихонько избавился от старухи, и все. Ее сыновья-то — простые колхозники. Один при жилье, а второй — синяк. Ничего, спустя месяц-два я с этим синим легко и просто решу вопрос с раскопкой того двора и обыском дома. А эта дура — ха! — пусть себе убийство кладоискателя расследует».

— Долго еще? — зло спросил Мокрый, прикурив.

— Нет, почему же? — ответила ему Милославская спокойно и медлительно, приходя постепенно в себя. — Хотя это будет зависеть от того, как быстро вы во всем сознаетесь.

— Хм, а гаданье ваше, что же, не помогло?

— Ну, я же вам сразу сказала: казенный дом. Карты именно это и подтвердили.

— Ой, какие страсти!

— Не хотите говорить? Тогда послушайте, — строго сказала Милославская. — Вы в детстве обожали приключения. Страсть к ним не покинула вас и сейчас, хотя никто из вашего окружения ее не понимал и не поддерживал вас особенно. Ваша давняя мечта неожиданно сбылась: вы познакомились с известным в городе удачливым кладоискателем, который по вашей просьбе продал вам за бешеные деньги карту-схему местности, где якобы некий богатый помещик некогда зарыл кувшин с золотыми монетами.

— Боже мой! — Мокрый рассмеялся. — Вы сказочница?

Яна игнорировала высказывание Мокрого и уверенно продолжала в

том же тоне:

— Вы, ослепленный сумасшедшей идеей, руководствуясь указаниями карты-схемы, втридорога купили дом в селе Багаевка у пожилой одинокой женщины, которая и не собиралась его продавать, но, подкупленная предложенной вами высокой ценой, согласилась.

Мокрый перестал смеяться, подернул бровью и с издевкой произнес:

— Ну-ну.

— Далее, — продолжала гадалка. — Вы наняли технику, организовали своих ребят и на всякий случай, чтобы избежать каких-либо стычек с местным населением, пригласили представителя органов, который давно уже работал на вашу преступную группировку. Всей этой компанией вы отправились в Багаевку и принялись разрушать, иначе я это не могу назвать, купленный дом. Однако вам не повезло: все перерыли, но ничего не нашли, никакого золота. Правда, попался, наверное, в качестве утешения, старинный карабин. Ваши ребята обрадовались, а вы — нет, потому что находка не оправдывала затрат.

Мокрый кашлянул и начал нервно подергивать ногой. Джемма напряглась, готовая броситься на него. Яна же, нисколько не меняя голоса, снова продолжила:

— Так что следствие, как видите, зашло довольно далеко. Может быть, дальше вы сами расскажете? Чистосердечное признание, как вы знаете...

— О чем вы говорите?! Какое еще признание?! Я ничего не понимаю! — воскликнул хозяин офиса.

— Хорошо. Тогда буду говорить я. Но знайте: нам известно все. Ваши люди далеко не все так вам верны, как вы предполагаете...

В глазах Мокрого с новой силой сверкнула злоба.

— Вы, разъяренный, пошли на встречу с кладоискателем, — сказала гадалка, — но тот совершенно спокойно заявил, что вы всего-навсего не так расшифровали карту-схему. Надо было работать с соседним домом, домом Евдокии Ермаковой. Это он вам и посоветовал. То есть предпринять еще одну попытку и взяться за другой дом. На это вы отреагировали резко: прикончили его на месте из того самого карабина. Вам не столько были дороги напрасно потраченные деньги, сколько нанесенная вашему больному самолюбию обида. Хотя и тратиться на покупку еще одного дома вы не собирались: решили просто избавиться от старухи, которую повесить вам не составило труда. Вы намеревались «договориться» о доме с ее сыновьями, которые, на ваш взгляд, ничего из себя не представляли. Особенно Леня, выпивающий и даже спившийся, на которого вы и возлагали главную надежду, не зная, что дом завещан другому сыну.

Однако напрасно вы думали, что в самоубийство Ермаковой кто-нибудь поверит...

Мокрый вдруг сорвался с места и бросился на Милославскую. Джемма прыгнула на него и зубами вцепилась ему в плечо, от чего тот дико взвыл и упал на пол лицом вниз.

— Мрази! — завопил он.

Овчарка наступила на него передними лапами и громко залаяла.

— Умница! — сказала, поднявшись, Милославская. — Ну, Семен Семеныч, вызывай оперов. Вот он, преступник, готовенький. Этим своим рывком он вину свою и признал, — Яна указала на Мокрого.

— Да, признал, — процедил тот, — но у меня хорошие адвокаты.

— Боюсь, они вам не помогут, — парировала гадалка, — на вас два убийства.

Милославская достала из сумки сотовый, который «похитила» у охранника, и протянула его Руденко. Тот быстро набрал знакомый номер и, широко улыбаясь, гаркнул в трубку:

— Вперед, ребята!

Следом Три Семерки назвал адрес и, похлопав Яну по плечу, произнес:

— Ты гений.

В этот миг с пола раздалось:

— Если бы меня не предали, этот гений никогда не распутал бы этот клубок...

Милославская ничего не ответила и только ухмыльнулась в ответ.

* * *

— Ну, — выразительно произнес Федотов, — высоко подняв фужер с шампанским, — за Яну Борисовну!

— За Яну, — ответил ему Витька Ермаков и, приложив свой бокал к губам, осушил его до дна.